

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ
ИЮНЬ **N3(141)**

МОСКВА 2022

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2022. № 3. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия);
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекартаев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>
сайт: <http://www.phil.ru>
<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>
Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Тираж 1000 экз. Заказ №
Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»
тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2022

Содержание

Время и бремя потаенных перемен (<i>Главный редактор</i>).....	7
--	---

Раздел I. Философия хозяйства

Ю.М. Осипов

Необъявленная война как знамение заблудшего времени	11
---	----

Л.А. Асланов

Основы теории локальных цивилизаций	21
---	----

Д.К. Стожко, К.П. Стожко

К вопросу о сущности современных экономических механизмов: философско-антропологический контент.....	32
---	----

А.А. Олейников

Ценности России как Русской Евразии, как православно-евразийской цивилизации, как «исторической России»	50
---	----

М.Ю. Чурилин

Формирование идеалов сознания в постматериалистическом глобализационном мире	59
---	----

В.Я. Иохин, И.В. Ващекина

Украинская страда и наш путь.....	76
-----------------------------------	----

Р.Е. Соколов

Философия хозяйства либерального крыла германского протестантизма и появление культурного национализма	87
---	----

Раздел II. Экономическая теория

К.А. Хубиев, И.М. Теняков

Российская экономика в системе ограничений и перспектив	103
---	-----

В.В. Бирюков

Современные монетарные теории: особенности парадигмального переосмысления	132
--	-----

М.А. Чирков, М.А. Шумилина, К.А. Нефедова,

М.С. Чистяков

Эмоции и впечатления как продукт эволюции креативных индустрий	148
---	-----

Е.Ю. Волкова

Влияние национальной модели на развитие стратегического управления экономикой РФ.....	159
--	-----

А.А. Гулиева

Социально-экономическая модернизация в постковидный период	185
---	-----

Раздел III. Актуальная социология

И.Ю. Фомичев

Формы индивидуального присутствия
в социологическом дискурсе201

Н.П. Недзвецкая, И.И. Простаков

Виртуальная реальность цифрового социума208

В.Н. Иванова, К.И. Колтуновский

Критерии и механизмы формирования инновационного
потенциала институциональной среды217

Г.С. Широкалова

Историческая правда о СССР: от кого и для кого?.....238

Раздел IV. Рецензии и отклики

Н.Б. Шулевский, Е.С. Зотова

Философия хозяйства: уникальность и традиция255

А.Н. Баланов

Цифровизация в области литературы.

Способы издания книги: новые возможности271

Научная жизнь

Т.С. Сухина

Экономический дирижизм под знаком

экстраординарных перемен.....279

Анонсы294

Наши авторы296

Contents

The Time and the Burden of Hidden Changes (Chief Editor).....	7
---	---

Part I. Philosophy of Economy

<i>Yu.M. Osipov</i>	
Unannounced War as a Sign of Lost Times	11
<i>L.A. Aslanov</i>	
Fundamentals of the Theory of Local Civilizations	21
<i>D.K. Stozhko, K.P. Stozhko</i>	
On the Issue of the Essence of Modern Economic Mechanisms: Philosophical and Anthropological Content	32
<i>A.A. Oleynikov</i>	
The Values of Russia as Russian Eurasia, as an Orthodox-Eurasian Civilization, as «Historical Russia».....	50
<i>M.Yu. Churilin</i>	
The Formation of the Ideals of Consciousness in The Post-Materialist Globalized World	59
<i>V.Ya. Iokhin, I.V. Vashchekina</i>	
Ukrainian Stage and Our Way	76
<i>R.E. Sokolov</i>	
Philosophy of Economy in the Liberal Wing of the German Protestantism and Emerging of the Cultural Nationalism.....	87

Part II. Economic Theory

<i>K.A. Khubiev, I.M. Tenyakov</i>	
The Russian Economy in the System of Constraints and Prospects	103
<i>V.V. Biryukov</i>	
Modern Monetary Theories: Features of Paradigmatic Rethinking	132
<i>M.A. Chirkov, M.A. Shumilina, K.A. Nefedova., M.S. Chistyakov</i>	
Emotions and Experiences as a Product of the Evolution of Creative Industries	148
<i>E.Yu. Volkova</i>	
The Influence of the National Model on the Strategic Management Development of Russian Economy	159
<i>A.A. Gulieva</i>	
Socio-Economic Modernization in Post-Covid Period	185

Part III. Actual Sociology

I.Y. Fomichev

Forms of Individual Presence in Sociological Discourse.....201

N.P. Nedzvetskaya, I.I. Prostakov

Virtual Reality of Digital Society208

V.N. Ivanova, K.I. Koltunovsky

Criteria and Mechanisms for the Formation
of the Innovative Potential of the Institutional Environment217

G.S. Shirokalova

The Historical Truth about the USSR:
from Whom and for Whom?238

Part IV. Reviews and Responses

N.B. Shulevskij, E.S. Zotova

Philosophy of Economy: Uniqueness and Tradition255

A.N. Balanov

Digitalization in the Field of Literature. Ways to Publish a Book:
New Opportunities for the Author and Reader271

Scientific Life

T.S. Sukhina

Economic Dirigisme under the Sign of Extraordinary Changes257

Anounce294

Our Authors299

Время и бремя потаенных перемен

Каких перемен? Если кратко и емко, то *глобально-экзистенциальных*.

Не слабо, правда?

А если добавить, что *крутых* перемен, да еще и всесторонне *затратных*, мало того — в основе *хаосных* и по возможным следствиям своим практически *неизвестных*, то, пожалуй что, не только не слабо, но и вполне себе страшновато!

Да, это не первые в земно-человеческом бытии *большие перемены*, в чем-то схожие со своими историческими предшественницами, перекликающиеся с ними и даже повторяющиеся, но... ах, это *но!*.. вполне себе и уникальные, ибо хоть и эпохальные, но при этом немало и *вне-эпохальные*, хоть и *мировые*, но при этом в чем-то и *сверх-мировые*, хоть вроде бы исторические, но при этом и заметно уже *пост-исторические*.

А почему они такие вот — необычные, а все потому что *за-предельные*, то бишь *за-человеческие*, ибо творятся вроде бы *человеками*, *социумами*, *армиями*, а на самом-то деле незнамо кем и чем, ибо главные творящие их субъекты и силы во многом уже *вне* вообще-человеческих параметров, мер и измерений, отчего ум человеческий отказывается их — эти перемены — адекватно себе и им — этим переменам — воспринимать, ибо они — сии перемены, как и их субъективно-объективные движители — *вне* доступного человеческому уму адекватата.

Интересно, не правда ли?

Что можно сегодня сказать определенного о земно-человеческом мире, как и о его возможно-невозможном будущем, кроме одной, точнее, двух, определенностей — НИЧЕГО или КОНЦА!, пусть и не вообще «ничевошного» ничего и не конечного конца вообще-земно-человеческого мира, но уж явно уже подступающего конца *этого мира*, как и ничего этакого, то бишь ясного, не сказать о будто бы возникающем из ныне разошедшегося *антимировского хаоса* некоего *нового мира*, даже уже чуть ли не *пост-мира* — точно?!

Да, разум человеческий ожидает тотального переустройства, погрязшего в суетной беспросветности существующего мира, его, так сказать, конечного просветления — и правильно в общем-то делает

(что же еще ему остается?), — однако как это просветление вдруг произойдет, во-первых, без свершения конца этого мира, уже самого себя приговорившего и самого себя пожирающего, — по всем, кстати, экзистенциальным параметрам, и, во-вторых, как это вдруг этакое просветление с переходом к новому миру произойдет из бездного анти-мировского хаоса?

О-о, как тут все не просто, и насколько, как теперь становится ясно, прозорлив был автор библейского «Откровения», а-а?!

И что же тогда — безысходность, хотя бы для *этого мира*, или все-таки какой-то выход для человечества есть, пусть и ценой *этого мира*, его бездного исчезновения?

Кто ж знает? Человек не знает, хотя и может понадеяться на *апокатастасис*, но увы, тоже ценой *этого мира*, отчего, как говорят на Руси, хоть в лоб, хоть по лбу — все одно!

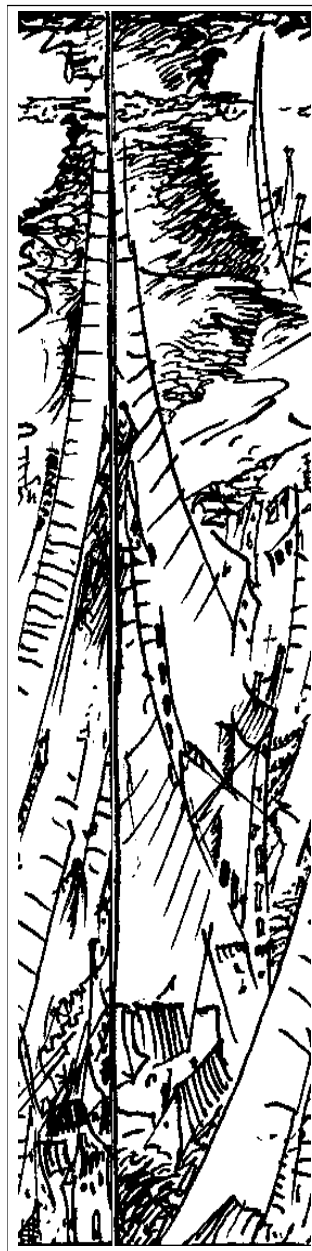
И что же сейчас завертелось на земном шарике? Нет, не только новая мировая война, что само собой, а и кое-что более крутое, масштабное и значимое, а именно... *апокалипсис*, который, надо особо заметить, пусть и вкупе с *апокатастасисом*, и без войновской войны вовсю идет, причем куда более круто, масштабно и значимо, чем какая-то там войновская война, а вот что из всего этого выйдет... о-о!.. не будем об этом — и так тошно!

А что Россия? Либо выжмет из себя уже вдолгую вестернизированную антиРоссию и станется на срок, может, и долгий, *Новой Россией*, либо... э-эх... в Россию можно только верить, вот мы и верим, — так вот!

Главный редактор

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Необъявленная война как знамение заблудшего времени*

Аннотация. Горячие события на Украине обнажили не только противоречия между западным и российским, как и другими мирами, не только обозначили переломный момент в истории всего земного мира, ознаменованный завершением так и не сложившегося до конца глобального мира под управлением США, но и «войновскую» составляющую человеческого мира вообще, причем настолько обнажили, что стало наконец-то позволительным говорить о человеческом мире как о мире-войне, как и рассматривать украинно-российский горячий конфликт как всего лишь предварительное возгорание земного мира-войны с неопределенным для него эсхатологическим результатом.

Ключевые слова: мир, мир-война, война миров, кризис глобального мира, украинно-российский конфликт, общемировая эсхатология.

Abstract. Hot events in Ukraine exposed not only the contradictions between the Western world and the Russian world like between other worlds, not only marked a turning point in the history of the entire earth's world that marked by the end of the global world administered by United States, that has not yet developed, but also the «war» component of the human world in general, and such exposed that it has finally become permissive to speak of the human world as a world-war, as well as to consider the Ukrainian-Russian hot conflict as just a preliminary ignition of the earthly world-war with an unspecified for it eschatological result.

Keywords: peace, peace-war, war of worlds, crisis of global peace, Ukrainian-Russian conflict, global eschatology.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Необъявленная война как знамение заблудшего времени // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 11—21.

Мир-Война

Некоторое время назад (этак лет семь, а то и больше) я заговорил с конференционных трибун и стал писать в своих публикациях о *Войне*, вещая не так о войне в привычном понимании — не как о военно-армейском действе, даже не как о той же холодной войне, а как об особом состоянии всего нынешнего мирового целого — состоянии тотальной, многоцелевой и многоплановой, как стало ныне принято выражаться — гибридной, гуманитарной, экзистенциальной — войны, что позволило мне рассматривать текущий вокруг мир, он же и *Мир*, как *мир-войну*, а точнее — *Мир-Войну*, не более и не менее!

Мое смысло-знаково-понятийное новшество не то что не было замечено, но адекватного восприятия, как давно уже повелось в нашем просвещенном масонско-университетском «просвещением» ученом сообществе, не последовало. Не воспринимают этого «*Мира-Войны*» и сейчас, хотя вдруг заметили, что в мире уже вовсю идет *новая мировая война*, хотя опять же упорно не замечается, что это не просто война между государствами, странами, народами, нациями, даже и цивилизациями, а *мировая война между мирами*, да мало что, к примеру, между западным и восточным мирами или, скажем, тем же евроамериканским и российским, а более всего между миром, который все еще можно называть, пусть и с натяжкой, *миром все-еще-человеческим*, не расставшимся с *традицией*, а потому и полагать его именно *Миром*, и другим миром, который, правда, миром-то уже и не назовешь, а если его за что-то мирового пошиба и примешь, то лишь за... *антимир* — *Антимир*!, за мир-перевертыш, за мир-оборотень, загнавший мир все-еще-человеческий окончательно и бесповоротно в преисподнюю (тоже ведь, кстати, в нечто великое — *Преисподнюю*!) и задравшего преисподнюю — Преисподнюю! — наверх, как раз и получив в качестве постэкзистенциального приза не что иное, как *антимир* на месте собственно *мира*. И коли сейчас Война, то война миров, точнее же Мира с Антимиром, а лучше бы сказать — агрессивно наступающего Антимира с неуверенно обороняющимся

от него Миром, а вместе с этим и *уже-анти-чело-веко-вечества* с *еще-чело-веко-вечеством*, — вот так!

Поскольку ни у Аристотеля, ни у Иоанна Богослова, ни у Гегеля, ни у Маркса, ни у кого еще из признанных интеллект-авторитетов нет ни Мира-Войны, ни войны реальных зѣмных, а не фантастических, как у того же Уэллса, миров, как нет и Антимира с его войной против Мира, а Мира с его войной против Антимира, то всего *Этого* нет и в воображении тугих на ухо и слабых глазами экспертов-просвещенцев, хоть и знают они хорошо, что человеческого мира как мира без войны никогда вообще не было, нет и быть не может, причем не какой-то там локально-временной войновской возни, а войны имманентно и постоянно миру человеческому присущей, как раз вполне себе гибридной, гуманитарной, экзистенциальной, да ладно бы армейской, разбойной, воровской, хулиганской, экономической, имперIALной, колониальной, пропагандистской, идейной, межрелигиозной, межкультуровой, а то ведь вполне себе межлюдской, межполовой, внутрисемейной, междоуственнической, межкулановой, междоседской, междоколенческой, школьной, дворовой, какой там еще... а-а... еще, пожалуй, «песочненной» (младенческой, так сказать).

Все бытие человеческое пронизано войной: соревнованием, конкуренцией, неприятием, ненавистью, завистью, обманом, коварством, дрязгами, ложью, клеветой, мошенничеством... что-о... надо продолжать, коли словом, всего лишь одним словом, не говоря уже об ударе кухонным ножом, убить человека можно?!

Но это не все: есть еще практически постоянная и нескончаемая война с природой, со средой обитания, с тем же городом, с плохой дорогой, с личным авто, с навязчивым сервисом, с нехватками, дефицитами, неудобствами, да мало ли еще с чем, не исключая, конечно же, войны каждого с самим собой, особенно с запретными желаниями, соблазнами, недомоганиями, болезнями, ну и, как водится, со смертью!

В общем, *война*, да мало что против чего-то и кого-то, а то ведь за жизнь, за себя, за благополучие, за честь, за достоинство... и сколько при этом уступок, сдач, провалов, поражений, измен, предательств... о-о... лучше об этом не говорить: обидно, противно, горько!

Жизнь — война, человек — война, любая людская ячейка — война, общество — война, мир — война!

Не сла́бо, правда?

Однако оговоримся сразу, что *не все* человеческое бытие сводится к войне, более того, в нем хватает и всего противоположного, так сказать — мирного, включая и лад, и дружество, и честь, и верность, и благоволие, и любовь, но сия оговорка никак не мешает нашему кардинальному утверждению, что бытие таки насквозь *про-*
низано войной, — факт!

Отсюда выходит, что мир, о котором у нас обычно случается речь, всегда был, есть и будет до скончания своего не просто миром как миром, или *мирным миром*, а и как *миром-войной* — не более и не менее!

Война (не) война

А сегодня мы наблюдаем не что иное, как особую, уже и вне-эпохальную, так сказать — *вечненскую*, взбаламучку мира-войны, как и особое качество сей взбаламучки — *тотально и эсхатологически антимировскую*, отчего и позволяем себе перевести мир-войну в разряд *Мира (Не) Войны*, говоря тем самым... нет, не о Конце Света... однако и впрямь о каком-то чего-то *конце* и, возможно, каком-то чего-то *начале*, во всяком случае, о конце текущего планетарного мира, пусть и обозначаемого всего лишь как *однополярный* (глобальный, прозападный, проамериканский) и начале другого планетарного мира, хотя бы *многополярного* (не-глобального, не-прозападного, не-проамериканского), а вот воистину какого — кто ж знает?, — и это в случае, что маловероятно, ежели все, хоть и по-разному, но весьма антимировски зараженные (прокаженные), полярные центры (существующие, уходящие, нарастающие) не встрянут в междусобойный *Армагеддон*, который со всем человеческим мирозданием сразу — окончательно и бесповоротно — и разберется!

Не так тут в обороте Америка с Европой и всем, так сказать, Западом, даже не доллар с евро, даже не миромасштабный капитал, как и не тот же мировой финансизм, как и вообще не экономический империализм, даже не уже нагнавшая страху тотальная цифровизация крайне ныне страшны для человеческого мироздания, хоть они по-своему немало и вредоносны, как воистину страшен, причем всем

этим вышеперечисленным порождаемый, планетарно распространенный и весьма уже закреплённый *антимир* — АНТИМИР!, близкий по бессмыслию и проделкам своим тем силам, энергиям и информации, которые обычно называются антихристовыми, сатанинскими, шайтанскими, бесовскими, но которые на внешний взгляд таковыми частенько и не выглядят, даже наоборот, смотрятся пусть и не совсем и не всегда пристойными, на зато в целом весьма привлекательными, даже и притягательными, а завлекаемый и поглощаемый ими человек даже не замечает, как теряет в себе все человеческое, небесное, божественное, превращаясь в некоего зомби-чека, лишённого не то что человечности, но даже и обычно свойственного человеку, пусть весьма и исковерканного, сознания.

Антимиру нужен вовсе не человек, а как раз *не-человек*, *анти-человек*, *пост-человек*, а он — этот Антимир — все это нечеловеческое (или не-совсем-человеческое, пара-человеческое, квази-человеческое) в изобилии ныне в человеке под его внешне человеческой личиной и получает, особенно в высших слоях человеческой зоо-ноосферы, как и в средних и низших, безусловно, тоже.

Успех Антимира грандиозен, неоспорим и, увы, грозен, хоть грозу сию ненасытную, как и угрозу от нее, вполне себе эсхато-апокалипто-концесветовского разряда, мало кто из современных насельников планеты замечает: не осуждать же, право, тех же «битлов» за их незамысловатые поп-песенки (за что?!); того же хриплоголосого и выразительно «страшного» еще того, советского времени, барда за его разрушительные песнопения (за что?!); умно-малевический «Черный квадрат» (за что?!); почти все медиа (ох, за что же?!); почти все «современное искусство» (это-то за что?!); почти всю «современную литературу», не избегая и достижений достославного Серебряного века (за что?!); многую науку, особенно гуманитарную (это-то за что?!); смутного разлива политособей новейшего образца (за что?!); оголтелый феминизм (это-то, у-ух, за что?!); современную без-образную и безобразную архитектуру (за что?!), да и всякое там психоложество, сексопатоложество, адвокатство, рекламство, продюсерство, менеджериство, консультанство, говорунство, пиарство, да мало ли чего и кого еще, что и кто владеет сознанием, воспитывает человекообразных, направляет «мысли» планетарцев и правит, правит, правит ими, выдувая человека из человека, превращая человека

сначала в пустого человекообраза (за что?!), а затем и коли повезет и успеется, уже и в нечеловеческое существо, а то и попросту в земно-космическую пыль (о-ох, за что же?!). Можно еще добавить, что еще за излишнее, пардон, «потреблятельство», безудержный пустопорожний туризм, неумное мирогражданство, за наркоту, гопоту, интеркривлянье, за проходную ложь, всякие там кастинги, конкурсы, смотры, премии, включая Нобелевку, за ту же грантоманию, ну и за деньги, деньги, деньги, как и за непрерывное «бла», «бла», «бла», за скоморошество, за верхоглядство, за бессмыслицу, за праздношатающуюся пустоту.

За что же так, за что, за что?!

Да всего лишь за нечеловеческий в сторону человека гуманитарный, он же и антигуманитарный, *террор* — да, да, именно так — ТЕРРОР! — словесный, информационный, звуковой, музыкальный, рекламный, идейный, безыдейный, менеджериальный, фокуснический, чародейный, мошеннический, ну и никакой тоже, однако тот самый ТЕРРОР, что *незаметно* — соблазняя, привлекая, теребя и баламуча — *ничтожит* и *уничтожает*, да ни чего-нибудь и кого-нибудь, а *человека в человеке*, да и самого *человека* тоже: взглядишь, читатель, в лица и глаза своих ультрасовременных современников, причем любого происхождения, возраста и пола, и *все* сразу увидишь, если захочешь и не испугаешься, как раз то самое *ничто*, изваянное из аутизма, пустоты, нескрываемого эгоизма и плохо скрываемого предкончинного страха!

Что-о, разве не так?!

Война среди войны

Вот и Война, уже не как составная часть Мира-Войны, что само собой, а как *сама по себе война*, как раз та *самая*, что сингулярно загнездилась ныне на Украине в образе-де российско-украинского смертоносного конфликта, а на самом-то деле ни в каком не в образе на постмодерновой геостратегической сцене, а во вполне себе реальных реалиях, да и не так геостратегических, хоть это и есть, а вполне себе телео-эсхато-экзистенциальных — *апокалиптических*, ну и, надо верить, в *апокастатических* тоже.

Да-а, это война вроде бы двух родственных (близких, но вовсе не братских, как уверяют нас доброты) сторонних стран — России

и Украины, но ежели со стороны Украины эта война не столько за себя как Украину, сколько как за Украину-антиРоссию, раз!, за НАТО и весь Запад, за германцев и англосаксов, за США, два!, но еще и, чего, может, на Украине особенно и не осознают, за наступающий на земный мир, пусть и мир-войну, погребальный антимир, что как раз и превращает мир, пусть и мир-войну, все более в антимир-войну, а точнее — в мир, в котором не просто перманентная, пусть и по времени прерывная и пространственно разнесенная по зёмным углам *мировая война* (чуть было не сказал — *мирная война!*), да не на жизнь, а на смерть война, как и на телео-эсхато-экзистенциальную *нежизнь*, как *раз война между еще живым миром и уже не живым антимиром*, — и ежели Украина в своем прозападно-натовско-американском раже попала на крючок чудо-юдо-расчудесного антимира и за него слепо воюет, то Россия, освобождаясь, пусть пока и не слишком решительно и последовательно, от этого же самого крючка, воюет, сознавая это или нет, не просто за себя и русский мир, но и против сего чуда-юда-американища, пусть даже и не слишком это освобождение приветствуя.

Заметим, все тут, как в сказке, только не в милой сказочке про какой-нибудь аленький цветочек, а совсем в другой сказке, когда святорусский богатырь, пусть и подобманутый лукавой Бабой-ягой (как раз агентом чуда-юда-чудища — той же Западной Европы) сражается аккуратно с этим самым чудом-юдом-чудищем — Кощеем де Бессмертным, который не откуда-нибудь, а прямо из-за океана, а ежели все именно так, как в этой сказке, то, как неустанно твердит известный политолог-внук вслед за Сталиным: *«Дело наше правое, победа будет за нами»* — за Россией, как и уже исходящим от России (или из нее) *Новым Миром*, если, конечно, ему — этому *Новому Миру* — вообще суждено сбыться и какое-то время побыть, что, не станем скрывать, вовсе и не... проблемно!

Вырыв или заблуд?

События хоть и делаются человеком, пусть и не вполне, но зато идут они, чуть ли уже не вполне, за сокрытым от глаз человеческих *Иным*, а Иное — на то и *иное*, чтобы, влияя на события, их очередной и внеочередной при нужде ход, оставаться не просто в Тени, а и в Неизвестности, охотно скрываясь в первой и обильно питаясь

последней. А иначе, какой же тогда вообще мир, какой человек, какая жизнь, какая обитаемая планета Земля, какое Солнце, какой Космос, какое и Мироздание?!

Как-никак, а главный исторический, если уже во многом не постисторический, вопрос звучит просто: «*Быть или не быть?*», да не чему-нибудь и не кому-нибудь, а зёмному миру вообще, не говоря о все-еще-вроде-бы-передовом белорасовом мире, включая, знаете ли, и Россию. Вот так: не более и не менее!

Война «белых» между собой на Украине — война не просто сакральная, она еще и запальная — для всего прежде всего «белого» мира, в которой из «белых» может и не стать победителя, как, собственно, и побежденного, зато могут стать благоприобретателями кто-то из «небелых», «смуглых» или попросту «чернявых» насельников Земли, впрочем, не таких уж при этом и счастливых.

О-о, если б знать, если б знать, как когда-то знали бы свою судьбу, свои деяния и их последствия те же Александр Македонский, Юлий Цезарь, Наполеон Бонапарт или бесноватый Адольф Гитлер, да и те же Ленин, Сталин, Рузвельт, Черчилль, де Голль, не говоря о Горбачеве с Ельциным!

Великая Неизвестность! А ведь и она ничего такого не знает, даже, уж простите, и сам *Господь Бог* не знает, ибо коли бы они — Господь Бог и Великая Неизвестность — все это заранее знали, то зачем же тогда все это с Землей, Космосом и Человеком кем-то и зачем-то было затевать?

Однако кое-какая догадка все-таки есть: возможность перескока *этого мира в иной мир!* Что ж, почему нет, да вот в *какой* же тогда мир? Тут уж, извините, никакого воображения человеческого для человеческого же ответа не хватит, ибо речь тут может идти только о *пост-человеческом* мире, да и не о мире уже, а скорее, о каком-то *пост-мире*, о чем зёмному человеку и поведать-то нечего, кроме, пожалуй, о чем-то, по Циолковскому, истово «лучезарном»!

Post Scriptum: и что же?

История, как известно, не знает сослагательного наклонения: «Если бы да кабы...» не для истории... бац!.. и все тут!

И свершается то, что свершается: благополучия и невзгоды, подъемы и спады, развития и стагнации, победы и поражения, подвиги и предательства, ну и что-то небесное с чем-то преисподненским, и героическое с подленькими, и исключительное с обыденным, в общем, всякое — как желательное и восхитительное, так и нежелательное и отвратительное, что как раз и есть бытие, жизнь, экзистенция, однако не одна лишь тут противоречивость, даже и не столкновение противоположностей, их борьба, а самая что ни на есть *Апокалиптика*, если не *Бездника*, все это противоположное и противоборствующее убедительно полагающая, разумеется, вкупе с Иным, Неизвестностью и Тайной!

Бытие, жизнь, экзистенция, пронизанные и сдобриваемые Апокалиптикой, сами и назначили, поощряемые Иным, Неизвестностью, Тайной, начальным и центральным местом *Большой общемировой разборки* (БОМР) Украину, а ее — этой БОМР — главными субъектами-участниками, помимо самой Украины, ее нынешнего режима, так же и Россию как прямого противника нынешней Украины с ее непотребно-нацистским режимом, но при этом и весь (пусть почти весь) Запад с Западной Европой посередине и с США во главе, но уже как якобы союзника нынешней Украины и сакрального врага России, тоже ведь там и там непотребно-нацистского.

Ничего не поделать: «Украина не Россия» — «Украина це Европа» — «Украина це евраонацизм»!

И пошло-поехало, сбивая с обветшалых пьедесталов пресловутую «братскость» славян, «русских», православных, христианских, восточноевропейских, евразийских, советских (постсоветских), общеисторических, просвещенских, общекультурных, «белых», наконец.

Да, Украина — не единое целое, она этно-культурно-исторически разнообразна, но в ней давно уже завелось, аки бацилла, активное, амбициозное и агрессивное, скажем так, «укрогенное ядро», оно же и «малый укронарод», со своей «украиньской идеей» и своим «украиньским проектом», вовсе не сегодня, а уже давненько о себе заявившее, кроваво за себя и против чужих, прежде всего «русских», не раз и не два постоявшее. Это-то ядро и взяло верх на нынешней Украине и, вступив в союз с Западом, Великобританией, США, той

же Польшей, принялось покорять под себя всю Украину, вытесняя из нее все «чужое», прежде всего, конечно, все «руськое».

И все бы было более или менее ничего, если бы это «укродвижение» не оказалось на руку хитроумному Западу во главе с прямыми США, которые немедленно включились в розыгрыш столь де многообещающей и для них удобной, чуть ли не козырной, хоть и крапленой карты — как раз против России, вынужденной стать при всей своей нынешней вестернизации и даже зависимости от Запада и тех же США, на защиту русского мира на Украине, как и, естественно, и в самой России, что в конечном счете и привело к тому, к чему и привело — к войне на Украине между Россией, с одной стороны, и Украиной с ее укронациорежимом вкупе с патронирующим Украину Западом и США — с другой.

Хошь не хошь, а война сия есть, она идет, разгорается, грозя перевести уже ведущуюся под жупелом гибридности, гуманитарности, экзистенциальности мировую войну в войну истинно войновскую, чуть ли не термоядерную!

Непозволительно залихватски вещать, как это делают ныне бодрые записные телешоудискутанты о возможном исходе разгоревшейся внешне вроде украино-российской, а в глубине-то западно-российской войны, как и о возможно-невозможной, или, наоборот, невозможно-возможной судьбе Украины, России, того же Запада с США во главе и с Великобританией у изголовья, как и с Германией и Польшей во чреве. Достаточно и указания на вдруг возникший острый и токсичный замес *мировой полифуркации*, в котором все проблемно-мировое ныне сошлось и все еще более проблемное мировое из которого вдруг и выскочит, разумеется, через посредство мирового Иного, мирозданческой Неизвестности и вселенской Тайны.

Защищая русский мир и себя, Россия защищает и Украину, что не мешало бы понять завзятым критикам «русского империализма», мало того, Россия вкупе с Украиной очищается от антимировской заразы, а это, знаете ли, означает, что и от гибели тоже!

Не ради чьей-то из воюющих сторон геостратегической победы и чего-то из них геостратегического положения возникла вдруг сия межмировая война на территории Украины, а ради полного облачения всего, почти всего или очень многого из накопленного и культивируемого человечеством, ведомым пока что, хоть и вовсю

уже деградирующим, Западом во главе с США, а также война разразилась ради понимания бытующего земно-космического мира и восприятия тугого и вовсе не доброго полифуркационного узла, в котором он — этот мир — сегодня оказался, а также ради очищения, возрождения и преобразования прямых участников военного столкновения — России и Украины.

Аминь!

Л.А. АСЛАНОВ

Основы теории локальных цивилизаций*

Аннотация. Цивилизация состоит из двух частей: менталитета и культуры. Менталитет — основа цивилизации, культура — «иммунная» система цивилизации. Менталитет — коллективный инстинкт самосохранения, генетически наследуемый из поколения в поколение. Культура состоит из условных рефлексов, являющихся результатом индивидуального приспособления индивида к окружающей среде.

Ключевые слова: менталитет, культура, условные и безусловные рефлексy, инстинкт самосохранения, мозг, окружающая среда, синергетика.

Abstract. Civilization consists of two parts: mentality and culture. Mentality is the basis of civilization, culture is the «immune» system of civilization. Mentality is a collective instinct for self-preservation, genetically inherited from generation to generation. Culture consists of Pavlovian conditioning, which are the result of an individual's adaptation to the environment.

Keywords: set of mind, culture, pavlovian and operant conditioning, instinct for self-preservation, brain, environment, self-organization theory.

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Асланов Л.А. Основы теории локальных цивилизаций // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 21—31.

УДК 316.7
ББК 65в

В отличие от природы, в которой все ее части неразрывно соединены в единое целое, наука издавна разделилась на части, изучающие искусственные, вырванные из природы фрагменты, которые удобно изучать глубоко и детально. Ввиду этой фрагментации целостность картины мира оказалась нарушенной. Особенно сильный разрыв существует между естественными и гуманитарными науками. Наука о человеке и обществе особо сложная и крайне ответственная. Она же наинужнейшая: не только гуманитарные, но и все естественнонаучные знания создаются ради людей. Гуманитарная наука успешно создала свои направления и методы работы [10; 9], но взаимодействие естественнонаучных и гуманитарных знаний крайне неудовлетворительное. Предлагаемая вашему вниманию статья предназначена для посильного сокращения сложившегося ненормального разрыва естественных и гуманитарных наук. Ниже излагаются взгляды естествовника на цивилизационные процессы.

Над цивилизационной тематикой активно работают в России: ведутся исследования в Институте философии РАН («Российский проект цивилизационного развития»); подведены итоги междисциплинарного проекта «Цивилизации в глобализирующемся мире» ИМЭМО РАН; на конференциях экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова регулярно обсуждаются проблемы цивилизационной направленности [6; 5]; в Институте всеобщей истории РАН директор центра сравнительной истории и теории цивилизаций О.В. Воробьева в статье, написанной по итогам дискуссии «История и теория цивилизаций: в поисках новых перспектив», была вынуждена признать наличие весьма критических высказываний исследователей о том, что «...цивилизационные исследования зашли в тупик, что цивилизационный подход не дает никакого приращения знания» [1, 5—6].

Почему цивилизационный подход подвергается критике? Ответ надо искать в основополагающих принципах цивилизационного подхода. В основу цивилизационного подхода аксиоматически положены два утверждения: (А) основой цивилизации является религия;

(Б) основой цивилизации является культура. Есть и техноцентрические основания, но они здесь не обсуждаются.

Допустим, причиной неудовлетворенности цивилизационным подходом является неточность аксиоматики. Возникает вопрос, что положить в основу цивилизационного анализа? Эта иная аксиома должна: (А) раскрыть принципиальные особенности каждой локальной цивилизации; (Б) быть общей аксиомой для исследования генезиса любой цивилизации (общность аксиоматики — обязательное требование любой теории); (В) так как локальные цивилизации есть продукт психики людей (а психика людей социальна), то аксиома должна иметь твердые основания в современной психологии, и не только в этнопсихологии или социальной психологии, но и в психофизиологии и физиологии высшей нервной деятельности. Отметим, что Л.С. Выготский настаивал на неразрывности исследований психических и физиологических явлений: «...психология исходит раньше всего из единства психических и физиологических процессов <...> Мы должны изучать не отдельные, вырванные из единства психические и физиологические процессы <...> мы должны брать целый процесс, который характеризуется со стороны субъективной и объективной одновременно» [2, 137]. Психические процессы становятся понятнее при совместном их рассмотрении с физиологией, потому что в поле зрения оказываются материальные основы психики. Необходимо напомнить весьма важное высказывание: «...до сих пор раскрытию генотипа цивилизаций в научной литературе не уделялось внимания» [7, 129]. В другом месте той же книги задача исследования генотипа и социогенетики ставится подробнее: «Видимо, пройдет еще несколько десятилетий, прежде чем можно будет говорить о социогенетике как о сложившейся (но продолжающей развиваться) отрасли общественных наук. Для этого потребуется найти ответы на ряд сложных вопросов:

- о сущности социального генотипа (наследственного ядра) различных систем общества, включая цивилизации;
- о закономерностях и механизмах передачи социальных генотипов от поколения к поколению;
- о закономерностях наследственной изменчивости, обновления и обогащения генотипа применительно к переменам во внутренних и внешних условиях развития;

- о механизме отбора необходимых и полезных изменений в системе, закономерностях и движущих силах инновационного обновления общества» [7, 127].

Мы постараемся затронуть проблемы социогенетики. Термин заимствован у Б.Н. Кузика и Ю.В. Яковца, создавших шести томную энциклопедию учений о цивилизациях [7], но, забегаая вперед, отметим, что в результате исследования понятий «социогенетика» и «генотип» окажется, что понятие «локальная цивилизация» требует иного содержания в сравнении с тем, которое рассмотрено ранее [7].

Вновь вернемся к факту: религия и культура в качестве аксиом в основаниях теорий цивилизации издавна рассматриваются всеми специалистами. Это многозначительный факт. Не может интуиция обманывать всех. Поэтому уточнение аксиоматики цивилизации целесообразно искать в ядре пересечения религии и культуры.

Можно идти по такой логической тропе. Начнем с религии. Что является высшей ценностью религии? Жизнь во славу творца. Подчеркнем: *жизнь*. Праведникам церковь обещает вечную *жизнь в раю*. Церковь запрещает отпевать самоубийц, потому что нет большего греха, чем самоубийство. Жизнь — главная ценность религии. Возьмем культуру. Культуры без людей быть не может. Жизнь людей — основа существования культуры. Культура есть система запретов всего, что противостоит жизни людей, и культура любого этноса жизнь хранит.

А что можно сказать о жизни, чтобы это утверждение можно было бы использовать в теории локальных цивилизаций в качестве основополагающей аксиомы? Для начала сделаем предварительное замечание, напомнив хорошо известные истины. Религия и культура действуют словом. Для психологов слово есть «сигнал сигналов» второй сигнальной системы И.П. Павлова. Слово вызывает у людей условные рефлексы. Известный физиолог высшей нервной деятельности В.В. Шульговский поясняет: условные рефлексы осуществляют индивидуальное поведение, безусловные — видовые; первые лежат в основе психического, вторые — инстинктивного; генетически наследованными (врожденными) являются безусловные рефлексы; безусловные, условные рефлексы и их сочетания составляют *поведение* [15, 35—36]. Высшая нервная деятельность людей состоит из двух сигнальных систем: первая сигнальная система порождает

безусловные рефлексы. Цепочки безусловных рефлексов образуют инстинкты (конец предыдущего безусловного рефлекса запускает последующий безусловный рефлекс). Среди них *инстинкт самосохранения* — принципиально важный для нашей темы инстинкт. Инстинкты, как и все безусловные рефлексы, *генетически наследуются*. Инстинкты самосохранения бывают не только индивидуальные, но и *групповые*.

Этнический инстинкт самосохранения есть *менталитет*. Менталитет, будучи инстинктом, бессознателен. Этнопсихолог Т.Г. Стефаненко утверждает: «...при определении этноса как группы, ключевой характеристикой которой является осознание людьми своей к ней принадлежности, именно *ментальность* — наиболее подходящая категория при изучении социально-культурных особенностей народов <...> уникальны не черты и не их сумма, а сложным образом детерминированная культурой и опытом исторического развития *структура ментального мира* представителей того или иного народа» [13, 71].

Цивилизация есть опыт самосохранения этноса, накопленный за века. Основу цивилизации составляет менталитет, наследуемый этносом из поколения в поколение. Но менталитет — это только часть цивилизации, основанная на первой сигнальной системе высшей нервной деятельности. Вторая сигнальная система представлена в цивилизации культурой. Культура выполняет функцию *иммунной системы* цивилизации. Она же отбирает все ценное для самосохранения этноса и закрепляет отобранное в этническом менталитете. Религия, действуя словом, является частью культуры, одной из форм общественного сознания.

Согласно учению Л.С. Выготского, инстинкты наследуют *поведение* людей. Изменение *поведения* носит как наследуемый, так и ненаследуемый характер. Первые возникают очень медленным эволюционным путем, развиваются благодаря естественному отбору. Вторые представляют собой более быстрые и гибкие формы приспособления и возникают в процессе накопления личного опыта индивида. Поведение состоит из реакций наследственных и приобретенных в личном опыте. Наследственные реакции, в свою очередь, — из безусловных рефлексов и инстинктов и представляют общий для

всего вида наследственный капитал полезных биологических приспособлений организма [2, 72]. Поведение фиксируется менталитетом и наследуется в виде структур нейронов. В соответствии со структурным принципом И.П. Павлова каждому рефлексу, не говоря об инстинктах, соответствует определенная структура нейронов мозга. В филогенезе внешние раздражения, многократно повторяясь, задействуют в организме определенную морфофизиологическую структуру, которая затем передается из поколения в поколение (генетически детерминирована). Врожденная структура мозга — это постоянство нервных связей нейронов (субстрат безусловных рефлексов) [4, 39].

Видовое *поведение*, при более внимательном изучении, характерно высокой приспособляемостью к обстоятельствам, хотя на первый взгляд кажется индивидуально стабильным, идущим по готовому шаблону. Как показывает онтогенетическое развитие: видовое инстинктивное поведение не является подготовленным, полностью предопределенным врожденной организацией — внешние условия жизни со временем определяют изменения видовой инстинктивной деятельности [8, 230—231].

Менталитет является частным случаем видового поведения и обладает определенной гибкостью. По наблюдениям ученых гуманитарного профиля, после изменения окружающей среды у этноса формируется новый слой менталитета, причем предыдущий слой не исчезает, а «вуалируется», остается про запас. А вот что пишет физиолог А.А. Присный об инстинктах: «Основной принцип функциональной эволюции: с развитием и усложнением организации, с установлением новых, более совершенных функциональных отношений, старые отношения не исчезают бесследно, а оказываются заторможенными, замаскированными *физиологически* более молодыми отношениями» [11, 5]. Известный психофизиолог, Н.Н. Данилова, вспоминает: «Основатель отечественной эволюционной физиологии Л.А. Орбели писал: те механизмы деятельности мозга, которыми отличались наши предки, находятся в “свернутом” виде и при определенных условиях проявляются» [4, 45].

Если окружающая среда меняется, то менталитет сначала обращается к архаическому слою ментальности и, в случае его непригодности в новых условиях, образуется еще один слой ментальности.

С психофизиологической точки зрения это означает, что после изменения окружающей среды в дополнение к прежнему структурному образованию нейронов, ответственному за инстинкт самосохранения, в мозгу возникает еще одно, а прежнее наследуется, но остается неактивным. Образование нескольких последовательных структурных центров инстинкта самосохранения возможно, но действует только один из них, обеспечивающий наилучшую приспособляемость этноса к окружающей среде.

Рефлексы первой сигнальной системы человека современной психологией не изучаются, в силу чего взаимодействие первой и второй сигнальных систем человека остается малоизученным [11, 146]. Возможно, это связано с тем, что в работу первой сигнальной системы вовлечена эндокринная система, этот фактор очень усложняет исследование безусловных рефлексов.

Итак, есть основания полагать, что цивилизация есть единство менталитета и культуры. Так как культура долгое время аксиоматически принималась за основание теории цивилизации, необходимо в этом месте сделать важное утверждение. Культура формируется *словом*, т. е. культура есть продукт второй сигнальной системы, она строится из условных рефлексов. Условные рефлексы по наследству не передаются, поэтому культуру рассматривать в качестве основы цивилизации без менталитета нельзя. Менталитет — это становой хребет цивилизации. Опыт вестернизации стран Тропической и Западной Африки в 1960—1980 гг., а также реформы в России 1990 гг. показали, что смена культуры, соответствующей менталитету одной и той же цивилизации, на чуждую ведет к опустошению психики, увеличению преступности, наркомании, алкоголизму, проституции, половой распущенности и прочим негативным явлениям, широко распространяющимся в отсутствие родной культуры — иммунной системы цивилизации. Единство менталитета и культуры — это залог здоровой жизни народа.

С использованием перечисленных основ теории исследованы русская, североморская, португальская, бразильская цивилизации, цивилизация народов Тропической и Западной Африки, кратко рассмотрена китайская цивилизация, а также цивилизационные процессы в США. При этом пришлось преодолеть одно нетривиальное препятствие.

Итак, цивилизация есть накопленный опыт самосохранения этноса в веках. Что означает это утверждение на практике? Вспомним локально-историческую концепцию: цивилизации есть результат *приспособления* этносов к окружающей их среде. Ключевое слово «приспособление». Оно означает, что этнос изменяет свое поведение под влиянием окружающей среды ради *самосохранения*. Генезис цивилизаций есть исторический процесс, охватывающий века. Основные достижения в изучении ментальностей лежат в сфере истории [13, 71]. Изучение генезиса цивилизаций таит в себе подводный риф. По свидетельству историков, исторические факты ни о чем не говорят. Они становятся полезными только после их интерпретации с позиций одной их концепций [3, 66; 17, 2]. Концепций две: упомянутая локально-историческая и всемирно-историческая, суть которой заключается в единственности цивилизации всего человечества. Как выбрать концепцию?

Концепцию надо выбирать с учетом особенностей человеческой психики. Каждый человек начинает осмысление любой информации с операции субъективной интерпретации. Переинтерпретируя реальность, человек произвольно абстрагируется от любых, даже очень существенных, обстоятельств и фактов, отбрасывает для него неприемлемое, выстраивает иерархию предпочтительных событий, создавая собственное смысловое пространство [12, 182].

Для выбора концепции нельзя обращаться к историческим фактам. Любое обращение к ним сразу включает операцию субъективной интерпретации, а, следовательно, произвольно происходит выбор концепции. Выбор в пользу локально-исторической теории автором статьи сделан на основе совпадения аксиоматик локально-исторической концепции и синергетики. Синергетика изучает диссипативные системы любой природы от астрофизики и гидродинамики до ферментативных автокаталитических процессов в живых организмах. Синергетика сформировалась в естественных науках, но полностью применима к таким диссипативным системам, как человек или этнос. Синергетика значительно детальнее разработана по сравнению с локально-исторической концепцией, а потому использование ее принципов полезно для исследования локальных цивилизаций. Синергетика делает выбор локально-исторической концепции одно-

значным, устраняя всемирно-историческую концепцию из дальнейшего рассмотрения. Тем самым подтверждаются слова Арнольда Тойнби, высказанные им как личное убеждение, но не как научно доказанный факт: «Тезис о “единстве цивилизации” является *ложной* концепцией, весьма популярной среди современных западных историков, мышление которых находится под сильным влиянием *социальной* среды. Тезис об унификации мира на базе *западной экономической* системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к *грубейшим искажениям фактов* и к поразительному сужению исторического кругозора» [14, 81].

Завершая рассмотрение основ теории локальных цивилизаций, следует сделать еще одно принципиальное замечание, начав его с цитирования: «...ментальность тесно связана с областью коллективного бессознательного и “находится” <...> глубже разных форм человеческого сознания и поведения, но материализуется в мышлении, чувствах и действиях» [13, 71]. Ссылка на коллективное бессознательное сразу приводит нас к теории бессознательного Карла Юнга [16]. Но в теории Юнга основной идеей является врожденность архетипа у каждого человека. От окружающей среды человек якобы не зависит. Это полностью противоречит синергетике. Т.Г. Стефаненко не использовала синергетику и могла пользоваться теорией Юнга, но теория, построенная на синергетике, в которой окружающая среда является главным фактором существования диссипативных систем, не допускает обращения к Юнгу, а поэтому изложенные психофизиологические основы теории цивилизации являются единственно возможными.

Выводы: генотипы локальных цивилизаций — это этнические менталитеты, а социогенетика — этнические цивилизационные процессы, которые пунктиром намечены в этой статье, они требуют дальнейшего, более детального исследования.

Литература

1. *Воробьева О.В.* История и теория цивилизаций: в поисках новых перспектив // Цивилизации. Вып. 9. Цивилизация как идея и исследовательская практика. М.: Наука, 2014.
2. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.

3. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.
4. Данилова Н.Н. Физиология высшей нервной деятельности. Ростов н/Д: Феникс, 2005.
5. Зотова Е.С. Россия как цивилизация и цивилизация как Россия: суть и ход перемен (обзор дискуссии) // *Философия хозяйства*. 2021. № 1. С. 257—268.
6. Зотова Е.С. Цивилизация России: традиции и новины // *Философия хозяйства*. 2022. № 1. С. 282—291.
7. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теории, история, диалог, будущее. Т.1. Теория и история цивилизаций. М.: Институт экономических стратегий, 2006.
8. Леонтьев А.Н. Эволюция, движение, деятельность. М.: Смысл, 2012.
9. Осипов Ю.М. Гуманитарное знание как национальное достояние // *Философия хозяйства*. 2020. № 2. С. 11—17.
10. Осипов Ю.М. Гуманитарная наука как сама себе наука // *Философия хозяйства*. 2021. № 2. С. 11—19.
11. Присный А.А. Эволюционная физиология. Белгород: ИЗД. Дом Белгород НИУ «БелГУ». 2013.
12. Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс, 2002.
13. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2009.
14. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
15. Шульговский В.В. Физиология высшей нервной деятельности. М.: Академия, 2014.
16. Юнг К. Психологические типы. М.: Академический проект, 2019.
17. Shepherd J.F., Walton G.M. Shipping, maritime trade, and the economic development of Colonial North America. Cambridge: Cambridge U. P., 1972.

References

1. Vorobieva O.V. History and theory of civilizations: in search of new perspectives // *Civilizations*. Iss. 9. Civilization as an idea and research practice. М.: Nauka, 2014.

2. *Vygotsky L.S.* Collected works: In 6 vols. Vol. 1. Moscow: Pedagogy, 1982.
3. *Gurevich A.Ya.* Historical Synthesis and the Annales School. Moscow: Indrik, 1993.
4. *Danilova N.N.* Physiology of higher nervous activity. Rostov n/D: Phoenix, 2005.
5. *Zotova E.S.* Russia as Civilization and Civilization as Russia: the Essence and Course of Changes (Review of the Discussion) // Philosophy of Economics. 2021. No. 1. P. 257—268.
6. *Zotova E.S.* Civilization of Russia: traditions and novelties // Philosophy of economy. 2022. No. 1. P. 282—291.
7. *Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V.* Civilizations: theories, history, dialogue, future. Vol. 1. Theory and history of civilizations. Moscow: Institute of Economic Strategies, 2006.
8. *Leontiev A.N.* Evolution, movement, activity. Moscow: Smysl, 2012.
9. *Osipov Yu.M.* Humanitarian knowledge as a national treasure // Philosophy of economy. 2020. No. 2. P. 11—17.
10. *Osipov Yu.M.* Humanitarian science as a science to itself // Philosophy of economy. 2021. No. 2. P. 11—19.
11. *Prisny A.A.* Evolutionary physiology. Belgorod: Publishing house. House Belgorod National Research University «BelGU», 2013.
12. *Slavskaya A.N.* Personality as a subject of interpretation. Dubna: Phoenix, 2002.
13. *Stefanenko T.G.* Ethnopsychology. Moscow: Aspect Press, 2009.
14. *Toynbee A.J.* Understanding history. Moscow: Progress, 1991.
15. *Shulgovsky V.V.* Physiology of higher nervous activity. Moscow: Academy, 2014.
16. *Jung K.* Psychological types. Moscow: Academic project, 2019.

Д.К. СТОЖКО, К.П. СТОЖКО

К вопросу о сущности современных экономических механизмов: философско-антропологический контент*

Аннотация. Целью исследования является раскрытие философско-антропологического аспекта современных экономических механизмов, функционирующих в условиях растущей общественно-политической и макроэкономической неопределенности, нестабильности и рисков. Выявлена роль социальных техник в повышении социальной и экономической эффективности экономических механизмов. Определено значение стоимостного анализа в понимании антропологического содержания экономических механизмов. Выделены «широкий» (экономический, управленческий и гуманитарный) и «узкий» (техничко-экономический, организационно-технологический) методы, применяемые в теории формирования и действия экономических механизмов, позволяющие изучать их с разных точек зрения. На примере функционирования конкретных экономических механизмов (валютных, агропромышленных) и анализа их специфики обобщено положение о влиянии ментального фактора на их действие.

Ключевые слова: антропология, интерес, менталитет, механизм, механика, техника, потребность, социальные технологии, экономический механизм.

Abstract. The aim of the study is to reveal the philosophical and anthropological aspect of modern economic mechanisms that operate in the face of growing socio-political and macroeconomic uncertainty, instability and risks. The role of social techniques in increasing the social and economic efficiency of economic mechanisms is revealed. The value of cost analysis in understanding the anthropological content of economic mechanisms is determined. The "broad" (economic, managerial and humanitarian) and "narrow" (technical-economic, organizational-technological) content in the theory of the formation and operation of economic

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Стожко Д.К., Стожко К.П. К вопросу о сущности современных экономических механизмов: философско-антропологический контент // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 32—49.

mechanisms are singled out, allowing them to be studied from different angles. On the example of the functioning of specific economic mechanisms (currency, agro-industrial) and the analysis of their specifics, the position on the influence of the mental factor on their action is substantiated.

Keywords: anthropology, interest, mentality, mechanism, mechanics, technique, need, social technologies, economic mechanism.

УДК 168.52
ББК 87.52

В условиях неуклонно растущей макроэкономической и общественно-политической нестабильности и неопределенности, увеличивающихся рисков и турбулентности современному обществу приходится во многом по-новому ставить и решать задачи своего развития. Традиционная для последних десятилетий концепция устойчивого развития все чаще подвергается критике из-за тех сбоев в ее реализации, которые обусловлены новой социальной реальностью. В этой связи необходимы корректировка всего экономического механизма, с помощью которого государство и общество могли бы эффективно решать стоящие перед ними задачи, а также переосмысление этого научного понятия в контексте новой реальности — формирования нового типа общества — «общества риска» (У. Бек). Целью данного исследования является выяснение места и роли гуманитарного, антропологического аспекта в понимании сущности и содержания «экономического механизма».

Термин «экономический механизм» как научная категория появился сравнительно недавно. Впервые о нем упомянул Шарль Рист в своей книге «Краткий очерк современных экономических механизмов» (1947). Впоследствии, об экономических механизмах стали писать такие зарубежные авторы, как: Л. Гурвиц, П. Клейн, А. Кульман, Р. Майерсон, Э. Маскин. Также об этом писали отечественные авторы: Л.И. Абалкин, И.С. Аверина, А.И. Алтухов, В.М. Баутин, В.Р. Боев, Г.В. Беспяхотный, Ю.В. Горбунов, В.А. Ключах, Э.Н. Крылатых, М.П. Логинов, Б.З. Мильнер, А.А. Муринович, А.А. Новиков, Ю.М. Осипов, В.А. Плотников, Т.Ю. Прокофьева, Г.А. Романенко,

А.Ф. Серков, А.В. Ткач, В.А. Тихонов, О.В. Федорович и др. Со временем появились и специальные (прикладные) вариации термина «экономический механизм», например, «валютный механизм» (А.В. Алферов, Ю.А. Крохина, Н.В. Плотникова, М.М. Прошунин, Е.В. Рябова, О.Г. Филимонова и др.), «механизм управления» (В.Н. Бурков, М.В. Губко, А.Б. Крутик, Л.С. Красовская, Д.А. Новиков и др.), «механизм агропромышленного комплекса» (В.И. Векленко, Б.А. Воронин, А.Н. Митин, А.Л. Пустуев, С.П. Пугач, А.Н. Семин, Д.В. Ходос и др.).

Однако существующие разночтения в этом вопросе вновь и вновь заставляют исследователей обращаться к нему, осмысливать данное понятие не только с политико-экономических, но и социально-философских, социологических и даже психологических подходов. Философский подход к пониманию сущности механизма как научной дефиниции изначально сложился в рамках философии техники. Вероятно, поэтому он до сих пор носит ярко выраженный технократический характер и остается в рамках технологического детерминизма.

Следует заметить, что философия техники изучает (и должна изучать) вопросы техносферы и места человека в ней, ее влияние на личность и на общество [31]. В этом, собственно говоря, должно заключаться и заключается философское, гуманитарное, гуманистическое начало философии техники. Сама по себе техника, машина, даже если она облагорожена искусственным интеллектом, — это не человек. Она не чувствует, не переживает, не страдает. Она просто функционирует по заданной программе и в отдельных случаях, предусмотренных ее создателем, корректирует ее. Представление о том, что философия техники изучает феномен и сущность техники как таковой, т. е. устройство машин и оборудования, которые «выступают как техническая среда» [29], не убедительно и вызывает много возражений.

С другой стороны, есть и иные области философского понимания экономического механизма. Так, социальная философия исследует социальные, организационные механизмы взаимодействия человека и окружающей его среды (социальной, духовной, природной и др.). Если говорить, например, об экологии, т. е. о связи человека с

окружающей его природной средой, то этой проблематикой занимается экософия, или экофилософия. За рубежом ее представителями являются У. Андерсен, Ф. Гваттари, А. Нэсс, Дж. Пассмор, Л. Уайт, У. Фокс и др. В нашей стране одним из первых представителей экософии был П.Н. Савицкий. Среди современных экософских исследований можно отметить работы А.И. Вейника, Г.Г. Кириленко, А.Н. Кочергина, Ю.Г. Маркова, С.И. Некрасова и др. Существует мнение о том, что, «фактически экософия представляет собой этико-политическое соединение окружающей среды, социальности и субъективности» [4]. Понятие экософии отдельные авторы считают эклектичным [13], другие, наоборот, системным [2].

Если же рассуждать строго об экономической среде, в которой живет человек, то речь уже идет об экономической философии [6; 34] или о философии хозяйства [3; 1; 25]. Но, в любом случае, философия как наука имеет свой предмет и объект исследований. Исследуя экономические механизмы, она рассматривает (и должна это делать) их аксиологический, онтологический и эпистемологический аспекты. И, конкретно, социальную технику и социальную технологию, или, выражаясь иначе, социальный, организационный механизм взаимодействия людей, а также отношения человека и среды его обитания. В конечном счете, экономические механизмы являются социальными по своему характеру. Следовательно, они представляют собой систему принципов, направлений и форм взаимодействия общественных сил, социальных групп и конкретных людей по реализации их объективных интересов.

К сожалению, именно гуманитарных исследований по вопросу об устройстве и характере экономических механизмов в мировой и российской науке все еще остается крайне мало. Налицо преобладание одностороннего, технократического подхода к пониманию термина «механизм», причем, как и к его разновидности «экономический механизм». Прежде это было обусловлено самим характером «индустриального» и «нового индустриального» общества прошлых десятилетий. Однако с изменением характера общества, с возникновением новой социальной реальности неизбежно меняются и сами экономические механизмы, а, следовательно, их структура, иерархия и характер. Очевидно, что и роль антропологического фактора в их функционировании также изменяется.

Поскольку в любом «механизме» так или иначе присутствует человек (как создатель или организатор, пользователь или потребитель), то «экономический механизм, естественно, также имеет антропологическое измерение. Оно наиболее ярко отражается в уже упоминавшейся выше категории «механизм управления». Поскольку функция управления в таком механизме никогда не будет передована от человека машине, постольку сам человек как субъект управления всегда будет оставаться решающим моментом самого процесса управления. Прав был Н. Винер, один из основателей кибернетики и искусственного интеллекта, когда писал о том, что любая, даже самая совершенная, машина все-таки лишена гибкости мысли, которой обладает человек. И «горе нам, если мы позволим ей решать вопросы нашего поведения», и что «переложить проблему своей ответственности на машину означает пустить свои обязанности с ветром и видеть, что они возвращаются ему бурей» [8, 215].

Термин «механизм» (от латинского «mechanism») означает «преобразование движения». О механике, как и о технике (от греческого «τεχνική»), еще в IV в. до н. э. писал Аристотель, Слова «техника», «механика» и «механизм» имеют много общего. Не случайно, сегодня используются такие понятия, как «социальные техники», «социальные технологии», «социальный инжиниринг» и др. Их конкретизация встречается в терминах «техника выживания», «техника влияния», «техника управления» и др. Еще более конкретными фракциями исходных понятий являются такие, как «техника отражения», «техника лести», техника «требуй больше» и т. д. [17].

Экономические механизмы сегодня немыслимы без социальных техник и технологий. Особым направлением их развития является техника удаленного влияния на человека (на расстоянии), например, техника внушения, или техника манипулирования. Есть и такие специфические социальные техники, как аутокопия, телестезия, прекогниция (ретрокогниция), телекинез, телепатия, но они имеют пока слабую экспериментальную доказательную базу. Тем не менее, манипулирование словами и образами, подмена понятий и предмета, манипуляции числами и мерой, практика умолчания или разрушения символов, создания некогерентности и прямой лжи стали обычным явлением в области функционирования разных экономических механизмов и влияния на сознание людей [15; 30].

Сегодня существуют разные представления о сущности экономического механизма, но в общем и целом все они сводятся к его пониманию как способа (системы) взаимодействия между человеком и окружающей его средой. Имея в виду экономику, «в самом общем виде экономические механизмы можно определить как необходимую взаимосвязь, естественно возникающую между различными экономическими явлениями» [19, 7]. Экономическим явлением выступает не только объект хозяйства, но, прежде всего, субъект хозяйствования. А необходимая связь — это, по существу, действие объективных экономических законов. По сути, в этом определении можно обнаружить явное созвучие известной концепции «естественного порядка», сформулированной еще в XVIII в. Ф. Кенэ [14].

Действительно, в концепции «естественного порядка» содержалось положение о действии объективных (физических и моральных) законов. Учитывая тот факт, что экономические явления не существуют в чистом виде, а находятся в сложной взаимосвязи и выступают в «превращенных» формах, положение о том, что они опосредуются действием объективных законов, позволяло ставить вопрос о так называемом механизме взаимодействия таких явлений. Однако концепция «естественного порядка» не исчерпывалась одним лишь положением о законах, она также касалась и мотивационной стороны хозяйственной деятельности людей, в частности, их объективных интересов и субъективных потребностей. Именно объективные интересы заставляют человека заниматься хозяйством, превращаясь в его сознании в субъективные, вполне конкретные потребности (в пище, жилье, условиях труда и отдыха и др.).

Процесс такого превращения все еще слабо изучен как философией, так и психологией и политической экономией. Дело все в том, что у разных людей складывается своя собственная, специфическая система ценностей, их иерархия. Руководствуясь такой системой, одни люди предпочитают материальные блага, другие — духовные. Один человек вполне может быть бескорыстным (и это его вполне устраивает), другой — алчным стяжателем, постоянно стремящимся к накоплению богатств. Поэтому и науки, прежде всего философия и политическая экономия, многие столетия существуют в бинарном состоянии: одно их направление касается исследования

значения рационализма и прагматизма, другое — роли нравственности и гуманизма в социальном, в том числе и хозяйственном развитии.

Сторонники первого направления полагают, что экономическая наука не может быть моральной или аморальной, поскольку это наука о происхождении богатства как такового. Известный представитель экономического либерализма XX в. Л. фон Мизес на этот счет выразился предельно понятно: экономическая наука «абсолютно нейтральна по отношению к любым ценностным суждениям и субъективным оценкам, так как она всегда относится к средствам и никогда — к выбору конечных целей» [21, 829]. Сторонники второго направления исходят из того, что «надобно не парчами себя украшать, но надлежит добрым нравом и школьным учением» [27, 127], и что «паче вещественного богатства надлежит всем нам общепещися о невещественном богатстве, то есть об истинной правде» [27, 14].

Очевидно, что без анализа духовных аспектов и антропологического фактора невозможно понять суть и устройство экономического механизма, поскольку он представляет собой не просто машинный механизм, а определенную взаимосвязь, взаимодействие между субъектами хозяйственной практики, между человеком и окружающей его средой (в том числе и экономической). А раз это так, то человек, в отличие от машины, имеет сознание, волю, собственные ценностные приоритеты, он способен думать, а не просто выполнять заложенную в него программу, как это делает машина.

В связи с этим представляется неубедительным суждение о том, что познать суть экономического механизма можно исключительно посредством наблюдения и что «стоимостных оценок подобный анализ не требует» [19, 13]. Дело все в том, что наблюдение во все не является анализом в строгом значении этого слова. Можно сколько угодно наблюдать то или иное явление, но так и не понять его причину или возможные последствия. Выражаясь известными словами К. Маркса, «можно сколько угодно смотреть, как устроены ноги, но так и не научиться ходить». Это, конечно, не отменяет значения самого наблюдения, в том числе и созерцания, но ограничиваться этой первой фазой в исследовании экономического механизма

нельзя. Кроме того, поскольку в основе действия экономического механизма лежит человеческий труд, а сам человек воздействует на экономическую, экологическую и иную окружающую его среду посредством труда, то стоимостная оценка оказывается просто необходимой. В противном случае сама эффективность или неэффективность, полезность или вредность того или иного экономического механизма становятся непонятными и необъяснимыми. Для сравнения можно привести пример с переливанием крови от донора реципиенту. Очевидно, что недостаточно знать резус-фактор крови, необходимо понимать, какой ее объем необходим реципиенту. Так и в экономике: сколько затрат труда требуется на формирование того или иного экономического механизма — вопрос крайне актуальный. Стоимостная оценка как оценка затрат именно общественно-необходимого, а не любого другого труда позволяет нам взвешенно и объективно оценить тот или иной экономический механизм.

В качестве примера сошлемся на механизм управления, или на менеджмент. Очевидно, что этот механизм сегодня крайне перегружен формальными, часто просто бесполезными или даже вредными процедурами и кадрами. Бюрократизация, к которой это обстоятельство привело, способствовала появлению неэффективных предприятий, организаций и учреждений, снижению эффективности самой экономики как таковой. С другой стороны, это же явление способствовало формированию псевдоэкономики, разного рода ее эрзацев: фрикономики [20], теневой (неформальной, фиктивной, скрытой) экономики [30], экономики бюрократии [24], экономики рантье [37].

Отмеченную выше двойственность в научных представлениях о сущности экономического механизма необходимо постоянно учитывать, поскольку односторонний (технократический или антропологический) подход будет искажать наши представления о предмете исследования. Это же касается и онтологического аспекта, связанного с пространственно-временными параметрами, характеризующими тот или иной экономический механизм. Речь идет, в частности, о статике и динамике. Собственно говоря, экономический механизм, находящийся в статике, в состоянии простоя или покоя представляется nonsensom. Но это лишь на первый взгляд. Как и любому

механизму или организму, экономическому механизму также требуется периодическая статика (текущий или капитальный ремонт, санация, технологические перерывы и др.).

Кроме того, без учета фактора времени невозможно установить последовательность и продолжительность экономических явлений. Фактор пространства также крайне важен, поскольку его учет позволяет судить о масштабах конкретных явлений, их распространённости/нераспространённости, типичности/нетипичности и т. д. Соответственно, экономические механизмы, с учетом данных факторов, могут быть организованы и охарактеризованы по-разному.

В науке различают экономические механизмы открытого и закрытого (замкнутого) типа. К числу экономических механизмов открытого типа относят механизмы макроэкономического равновесия (например, валютные механизмы, механизмы равновесия между спросом и предложением, финансовые механизмы). К разряду экономических механизмов замкнутого типа — механизм экономических циклов, механизм кумулятивного неравновесия, механизм мультипликации, механизм действия встроенных стабилизаторов и др.

Любой экономический механизм имеет свою структуру, которая включает принципы (нормы и правила) его организации (аксиологический аспект), процедуры и процессы (организационный аспект), конкретных субъектов и объектов (институциональный аспект). Важной стороной оценки экономического механизма является иерархия его содержательных элементов (их административно-хозяйственная соподчиненность, субординация, технический регламент и др.). Организационный аспект в современной практике изучения экономических механизмов представлен различными теориями организации (классической, бюрократической, административной и т. д.) [22].

Часто к категории организационных исследователи относят: принципы, нормы, правила, ценности, на основе которых функционирует тот или иной экономический механизм. Такой широкий подход имеет свои основания, но следует отметить, что формирование принципов, норм, правил и ценностей — это самостоятельная область человеческой деятельности, в связи с чем в современной практике исследования экономических механизмов ее рассматривают, в

основном, в гуманитарных науках (психологии, философии, социологии). Примером гуманитарной репрезентации категории «экономический механизм» может служить существующее в социологии выделение моделей однолинейного и поступательного развития, параллельного и циклического развития и т. д. [28, 446—476].

Любопытно, что наличие «широкого» (экономического, управленческого и гуманитарного) и «узкого» (только технико-экономического и организационно-управленческого) контента в теории формирования и действия экономических механизмов позволяет изучать их с разных точек зрения. Отражением этого является определенное множество схожих понятий, таких как: «экономический механизм», «рыночный механизм», «организационный механизм», «хозяйственный механизм», «механизм устойчивого развития», «механизм экономического роста» и т. д. В философии термин «механизм» появился благодаря Гегелю, который первым стал использовать данный термин для описания материальных объектов с философской точки зрения [9].

Наряду с разными вариантами репрезентации сущности и содержания термина «экономический механизм» в науке существуют и разные понимания его структуры и характера, что также опосредует различные трактовки: инструментальная (механизм как совокупность инструментов регулирования), программистская (механизм как ресурсное обеспечение определенного процесса), игровая (механизм как игра между разными экономическими субъектами) и т. д. [12, 19]. Достаточно интересным является сетевой подход, в рамках которого механизм рассматривается как сеть, или система, коммуникаций [26]. На текущий момент выделяют десять разных теоретико-методологических подходов к определению понятия «экономический механизм» [5]. Причем, в последние десятилетия появились и более конкретные (специальные) модальности данного понятия. Например, термин «валютный механизм» стал все чаще ассоциироваться с «механизмом валютного контроля», «финансовым механизмом», «финансово-кредитным механизмом» и т. д. А термин «механизм агропромышленного комплекса» получил такие свои вариации, как «механизм устойчивого развития АПК» или «организационно-экономический механизм АПК» и др. [33].

Вместе с тем, столь разные трактовки понятия «экономический механизм» свидетельствуют о кризисе современной философии [7; 11; 36] и о господстве редукционного взгляда на него. Этот взгляд можно было бы обозначить как «туннельное видение», когда «экономическая наука в своей установке на объективность отвлекается от индивидуальной активности и психологической мотивированности в поведении людей», «сводит людей к вещам» [16, 95—96]. И, соответственно, как каждый художник видит реальность по-своему, каждый экономист трактует сущность экономического механизма по-своему, с той лишь поправкой, что, несмотря на разные интерпретации, все они остаются в редукционном теоретико-методологическом поле. При такой ситуации невозможна единая позиция не только в понимании и интерпретации экономического механизма, но и в процессе его эффективного формирования и регулирования. Во всяком случае текущие итоги диджитализации современной экономики уже вполне свидетельствуют о том, что распространенные технологии социальной инженерии оказываются чаще всего со знаком минус и несут экономическим субъектам больше вреда, чем пользы [18]. При этом, многие хозяйствующие субъекты не разработали для себя эффективных экономических механизмов, адекватных требованиям нового технологического уклада (например, механизмов информационной защиты), и все еще продолжают работать по старинке, привычными способами. А те или иные инновации в этой области оказываются малоэффективными для предотвращения «провалов рынка».

Для примера сошлемся на существующие валютные механизмы, такие как технологии плавающих валют, валютных коридоров, валютных интервенций и др. Очевидно, что все они оказались малоэффективными в условиях высокой макроэкономической и политической турбулентности и не обеспечили валютного равновесия. Не стал исключением и валютный механизм, основанный на использовании счетов, который многие годы существовал за счет специально установленных регламентаций или договоров между государствами. Не случайно, А. Кульман еще в конце прошлого столетия предупреждал, что «действие этого механизма чревато возникновением неравновесия» [19, 22]. Какие только проекты не предлагались для создания эффективного валютного механизма, например, планы З. Постъюма, Ж. Рюэффа, М. Стэпмана, Р. Триффина, М. Фридмэна,

Р. Харрода и др. [10, 263], но ничего из этого не вышло: в 2021 г. инфляция в США превысила рекордные 7%, а внешний долг составил 28,3 трлн дол.

Если говорить об экономическом механизме функционирования российского АПК, то необходимо отметить ряд его характерных отличий от имеющихся экономических механизмов в других областях экономики. *Во-первых*, сезонную зависимость его функционирования от природно-климатических условий, что находит свое отражение в разной степени интенсивности использования людских, материальных и финансовых ресурсов в разное время года. *Во-вторых*, специфику организации технического и технологического обслуживания сельскохозяйственных предприятий [18]. *В-третьих*, более медленную, чем в промышленности или сфере услуг, оборачиваемость и окупаемость вложенных средств, а также существенно более низкую добавленную стоимость. *В-четвертых*, более высокую по сравнению с промышленностью и сферой услуг, долю ручного и не квалифицированного/низкоквалифицированного труда. *В-пятых*, дотационный характер самого аграрного производства, обусловленный более высокими рисками (большая часть аграрного производства в Российской Федерации — это зона рискованного земледелия). *В-шестых*, ментальные особенности сельского населения (психология, сознание, культура), которые выражаются не только в их образе жизни, но и в характере сельскохозяйственного (аграрного) труда.

Наряду с особенностями экономического механизма российского АПК, следует отметить актуальность именно ментального фактора, который в последнее время существенно усилился. Происходило разрушение традиционного хозяйственного уклада в российской деревне под натиском урбанизации, и несмотря на существенные усилия по сближению условий существования людей в городской и сельской среде, это долгие десятилетия не давало желаемых результатов. Жить на селе считалось «немодным», «некомфортным». Но в 2019—2020 гг. ситуация заметно изменилась, начался рост численности сельского населения. По данным исследований, проведенных Россельхозбанком, этому способствовали инвестиционная поддержка агробизнеса и его рост, а также развитие смежных с АПК отраслей экономики, формирование комплексной инфраструктуры [32]. Российское село сегодня пополняет свое население

из разных источников: либо за счет так называемой «обратной миграции», когда городское население вновь возвращается в сельскую местность, либо сельское население растет за счет мигрантов. Внутренняя миграция в Российской Федерации составила в 2017 г. — 4,2 млн чел., в 2018 г. — 4,3 млн чел., в 2019 г. — 4,0 млн чел., в 2020 г. — 3,5 млн чел. За два последних года она снизилась из-за Covid-пандемии. Тем не менее, росту численности сельского населения отчасти способствовал и такой фактор, как возможность удаленной работы, когда можно было одновременно проживать в сельской местности и работать на площадках онлайн-сервисов.

Соответственно, рост численности сельского населения происходит на фоне почти неизменной общей численности населения по стране. В 2021 г. его рост составил менее 60 тыс. чел., или 0,04%. Это обстоятельство также оказывает свое влияние на состояние и эффективность экономического механизма агропромышленного комплекса — прежде всего, в вопросах создания организационно-экономического механизма инновационного развития аграрной экономики и механизмов социальной защиты сельского населения.

Таким образом, современный экономический механизм в российской экономике, хотя и с большими трудностями, но все-таки достаточно успешно адаптируется не только к отдельным «провалам рынка», но и к форс-мажорным условиям (пандемия, западные санкции, экономический кризис, недобросовестная конкуренция и т. д.). Этому способствуют не только промышленная или аграрная политика государства, но и укрепление менталитета как устойчивой нацеленности россиян на понимание истинной роли самого человека и его культуры (в том числе культуры труда, культуры производства, культуры управления, культуры потребления) в формировании своего благополучия, нацеленности на экологичное существование, на здоровый образ жизни.

Переосмысление роли антропологического начала в структуре современных экономических механизмов, осознание возрастающего в условиях «общества рисков» значения человеческих компетенций в формировании и функционировании таких механизмов неизбежно ставят в повестку дня и признание гуманитарной природы самой экономической науки, которая более не может и не имеет права «быть

нейтральной» к ценностным основаниям существования современного общества.

Литература

1. Антология современной философии хозяйства: В 2 т. / Под ред. Ю. Осипова. М.: Магистр, 2010.
2. Бганба В.Р. Экософия. 2016: URL: http://ap-snyteka.org/file/Bganba_V_Ekosofiya_2016.pdf (дата обращения: 28.03.2022).
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.
4. Буриа Н. Экософия: URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000945/st008.shtml> (дата обращения: 28.03.2022).
5. Векленко В.И., Пугач С.П. Сущность экономического механизма устойчивого развития АПК // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2016. № 2. С. 9—13.
6. Ветошкин А.П., Стожко К.П. Философия экономики. Екатеринбург: Полиграфист, 2001.
7. Ветюгова Ю.С. Ю. Хабермас о кризисе философии в современной культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Ч. 1. № 6. Тамбов: Грамота, 2013. С. 39—41.
8. Винер Н. Творец и будущее. М.: АСТ, 2003.
9. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1998.
10. Гилберт М. В поисках единой валютной системы. М.: Прогресс, 1984.
11. Гобозов И.А. Кризис современной эпохи и философия постмодернизма // Философия и общество. 2000. Вып. 2: URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/501204/> (дата обращения: 28.03.2022).
12. Горбунов Ю.В. О понятии «механизм» в экономических науках // Экономика. Профессия. Бизнес. 2018. № 2. С. 17—21.
13. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. М.: Астрель; Екатеринбург: У-Фактория, 2010.
14. Дроздов В.В. Франсуа Кенэ. М.: Экономика, 1988.
15. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005.

16. Кемеров В.Е. Кризис, который всегда с тобой // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 89—96.
17. Кириченко Л. Секретные технологии управления человеком: URL: <https://uteka.ua/publication/news-14-delovye-novosti-36-sekretnye-tehnologii-upravleniya-chelovekom> (дата обращения: 28.03.2022).
18. Кружкова Т.И., Руцицкая О.А., Стожко К.П., Стожко Д.К. Технический сервис в АПК как фактор устойчивого развития аграрной экономики // Аграрный вестник Урала. Специальный выпуск «Экономика». 2020. С. 46—53.
19. Кульман А. Экономические механизмы. М.: Прогресс, 1993.
20. Левитт С.Д., Дабнер С.Д. Фрикономика. М.: ИД Вильямс, 2007.
21. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.
22. Мильнер Б.З. Теория организации. М.: Инфра-М, 2000.
23. Нафиков И.С. Понятие теневой экономики (в контексте ее изучения как моральной основы организационной преступности) // Вестник Казанского технологического университета. 2012. № 12. С. 277—284.
24. Нисканен В.А. Особая экономика бюрократии // Вехи экономической мысли. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 477—494.
25. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. М.: Изд-во МГУ, 1990.
26. Плотников В.А. Экономические механизмы информационного общества // Экономика. Информатика. 2012. № 19 (138). С. 85—92.
27. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
28. Радаев В.В. Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
29. Розин В.М., Горохов В.Г., Аронсон О.В., Алексеева И.Ю. Философия техники: история и современность. Общие основания философии техники. М.: Институт философии РАН, 1997.

30. *Стожко К.П.* Экономическое сознание. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

31. *Стожко Д.К., Стожко К.П.* Техносфера как предмет научного анализа: гуманитарное измерение // Гуманитарий. Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20. № 3. С. 312—324.

32. *Ткачева Т.* Впервые за 20 лет в России остановился отток населения из сел в города: URL: <https://rg.ru/2021/05/04/reg-ufo/vpervye-za-20-let-v-rossii-ostanovilsia-ottok-naseleniia-iz-sel-v-goroda.html> (дата обращения: 28.03.2022).

33. *Фарвазова Э.А., Медведева Н.Н., Шарапова В.М.* Методические подходы к оценке эффективности организационно-экономического механизма хозяйствования аграрных предприятий // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 1 (27). С. 102—111.

34. *Философия российской экономики: В 2 т. / Под ред. Н. Целищева.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.

35. *Хаднаги К.* Искусство обмана. Социальная инженерия в мошеннических схемах. М.: Альпина Паблишер, 2020.

References

1. *Antologiya sovremennoj filosofii hozyajstva: V 2 t. / Pod red. YU. Osipova.* М.: Magistr, 2010.

2. *Bganba V.R.* Ekosofiya. 2016: URL: http://ap-snyteka.org/file/Bganba_V_Ekosofiya_2016.pdf (data obrashcheniya: 28.03.2022).

3. *Bulgakov S.N.* Filosofiya hozyajstva. М.: Nauka, 1990.

4. *Buria N.* Ekosofiya: URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000945/st008.shtml> (data obrashcheniya: 28.03.2022).

5. *Veklenko V.I., Pugach S.P.* Sushchnost' ekonomicheskogo mekhanizma ustojchivogo razvitiya APK // Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii. 2016. № 2. S. 9—13.

6. *Vetoshkin A.P., Stozhko K.P.* Filosofiya ekonomiki. Ekaterinburg: Poligrafist, 2001.

7. Vetyugova YU.S. YU. Habermas o krizise filosofii v sovremennoj kul'ture // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. CH. 1. № 6. Tambov: Gramota, 2013. S. 39—41.
8. Viner N. Tvorec i budushchee. M.: AST, 2003.
9. Hegel' G.V.F. Nauka logiki. M.: Mysl', 1998.
10. Gilbert M. V poiskah edinoj valyutnoj sistemy. M.: Progress, 1984.
11. Gbozov I.A. Krizis sovremennoj epohi i filosofiya postmodernizma // Filosofiya i obshchestvo. 2000. Vyp. 2: URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/501204/> (data obrashcheniya: 28.03.2022).
12. Gorbunov YU.V. O ponyatii «mekhanizm» v ekonomicheskikh naukah // Ekonomika. Professiya. Biznes. 2018. № 2. S. 17—21.
13. Delez ZH., Gvattari F. Kapitalizm i shizofreniya. Tsysyacha plato. M.: Astrel'; Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2010.
14. Drozdov V.V. Fransua Kene. M.: Ekonomika, 1988.
15. Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniem. M.: Eksmo, 2005.
16. Kemerov V.E. Krizis, kotoryj vseгда s toboj // Voprosy filosofii. 2018. № 6. S. 89—96.
17. Kirichenkova L. Sekretnye tekhnologii upravleniya chelovekom: URL: <https://uteka.ua/publication/news-14-delovye-novosti-36-sekretnye-tekhnologii-upravleniya-chelovekom> (data obrashcheniya: 28.03.2022).
18. Kruzhkova T.I., Rushchickaya O.A., Stozhko K.P., Stozhko D.K. Tekhnicheskij servis v APK kak faktor ustojchivogo razvitiya agrarnoj ekonomiki // Agrarnyj vestnik Urala. Special'nyj vypusk «Ekonomika». 2020. S. 46—53.
19. Kul'man A. Ekonomicheskie mekhanizmy. M.: Progress, 1993.
20. Levitt S.D., Dabner S.D. Frikonomika. M.: ID Vil'yams, 2007.
21. Mizes L. CHelovecheskaya deyatel'nost'. Traktat po ekonomicheskoy teorii. CHelyabinsk: Socium, 2005.
22. Mil'ner B.Z. Teoriya organizacii. M.: Infra-M, 2000.
23. Nafikov I.S. Ponyatie tenevoj ekonomiki (v kontekste ee izucheniya kak moral'noj osnovy organizacionnoj prestupnosti) // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. 2012. № 12. S. 277—284.

24. *Niskanen V.A.* Osobaya ekonomika byurokratii // Vekhi ekonomicheskoy mysli. T. 4. Ekonomika blagosostoyaniya i obshchestvennyj vybor. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2004. S. 477—494.
25. *Osipov YU.M.* Opyt filosofii hozyajstva. M.: Izd-vo MGU, 1990.
26. *Plotnikov V.A.* Ekonomicheskie mekhanizmy informacionnogo obshchestva // Ekonomika. Informatika. 2012. № 19 (138). S. 85—92.
27. *Pososhkov I.T.* Kniga o skudosti i bogatstve. M.: Izd-vo AN SSSR, 1951.
28. *Radaev V.V.* Ekonomicheskaya sociologiya. M.: GU VSHE, 2005.
29. *Rozin V.M., Gorohov V.G., Aronson O.V., Alekseeva I.YU.* Filosofiya tekhniki: istoriya i sovremennost'. Obshchie osnovaniya filosofii tekhniki. M.: Institut filosofii RAN, 1997.
30. *Stozhko K.P.* Ekonomicheskoe soznanie. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002.
31. *Stozhko D.K., Stozhko K.P.* Tekhnosfera kak predmet nauchnogo analiza: gumanitarnoe izmerenie // Gumanitarij. Aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya. 2020. T. 20. № 3. S. 312—324.
32. *Tkacheva T.* Vpervye za 20 let v Rossii ostanovilsya ottok naseleniya iz sel v goroda: URL: <https://rg.ru/2021/05/04/reg-ufo/vpervye-za-20-let-v-rossii-ostanovilsia-ottok-naseleniia-iz-sel-v-goroda.html> (data obrashcheniya: 28.03.2022).
33. *Farvazova E.A., Medvedeva N.N., SHarapova V.M.* Metodicheskie podhody k ocenke effektivnosti organizacionno-ekonomicheskogo mekhanizma hozyajstvovaniya agrarnyh predpriyatij // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 1 (27). S. 102—111.
34. Filosofiya rossijskoj ekonomiki: V 2 t. / Pod red. N. Celishcheva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2005.
35. *Hadnagi K.* Iskusstvo obmana. Social'naya inzheneriya v mozhennicheskikh skhemah. M.: Al'pina Pabliher, 2020.

А.А. ОЛЕЙНИКОВ

**Ценности России как Русской Евразии,
как православно-евразийской цивилизации,
как «исторической России»***

Аннотация. В статье автор критически анализирует тезис о том, что Россия является всего лишь культурно-историческим типом, но не самобытной цивилизацией. Автор утверждает, что Россия не может стать частью Запада, так как ее тысячелетняя культура духовно опирается на православие, на ислам и буддизм. Эти духовные восточные религии являются коллективистскими, морально-этические основы которых противостоят протестантскому и католическому Западу, настроенному враждебно по отношению к России. Россия как северо-восточная православная цивилизация, как страна-континент исторически противостоит либеральному Западу. Россия — это русская Евразия, которая принадлежит к третьему пути общественного развития, являясь формой некапиталистической организации многоукладного хозяйства многих незападных стран Востока. Это и есть третий путь, третья форма способа производства.

Ключевые слова: религиозно-философский подход, культурно-исторический тип, самобытная цивилизация, Русская Евразия, великие восточные религии, либерализм, протестантство, католицизм, третий путь общественного развития, некапиталистическая организация многоукладного хозяйства.

Abstract. The author in the article critically analyzes the thesis that Russia is only a cultural and historical type, but not an original civilization. The author argues that Russia cannot become part of the West, since its millennial culture is spiritually based on Orthodoxy as Eastern Christianity, Islam and Buddhism. These spiritual Eastern religions are collectivist, the moral and ethical foundations of which are opposed to the Protestant and Catholic West, which is hostile to Russia. Russia, as a northeastern Orthodox civilization, as a country-continent, is historically opposed to

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Олейников А.А. Ценности России как Русской Евразии, как православно-евразийской цивилизации, как «исторической России» // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 50—59.

the liberal West. Russia is Russian Eurasia, which belongs to the third path of social development, being a form of non-capitalist organization of the multi-layered economy of many non-Western countries of the East. This is the third way, the third form of the method of production.

Keywords: religious and philosophical approach, cultural and historical type, distinctive civilization, Russian Eurasia, great Eastern religions, liberalism, Protestantism, Catholicism, the third path of social development, non-capitalist organization of the multi-structured economy.

УДК 316.7

ББК 65в

**Россия не является цивилизацией,
а всего лишь культурно-историческим типом**

В основе либеральных реформ, навязанных России после серии контрреволюционных переворотов 1991—1993 гг., лежат принципы англосаксонского мейнстрима, враждебные не только постсоветской России, но и всему Востоку, всему незападному миру в целом (Азии, Африке (включая арабский мир), Латинской Америке).

На этом фоне вызывает удивление позиция известных политиков и ученых России, которые, вольно или невольно, но воспроизводят избитый западный тезис о том, что Россия не является самостоятельной цивилизацией.

Возможно, некоторые из них просто плохо знакомы с фундаментальной работой известного русского историка и писателя Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Так, например, безосновательно утверждается, что понятие «цивилизация» связано исторически с Европой, а Россия — это, дескать, всего лишь особый культурно-исторический тип, но не отдельная, не самостоятельная цивилизация.

Н.Я. Данилевский в указанной работе называл культурно-исторические типы «*самобытными цивилизациями*». Другими словами, для Данилевского понятие «культурно-исторический тип» и понятие «цивилизация» являются синонимами. Это значит, что, согласно критериям Н.Я. Данилевского, Россия как культурно-исторический тип имеет все необходимые признаки, чтобы относить ее к «*самобытным цивилизациям*» [3, 57, 65, 95].

Заметим при этом, что даже в 1990-х гг. Россия как русско-евразийская православная цивилизация, как «евразийское пространство» *никуда не исчезала*. Произошел всего лишь *надлом* (а не разрушение) духовного стержня нации: стало *замирать духовное производство*, а пассионарный пульс нации стал биться — *с нарушением ритма, с перебоями*.

«Экзистенциальная фрустрация», т. е. потеря смыслового содержания жизни [9, 25], охватила тогда значительную часть нашего многонационального (суперэтнического) народа. Это была духовная болезнь, но не смерть народа, не смерть нации и всей православной (русско-евразийской) цивилизации.

Может ли Россия стать частью Запада?

Сегодня интеллектуальная и правящая элита расколота, считая себя русскими *европейцами* и даже русскими *американцами*, отвечает на постоянный вопрос утвердительно: да, может; Россия, говорят они, — это часть Запада, часть Европы.

Ставя перед собой этот вопрос как мировоззренческий, — *принадлежит ли Россия к Европе* — Н.Я. Данилевский отвечает однозначно, что «нет, не принадлежит» [3, 57, 65]. И поясняет, что суть проблемы в том, что Европа видит в России и в славянах вообще нечто ей *чуждое*. Все самобытно русское и славянское, пишет он, кажется Европе достойным презрения и подлежащим искоренению. Он назвал данное мировоззрение болезнью «европейничанья».

Суть ее не столько в преклонении перед Западом, сколько в признании превосходства всего западного, всего европейского над русским, сколько в готовности признать себя частью Европы. Ф.М. Достоевский называл таких людей «русскими европейцами», а И.С. Аксаков, друг Данилевского и издатель его книги, называл их «доморощенными иноплеменниками», которые в те времена активно «орудовали во всех сферах научной, политической, экономической и культурной деятельности» [1, 270]. Речь идет о противостоянии между двумя противоположными формами общественного бытия:

1) на Западе он основан на протестантизме и католицизме, на принципе «*иметь*», на индивидуализме, на стремлении к собственности и богатству, на мещанстве и потребительстве;

2) Восток живет, подчиняясь духовному принципу «*быть*»: либеральные реформы везде на Востоке подрывают традиционные уклады, разрушают общинные, коллективистские формы народного бытия, основанные на общественной иерархии, на солидарности и справедливости, на общественном долге и служении государству.

Как Россия может быть западной страной? Очевидно, что для этого надо присоединиться к Западу. Разнообразная национальными особенностями культура России уходит корнями к восточным религиям — православию, исламу и буддизму, т. е. религиям, отрицающим этику западных религий — протестантизма и католицизма. Присоединиться к Европе и ее ценностям, стать частью Запада для России это значит совершить самоубийство, самоуничтожиться. Смена культуры, системы ценностей и мировоззрения в целом будут означать только одно — Россия как страна с многовековой православной, северо-восточной культурой просто перестанет существовать, чего и добиваются наши европейские враги, ненавидящие нас.

Почему Россия — это Русская Евразия?

Президент России В.В. Путин заявил, что для него «распад СССР стал трагедией» и «*распадом исторической России*». Государство утратило «40% территории, производственных мощностей и населения», а также того, «что наработывалось в течение тысячи лет» [6].

С тех пор, когда была опубликована книга Н.Я. Данилевского (1863) прошло 150 лет, а Европа к России относится все также враждебно. Являясь восточной, православно-евразийской цивилизацией, Россия, однако, не является типичной восточноазиатской страной. Географически Россия является северо-восточной страной, а духовно? Являясь евразийской цивилизацией, Россия стоит на трех духовных религиозных столпах — на восточном христианстве (православии), исламе и буддизме, а также на ведическом православии.

Русская цивилизации, имеющая евразийский характер, исторически возникла как православная цивилизация (восточное христианство), как *Святая Русь*, как *Третий Рим* в качестве наследницы тысячелетней Византийской империи (395—1453). Россия исторически сложилась как *страна-континент*, как *государство-цивилизация*, многочисленные этносы которой скрепили воедино русский язык,

русская культура, православие (как восточное христианство и как ведическое православие).

С одной стороны, мы наследники древних восточных традиций, основанных на восточном православии, являемся, безусловно, Третьим Римом. А с другой — мы наследники северной ведической традиции, восходящей своими глубокими духовными корнями к великим гиперборейским традициям. К этому следует добавить, что исторически Россия имеет древние гиперборейские корни, ее сопряженность с Гиперборей известна давно. Так, например, д.ф.н. В.Н. Демин указывает: «Косвенным свидетельством в пользу существования в северных широтах древней высокоразвитой цивилизации являются... находящиеся здесь повсюду мощные каменные сооружения и другие мегалитические памятники». Он упоминает знаменитый Стоунхендж в Англии. Говоря о России, он указывает «аналогичные менгеры на Таймыре, на Кавказе, на Алтае, в Восточной Сибири — и так до Камчатки. Несомненное гиперборейское происхождение имеют также лабиринты Скандинавии, Кольского полуострова, Соловецких островов и Новой земли» [4, 330].

Достаточно заметить, что первое крещение Руси произошло в первом Апостольском веке, и совершил его апостол Андрей Первозванный, который, согласно летописям, уцелевшим хроникам и церковному преданию, дошел с проповедями до Великого Новгорода и Валаама. При этом русские волхвы (ведические жрецы, святые учителя, пророки) крестились, согласно северным (ведическим) преданиям, с радостью, понимая, что Святой Апостол Андрей принес им не чужую веру, так как пророчество о пришествии миссии — о рождении Иисуса Христа — передавалось волхвами в православном русском ведичестве из поколения в поколение. При этом Апостол Андрей, согласно северным (гиперборейским) преданиям, стоя на земле древнего и священного острова Дивный (Валаамский архипелаг), находясь внутри круга огромных камней, воздвигнутых тысячи лет назад, говорил: *«Исполнились пророчества веры вашей!»* [2, 212; 5, 34—47].

Итак, Россия является не просто восточной страной, Россия — это Абсолют Востока: Россия, безусловно, выделяется как *единственная* страна в мире, которая является одновременно и *право-*

славной, и исламской, и буддистской. На территории России проживают почти все восточные народы: православные, мусульмане и буддисты, воспитанные на этике трех восточных духовных религий, восходящих духовно к великим гиперборейским традициям, которые сплели воедино почти 200 разных мелких и крупных этносов и народностей нашей огромной страны, в монолитную и наднациональную общность, именуемую *русский народ*.

**Заключение: Третий путь России как форма
некапиталистической организации многоукладного хозяйства**

Для России как русской Евразии не подходят модель западного общества и западная модель национального хозяйства по следующим факторам.

Русская Евразия — это такой тип национального хозяйства, которое исторически основано на антилиберальных ценностях, а именно: на коллективизме, на солидарности и справедливости, на государственном регулировании экономики и рынка, на социальной поддержке всего населения.

Религиозно-философский подход к анализу мирового хозяйства позволяет понять, что сегодня уже не стоит выбор между частной и государственной собственностью, между капитализмом и социализмом. В мировой хозяйственной системе реально существуют не два, а три способа производства:

1) *капиталистический способ производства* — англосаксонский частнохозяйственный, католический государственный и социал-демократический капитализм;

2) *социалистический способ производства* — государственный марксистский социализм в СССР; марксистский самоуправленческий социализм в Югославии, а также разные формы «рыночного социализма» с ведущей ролью государства;

3) *некапиталистический способ производства* — речь идет о «третьем пути» общественного развития, отрицающего как западный частнохозяйственный капитализм, так и марксистский социализм. Это такой тип социально-экономической формации, который качественно отличается как от капиталистического, так и коммунистического (социалистического) строя. Экономика здесь имеет *много-*

укладный характер, ведущую роль в ней играют государственное регулирование, а также мощные секторы государственной и общественно-кооперативной (общинной) собственности.

В основе некапиталистической модели лежат:

1) *семейный тип организации общинной экономики*, где предприятие — это трудовая семья (наиболее полно эта модель реализована в Японии и Ю. Корее);

2) *идеология работающих собственников* коллективно-трудовых предприятий, созданных в России на основе Федерального Закона РФ, принятого Госдумой в 1997 г.

«Третий путь» не отрицает частную собственность как таковую, сохраняя частнохозяйственный капитализм, но лишь как *второстепенный сектор* экономики, подчиненный государству и стратегии национально-экономического развития. Русский философ XIX в. Вл. Соловьев справедливо заметил, что *«безнравственна не сама по себе частная собственность, что безнравственна плутократия, т. е. монополистическое господство в экономике крупного частного капитала»*. Он особо подчеркивал: «Общественная безнравственность заключается не в индивидуальной и наследственной собственности, не в разделении труда и капитала, не в неравенстве имуществ, а именно в *плутократии*, которая есть *извращение должного общественного порядка*, возведение низшей и служебной по существу области — экономической — на степень высшей и господствующей...» [7, 739].

Третья форма капитализма — «восточный капитализм» — отрицает лишь западный путь общественного развития, который основан на стяжательстве, жестком индивидуализме, на конкуренции и потребительстве, в котором нет места для духовности. Его философской основой во многих странах Юго-Восточной Азии (Япония, Ю. Корея, Сингапур, Тайвань) являются буддизм в его различных вариантах, а также ислам (Индонезия, Малайзия).

Именно эта форма капитализма содержит в себе понятие третьего пути, отрицающего как западный капитализм, так и марксистский ортодоксальный социализм (государственный социализм). Очевидно, что третий путь находится за пределами капиталистического общества. Именно это имел в виду русский ученый академик

Н.П. Федоренко, директор ЦЭМИ АН СССР, указывая на то, что «кооперативную форму собственности можно рассматривать как «третий путь» в развитии производственных отношений...» [8, 417].

Хозяйствуя в суровых природно-климатических условиях, Россия сможет остаться субъектом собственной истории только тогда, когда ее экономический базис будет обращен к *некапиталистической модели* национального хозяйства. Ценности некапиталистической организации национального хозяйства России основаны на этике восточных духовных религий, отрицающих ценности англосаксонского капитализма, основанного на протестантской этике.

Таким образом, в мире существует *реальная альтернатива* западному капитализму в виде так называемого «восточного капитализма». «Восточный капитализм» — это условное понятие, за которым скрывается особый третий путь формационного развития как форма некапиталистической организации многоукладного национального хозяйства, как некапиталистический способ производства.

Поставим в этом контексте риторический вопрос: *а можно ли вообще назвать капиталистическими те страны Востока, экономика которых развивается на основе принципов, прямо противоположных англосаксонскому мейнстриму*, отрицая индивидуализм, стяжательство, конкуренцию и потребление (мещанство)?

Очевидно, что этот вопрос является риторическим для русского общества и всей Русской Евразии, которой в 2022 году коллективный Запад объявил тотальную войну на уничтожение. Нам брошен вызов, а ответить на него мы можем только предельной мобилизацией всего национального хозяйства, отбрасывая либерально-монетаристскую модель развития и делая исторический выбор в пользу некапиталистической России, в пользу «третьего пути» национально-экономического развития.

Литература

1. Балугев Б. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: Издательский дом «БУЛАТ», 2001.
2. Гиперборейская вера русов: Сборник. 2-е изд. испр. и доп. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002.

3. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М.: Эксмо, 2003.
4. *Демин. В.Н.* Русь гиперборейская. М.: Вече, 2002.
5. *Кузьмин А.Г.* Сказание об апостоле Андрее и его место в начальной летописи // Летописи и хроники. Сб. статей / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1974. С. 34—47.
6. Путин назвал распад СССР трагедией и «распадом исторической России»: URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/12/2021/61b5e7b79a7947689a33f5fe> (дата обращения: 25.01.2022).
7. *Соловьев В.С.* Оправдание добра // *Соловьев В.С.* Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. Мн.: Харвест, 1999.
8. *Федоренко Н.П.* Россия: уроки прошлого и лики будущего. М.: Экономика, 2000.
9. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990

Reference

1. *Baluev B.* Spory o sud'bah Rossii: N.YA. Danilevskij i ego kniga «Rossiya i Evropa». Tver': Izdatel'skij dom «BULAT», 2001.
2. *Giperborejskaya vera rusov: Sbornik. 2-e izd. ispr. i dop.* М.: FAIR-PRESS, 2002.
3. *Danilevskij N.YA.* Rossiya i Evropa: Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu. М.: Eksmo, 2003.
4. *Demin. V.N.* Rus' giperborejskaya. М.: Veche, 2002.
5. *Kuz'min A.G.* Skazanie ob apostole Andree i ego mesto v nachal'noj letopisi // Letopisi i hroniki. Sb. statej / Pod red. B.A. Ry-bakova. М.: Nauka, 1974. S. 34—47.
6. Путин nazval raspad SSSR tragediej i «raspadom istoriche-skoj Rossii»: URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/12/2021/61b5e7b79a7947689a33f5fe> (data ob-rashcheniya: 25.01.2022).
7. *Solov'ev V.S.* Opravdanie dobra // *Solov'ev V.S.* CHteniya o bogochelovechestve. Duhovnye osnovy zhizni. Opravdanie dobra. Мн.: Har-vest, 1999.

8. Fedorenko N.P. Rossiya: uroki proshlogo i liki budushchego. M.: Ekonomika, 2000.

9. Frankl V. СHеловек v poiskah smysla: Sbornik / Per. s angl. i nem. M.: Progress, 1990

М.Ю. ЧУРИЛИН

Формирование идеалов сознания в постматериалистическом глобализационном мире*

Аннотация. В статье выявляется образ идеалистического мышления, приводятся его характеристики, показывается наличие симметричных характеристик, присущих экономическому постматериализму. Автор делает вывод о необходимости наличия базиса ценностей, стоящего за идеализмом, и необходимости его замещения научными идеализациями для успешного функционирования экономики. Поднимается тема постматериализма, который пытается заместить идеализм, а именно — представить идеалистические формы материализма как современную философию общества. Автор размышляет о том, что экономический материализм в глобализационной эманации вступает в конфликт с идеалами традиционного общества, сложившимися на региональном уровне. Делается вывод о необходимости возвращения в экономическую теорию представлений о дуальной природе агента экономики, в которой должны рассматриваться не только экономические оптимизации, но и моральный и социальный ареал функционирования объекта. Выдвигается предположение что подобный перезапуск политэкономии возможен посредством адаптации современной квантово-релятивистской картины мира с помощью методов физикализма.

Ключевые слова: идеализм, постматериализм, глобализация, мораль, физикализм, политэкономия.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чурилин М.Ю. Формирование идеалов сознания в постматериалистическом глобализационном мире // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 59—76.

Abstract. The article reveals the image of idealistic thinking, gives its characteristics, it shows the presence of symmetrical characteristics inherent in economic post-materialism. The author concludes that there is a need for a basis of values behind idealism and the need to replace it with scientific idealizations for the successful functioning of the economy. The topic of post-materialism is raised, stated that it tries to replace idealism, namely, to present idealistic forms of materialism as a modern philosophy of society. The author reflects that economic materialism in the globalization emanation comes into conflict with the ideals of traditional society that have developed at the regional level. It is concluded that it is necessary to return to the economic theory of ideas about the dual nature of the agent of the economy, in which not only economic optimizations, but also the moral and social areas of the functioning of the object should be considered. It is suggested that such a restart of the political economy is possible through the adaptation of the modern quantum-relativistic worldview using the methods of physicalism.

Keywords: idealism, post-materialism, globalization, morality, physicalism, political economy.

УДК: 113, 140.8, 172.4, 215, 332.1
ББК 65в

Введение

Целью данной работы является выявление характеристик экономического постматериализма, которые свойственны религиозным или идеалистическим учениям.

Первой задачей становится обоснование с помощью метода физикализма формирования такого общества людей, которые бы использовали экономический материализм и гуманизм как систему правил и моральных ориентиров для развития и функционирования

Вторая задача — выявление характеристик функционирования религиозных обществ, сформированных вокруг идеалистических идей, и анализ функционирования постматериалистического общества на предмет симметрии, понимания мира и выстраивания хозяйственных взаимоотношений через формирование подобных идеалистических сущностей. Иначе говоря, выявление признаков идеализма в миропонимании постматериализма.

В заключении работы мы вновь апеллируем к объяснительным принципам физикализма для иллюстрации возможного вектора развития теоретического экономического знания.

Общественные предпосылки для возникновения идеалов экономики. Механицизм и атомизация

После открытий И. Ньютона ученые во многих областях воодушевились идеей того, что можно описать объект их изучения с помощью аппарата прогрессивной науки — физики и, таким образом, отделить научное знание от теологического. В результате физикализм проник во все области знания. Например, в статье «Что такое физикализм? Сознание, редукция, наука» Н.С. Юлиной говорится о том, как идеи переноса методов физики появились в философии и даже психологии: «В нашем кратком обзоре физикалистских атак на “бастион сознания” мы обозначили “измами” ряд основных стратегий: психологический бихевиоризм, теория трансляции, лингвистический бихевиоризм, логический бихевиоризм; теория тождества, функционализм логических состояний, элиминативизм, аномальный монизм. Приведены также примеры подходов к сознанию, предложенных учеными — нейробиологами и физиками (Крик, Эдельман, Пенроуз)» [13, 33]. Механицизм нашел своих последователей почти во всех областях знания, например, Декарт рассматривал человека как систему рычагов, Гоббс описывал механику общественных процессов, а А. Смит сформулировал свои экономические взгляды, опираясь на механику Ньютона: «Из методологических влияний на автора “Богатства народов”, прежде всего, следует упомянуть методологию исследования И. Ньютона» [1, 62].

Мы считаем, что фундамент, заложенный физикалистами, продолжил свою жизнь и развитие в экономической науке. По причине того, что физикалистические аналогии в экономике со времен А. Смита не пересматривались, атомизация общества рассматривается как идеал для функционирования агентов, образом которых были атомы в представлении И. Ньютона. В экономике даже есть

аналог дальногодействия¹, в результате чего агенты получают информацию мгновенно и обладают всей ее полнотой в любой момент [12].

Принцип наименьшего действия в экономике. Напомним, что объекты в физике подчиняются принципу наименьшего действия, т. е. они всегда движутся по пути с наименьшим временем следования. Так же и агенты экономики — рационально делают свой выбор в пользу наиболее выгодных решений. Агенты экономики существуют в пространстве труда, где, согласно этому принципу, они перемещаются от точки «А» к точке «В» по оптимальной траектории, т. е. производят необходимую для достижения цели стоимость. Агенты в этом пространстве имеют лишь экономические интересы и, кроме того, атомизация в обществе этих агентов рассматривается как естественный процесс — прогресс.

Так как базис экономического знания не пересматривался, то аналогии механицизма, символизирующие эталон хозяйственной деятельности, получили воплощение в глобалистическом проекте. Как пример, *homo economicus* в аналогиях физикализма представляет собой объект из раздела механики, т. е. он вступает во взаимодействия, и на него действуют силы, ощутимые для «Больших» агентов (в смысле тех, размеры которых позволяют учитывать только механические взаимодействия). В рамках этого понимания природы экономических взаимодействий и агента экономики продолжает функционировать экономическая наука.

Формирование личности и хозяйственной деятельности через постматериалистические ценности. Для человека как личности важны самореализация, общественное признание или удовлетворение своими действиями: в своем идеальном сознании человек принимает систему ценностей и правил, которым он следует для достижения этих целей. Часто эти ценности идентифицируют его с какой-то группой, в среде которой он может добиться признания. Для этого человек формирует свой быт так, чтобы внешне идентифицировать себя с личностью, которая следует регламентированным идеалам, например, ведет аскетичный или показательно-потребительский образ жизни. В этом контексте стоит заметить, что хозяйственная

¹Согласно этому принципу все атомы рассматриваемого тела мгновенно получают информацию при стороннем воздействии на один из них.

жизнь человека формируется согласно тем идеалам, которые он хочет воплотить. Можно сказать, что человек привносит в материальный мир свои идеалы. Заметим, что в обществе идеалистического экономического материализма критерием успешности человека становятся материальные ценности, которыми он себя окружает. Иначе говоря, чем человек богаче, тем он «большой праведник».

Обратим внимание на то, как поменялись идеалы материалистов, став идеалами *пост*-материалистов. По мнению Инглхарта, первые формировали свою жизнь, думая в первую очередь о том, чтобы война не повторилась, о собственной безопасности, добиваясь экономической стабильности как цели, а вторые ставят в приоритеты собственную реализацию, исходя из парадигмы экономической стабильности [14, 19—177]. То есть, постматериалисты формируют свой быт, привнося в мир идеалы сущности экономического материализма.

Зафиксируем то, что если в материалистическом понимании экономические блага становились воплощением идиомы: «делай деньги, а не конфликты», то в постматериалистическом понимании экономическая состоятельность стала формировать базу ценностей. Иначе говоря, если в доглобализационном обществе наука, в том числе экономика, была инструментом в руках человека, который согласно своим идеалам пытался стать счастливым, то глобализационный проект в его сегодняшнем варианте претендует на формирование новых ценностей, опираясь на которые человек воплощает образ счастья, сформированный постматериалистическими идеалами. В этой парадигме человек думает о самореализации с использованием экономических инструментов для ее достижения (например, режиссер, который, ищет спонсора или берет кредит для съемок). В этом миропонимании воплощена система оценки человека как добросовестного и перспективного заемщика с хорошей кредитной историей.

Атомизация против традиций. В доиндустриальную эпоху экономические взаимоотношения возникали на фундаменте единых традиций или пониманий нравственности, которые в свою очередь формировались под влиянием идеалов разного рода сущностей (как правило, имевших божественную природу).

В рамках верования люди налаживали не только принципы общения, но и строили какие-то экономические взаимоотношения. Когда встречались две общины или два народа, имевшие разные верования, они могли строить экономическую деятельность, опираясь на общие моральные принципы (как правило, эти принципы симметричны в разных верованиях).

На фоне роста населения и возникновения новых связей механизм углубления разделения труда (появление новых специальностей) [7] кристаллизовал идею атомизации общества в глобалистическом проекте, где представители разных верований должны были иметь общие морально-этические представления для совместной экономической деятельности. Максимизация выгоды — идеал поведения, понятный и приветствующийся в этой экономической парадигме. В этой системе возникают новые ценности и новая мораль, обусловленные экономической целесообразностью. Материализм, а после постматериализм становятся «религией», объединяющей сотрудников фирмы. Идеалистический экономический материализм, или постматериализм глобалистического проекта, — система взглядов, которая, несмотря на научный базис, имеет характеристики религиозного сознания. В этой конструкции экономический материализм является как-бы отправной точкой миропонимания, привносящей в сознание людей идеалов, необходимых для успешного функционирования глобалистского проекта. Другими словами, для успешного функционирования глобальной экономике необходимо изменить или создать в сознании людей морально-этический базис, в терминах которого будут сформулированы объяснительные принципы окружающих феноменов (в том числе экономических).

Когда материалистическая система взглядов распространена в обществе, это помогает людям, исповедующим разные взгляды, работать в единой общине. То есть, в рамках фирмы создается сходное с религиозной общиной объединение людей, где постулируются морально-этические нормы поведения, идеалы и цели «духовного роста» для сотрудников.

Конфликт идей глобальной и национальной экономик. Новая парадигма экономических ценностей подразумевает разрушение моральных ориентиров традиционных идеалистических сущностей и

пестует принципы атомизированного общества как наиболее эффективной модели отношений для извлечения экономической выгоды. Это актуализирует границу между глобализационными институтами постматериалистической сущности и институтами, поддерживающими традиционные нравственные ценности. Так, в книге «Культурная эволюция», автор фиксирует постматериалистический переход к атомизированному обществу: «В течение последних после войны десятилетий (переход от материализма к постматериализму) растущая экзистенциальная безопасность позволила большинству стран мира продвинуться в сторону индивидуализма, автономии и самовыражения» [3, 21].

Модель национального агента экономики может быть вписана в глобализационную, однако соответствующая программа интеграции и адаптации международных правил требует отдельного изучения. Пока же агенты национальных экономик оптимизируют свое действие не по универсальным правилам, а согласно традициям региона.

Когда говорят о столкновении интересов национальных и наднациональных институтов, имеют ввиду конфликт экономических пространств, в которых могут более эффективно функционировать атомизированные агенты и традиционные для региона агенты. Последние отличаются тем, что были сформированы в рамках местных традиций и участвовали в их формировании, ведь человек меняет свое «рабочее место» при экономической деятельности. «В поте лица, хозяйственным трудом, не только производятся продукты, но и создается вся культура» [2, 46]. Отметим, что в механистических представлениях объект (в физике) не может влиять на окружающий мир силами, отличными от механических. И тем более не может влиять сам на себя. Получается, что разлом, сложившийся в институциональном поле между глобальной и национальной экономиками, имеет под собой причины, относящие нас к истоку формирования науки. Его упразднение и создание нового глобалистического проекта требуют пересмотра экономических теорий с позиций их соответствия изменениям картин мира, предложенным физическим пониманием сегодня.

Таким образом, национальные традиционные сущности и ценности, приписываемые идеалистическому миропониманию, вступают в конфликт с глобальными ценностями. Это приводит С.П. Хантингтона к выводу: «С одной стороны, успех экономического регионализма укрепляет сознание принадлежности к одной цивилизации. А с другой — экономический регионализм может быть успешным, только если он коренится в общности цивилизации» [11].

**Выявление критериев, характеризующих экономический
материализм как идеалистическое учение.
Условности и обозначения**

Мы не пытаемся здесь рассуждать о сторонах идеализма, касающихся теологии. Идея статьи состоит в том, чтобы затронуть те стороны идеализма и материализма, которые отражаются на хозяйственной деятельности агентов экономики. Мы апеллируем к иудейско-христианской традиции, так как ее принципы имеют наибольшее распространение на территории России и имеют наибольшую значимость. По С. Хантингтону, при цивилизационном расколе. В нашем подходе идеализм понимается как трактовка общих закономерностей мира, при этом подразумевается, что есть некая всеобщая основа явлений, которая обладает идеальными свойствами, и все действия, которые она совершает, идеальны по сути. Например, Бог или духовная сущность. Выделим две группы характеристик идеальных сущностей, к которым будем апеллировать: мыслимые — объективность, непознаваемость, непогрешимость — и явные — объяснительные и обучающие.

Люди приписывают идеальным сущностям характеристику непогрешимости, так как это позволяет использовать подобную сущность как эталон поведения, на который надо равняться в спорных ситуациях для соблюдения морально-нравственных установок, принятых в рассматриваемом обществе. «Объективность» дает право идеальной сущности судить поступки людей на предмет соблюдения этих установок. Как правило, судят участники рассматриваемого сообщества, и объективность подтверждается схожестью мнений группы судей. Можно заметить, что в идеалистическом миропонимании присутствует математический аппарат статистики как инструмент выявления объективного знания, что делает идеалистическое

мироописание прообразом материалистического: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

Характеристика непознаваемости позволяет людям всегда совершенствовать свои качества, приближаясь к идеалу (не достигая его) — «набирая очки» в сообществе поклоняющихся этому идеалу. В мирской логике подобная характеристика придает объекту мистические свойства (непознаваемость — непостижимость, т. е. Бог не подлежит сравнению).

«Каждая религия, и в том числе христианская, приписывает Богу прежде всех других рассудочных определений нравственное совершенство. Бог как существо нравственно совершенное есть не что иное, как осуществленная идея, олицетворенный закон нравственности» [9, 61].

Первая группа характеристик — как необходимое условие — формирует базис ценностей, к которому апеллируют (последователи) для обоснования функционирования идеальной сущности. С этих же позиций можно дать следующее определение идеальной сущности: она олицетворяет собой закон или канон, который сама и воплощает. При этом такая сущность является недостижимым эталоном, что позволяет апеллировать к ней как к объективной субстанции, а также осуждать другие верования в рамках правил регламентированных в рассматриваемом сообществе.

Сделаем важное замечание: деньги обладают мистическим свойством непостижимости в смысле исчислимости. Нет четкого критерия, не ясно, какая сумма считается большой, а какая — недостаточной, чтобы быть успешным и/или счастливым. Вместе с тем, деньги есть критерий для сравнения внутри сообщества адептов, что придает им объективность. И, конечно, в рамках наших рассуждений идеальная сущность, являющаяся образом денег, непогрешима (деньги не пахнут). Кроме того, по мере роста инфляции, роста спекулятивной части капитала и появления новых профессий обывателю все сложнее понимать структуру формирования заработной платы, а значит, деньги перестают быть мерой труда и становятся атрибутом некой идеальной сущности. «Денежная иллюзия проявляется, к примеру, когда при обсуждении своей будущей заработной платы с работодателем или условий ипотеки с банком люди недооценивают

фактор инфляции в связи с тем, что большинство трудовых договоров и финансовых контрактов составляется в номинальных величинах» [5]. То есть, деньги являются образом идеальной сущности и обладают тремя мыслительными характеристиками: непостижимость, объективность, непогрешимость.

Идеалы традиции. Обратимся к тому, что формирует базис ценностей, а значит, и идеалы в сознании каждого человека. Как мы условились, подобный базис ценностей регламентирует нормы поведения и выявляет «систему оценки эффективности» адептов выбранного идеала. Традиционно говорят о моральных принципах религиозного сознания, так как в религиях подобный базис сформулирован в явном виде и онтологически раньше других (как полноценная система следования идеалу). Получается, что идеалистическое понимание мира является протопониманием и тесно связано с доминирующей в регионе религией.

«По законам буржуазной экономики большая часть продукта не принадлежит производившим его рабочим. Если мы говорим: “это несправедливо, этого не должно быть”, — то все это не касается экономики. Мы выражаем только то, что экономический факт противоречит нашему нравственному чувству» [8, 79]. Заметим, что человек при ухудшении экономических обстоятельств (уменьшение платежеспособности) мыслит о меньшем количестве предметов, необходимых для удовлетворения его нужд. Однако при построении логических связей он апеллирует к тем же моральным и этическим принципам, что и в религии. Другими словами, домохозяйство формирует свою экономическую деятельность в рамках сложившейся традиции независимо от конъюнктуры (эту традицию формируют местные институты).

Отдельного обсуждения и внимания заслуживает ситуация трансформации сознания, обуславливающая изменения моральных принципов. Свою хозяйственную деятельность человек формирует исходя из базиса ценностей, которым он следует. В этом случае мы видим, что ценности (или сама идеалистическая сущность) влияют на хозяйственную деятельность агента экономики. Соответственно, когда мы говорим о новом миропонимании и новой сущности, кото-

рую мы будем называть сущностью экономического постматериализма, мы понимаем, что она также выдвигает базис моральных ценностей, которому должны удовлетворять адепты.

Это значит, что явления материального мира понимаются каждым индивидуумом согласно его морально-нравственным идеалам, а успех постматериалистического мироописания напрямую зависит от базиса традиций и идеалов общества, к которому оно применяется. Отметим, что переход от традиционного (религиозного) миропонимания к новому (универсальному), требует длительного и успешного функционирования агентов в последнем, чтобы оно обзавелось собственной традицией и могло конкурировать с первым. К подобному выводу приходит Р. Инглхарт в книге «Культурная эволюция» [3, 30—35].

Явные характеристики идеалистической сущности. К явным характеристикам относятся феномены, которые могут наблюдать в окружающем мире в среднем все люди. Через объяснительную характеристику сознание людей получает ответ на вопросы об окружающих феноменах посредством проявлений идеалистической сущности. Например, рождение, смерть или раскаты грома (явления, на которые человек в среднем не влияет)... Заметим, что эта характеристика интегрирует человека в сообщества адептов сущности. Это значит что, если человек получает подобное объяснение как единственно верное (например, рождается в какой-то традиции), он формирует свое мировоззрение через интегрированные идеалы.

Вторая явная характеристика — обучающая. Она объясняет людям, как себя вести в данном сообществе, формирует правила поведения. Во время обучения адепт получает критерии оценки «правильности» и «успешности» поступков. Таким образом, опираясь на объяснительную плоскость, идеалистическая модель дает людям моральный эталон поведения и инструменты, используя которые можно следовать выбранной идеальной сущности. Придерживаясь данных правил и опираясь на изложенную мораль, человек может понимать себя как более или менее успешного последователя выбранного течения.

Можно сказать, что люди ведут хозяйственную деятельность, согласно идеалам и моральным правилам, регламентированным в их

сообществе. Эту мысль иллюстрирует В.О. Ключевский в курсе лекций «Русская история»: «Движение пустынных монастырей есть движение будущих сельских приходов, которые, притом в большинстве, были первыми в своей округе... куда шли монахи, туда же направлялось и крестьянское население» [4, 413]. Впоследствии, когда люди одного верования стали устанавливать контакт, встречаться с людьми других верований, появилась необходимость в том, чтобы отыскать общие моральные принципы, с помощью которых можно было ввести правила сожителства и начать экономическую деятельность.

Заметим, что война также становится формой экономических отношений, а моральные принципы адептов одной сущности становились формальной причиной для начала войны с адептами другой. Однако физические конфликты не всегда происходят в интересах выгодополучателей (адептов сущности с более развитой экономикой). В интересах более развитых сообществ стало появляться вовлечение менее развитых собратьев в национальную хозяйственную деятельность, что становилось, по сути, захватом продуктов труда. С этих позиций интеграция стран в глобалистический проект должна происходить на понятных условиях, а моральные принципы, которые стоят за экономикой, должны приниматься народом, который в этот проект включают. С развитием экономики появился запрос на новую глобальную идеалистическую сущность, которая удовлетворяла бы всем характеристикам, что и прежние.

Сам по себе материализм, а позже — постматериализм как теоретическое знание становится метазнанием. Подобное гуманистическое видение мира может объединить людей разных теологических взглядов. То есть, гуманизм дает вариант общественной морали, в которую переходят ключевые ценности разных религий. С развитием экономических взаимодействий материализм и гуманизм представили новую повестку для развития экономической деятельности между жителями разных государств и госструктур в целом. Общая законодательная база регламентировала правила и нравственные законы идеализма / экономического материализма.

Формирование и функционирование идеалов экономического материализма. Мистический материализм в экономике по-

явился вслед за тем, как экономические товары стали более наукоемкими и одновременно с этим «научные чудеса» проникли в жизни людей. Мы считаем, что по мере развития НТП экономика со своей научной базой стала его частью. Иначе говоря, в жизни обывателя стали происходить новые чудеса, например, появляться технические новинки, а экономисты как часть ученого сообщества могли эти чудеса объяснить.

Также отметим, что НТП в рамках глобализационного проекта взял за основу моральные ценности религий разных стран и превратил их в метаэтическую теорию гуманизма. Принцип экономической целесообразности также привел к подобным результатам, ведь трансэологическое миропонимание позволяет объединить людей разных верований в коллектив одной фирмы. В этом случае фирма становится новым агентом, а сотрудники, согласные с общей моралью, могут в рамках этого агента беспрепятственно работать и приносить капиталисту выгоду.

Кроме мыслительных характеристик материализму, а тем более постматериализму можно приписать и явные характеристики. Объяснительный материализм применяет для феноменов научно-технического прогресса, а в качестве обучающих регламентирует нормы поведения, в рамках которых агент экономики должен принимать экономически выгодные решения. То есть, идеалом поведения в этой модели становится поведение агента типа «*homo economicus*».

На волне научно-технического прогресса последних двухсот лет, возглавленного наукой физикой, были сделаны многие открытия, влияющие на жизнь людей. Нерелигиозная наука объясняла эти феномены, чтобы люди верили науке как новой религии. В этой новой реальности ученые позиционировались как пророки нового знания, которые могли интерпретировать те послания, которые дает человеку природа, т. е. сами по себе ученые становились некими безгрешными идеалами поведения. Впоследствии экономическая наука с капиталистическим ядром возглавила НТП, неявно подчинив себе физику, и стала проводить в общество удобные ей реформы моральных принципов.

«Подводя общий итог дискуссии, отметим, что мы исходим из того, что наука — это Большой проект Нового времени, иницииро-

ванный рядом элитных групп Европы того времени, который был искусственно удлинён в рамках историзации научной рациональности, — по всей видимости, он подошёл к своему завершению как любое историческое образование. Если в рамках проекта Просвещения и в обществе модерна именно наука получила привилегированный статус в вопросах воспроизводства общезначимого, универсального знания и, соответственно, господствующего мировоззрения, опирающегося на новые тесные отношения знания и власти» [6].

Заметим, что сегодня получение новых знаний в естественных науках (по крайней мере, в доказательной — экспериментальной части) также подлежит оценке экономической целесообразности. То есть, естественные науки зачастую становятся жертвами экономической сущности. Если записать схематически, то при становлении науки и экономики было так: человек → моральные ценности → наука о природе ↔ экономика, а стало так: экономика → ценности экономики → наука о природе → человек. В этой схеме ценности людей были заменены на ценности экономики. Таким образом, ясно, что постматериалистические экономические ценности глобалистического проекта меняют мировоззрение людей и формируют хозяйственную и научную деятельность. Затрагивая все социальные группы, экономический материализм формирует новые идеалы, мораль и претендует на то, чтобы стать метарелигией.

Заключение

Можно сказать, что при своем формировании экономическая наука и первые ее ученые воплощали морально-этическую повестку своего времени, а «социальная инженерия» имела дуальную природу. Экономика опиралась на физические методы, но продолжала формулировать свою онтологию так, чтобы учитывать интересы людей, т. е. экономика была отчасти наукой естественной, а отчасти социальной. Впоследствии экономика стала формулировать научные теории, опираясь на экономического агента — «рационального максимизатора полезности».

Со времен И. Ньютона были сформированы три научных картины мира и представления об объекте в физике сильно изменились. Логично предложить пересмотреть экономические теории в рамках изложенной гипотезы и дополнить их с учетом актуальных научных

картин мира, расширить знания новыми объектами и новыми взаимодействиями. Например, выявить появляющиеся в результате углубления разделения труда экономических агентов, которые могут стать аналогами микрочастиц в физике. Для них использовать теории дуализма и спинного взаимодействия, а также представления о микроагенте, который состоял бы из группы домохозяйств, и изучать его групповые свойства. Эти группы индивидуумов совместно участвуют не только в производстве продукта, но могут группироваться для предъявления спроса.

Благодаря физикалистской основе, экономика может вновь стать дуальной наукой, вернуться к принципу «моральной достоверности». Для этого необходимы признание несостоятельности представления об эквивалентности домохозяйств в разных народах и пересмотр природы их понимания с позиций современной картины мира. Например, в квантово-релятивистской картине мира микрообъекты — это домохозяйства, которые имеют дуальную природу. Кроме того, эти объекты меняют свое поведение под действием внешних полей, аналогом которых могут считаться экономическое пространство и институты, его формирующие [10]. Например, если учитывать местные традиции и идеалы сознания местных агентов при формировании институционального поля, можно добиться существенного увеличения производительности их труда. Подобный пересмотр экономических теорий становится актуальным в свете кризиса глобального проекта.

В качестве выводов отметим, что с распадом глобализационного проекта могут быть уничтожены возникшие экономические связи или нарушены цепочки поставок товаров, или обнаружены другие экономические факторы, меняющие хозяйственную деятельность по всему миру. Но это повлечет пересмотр миропонимания, основанного на идеалах экономического материализма, в пользу традиционных религиозных сущностей. Подобный нравственный разворот выявит необходимость учета в экономической науке региональных особенностей агентов.

Необходимость пересмотра роли социальных факторов в экономической жизни агента приводит нас к мысли о необходимости возвращения в экономическую науку представлений об агенте, встречающихся в политэкономии. Возможно, эти взгляды должны

быть пересмотрены с учетом математического аппарата подобно тому, который используют в физике элементарных частиц (статистической физике).

Как мы показали в работе, миропонимание тесно связано с самоидентификацией личности. Поиск идеальных форм также является инструментом индивидуального сознания. Иначе говоря, атомизация общества привела к тому, что экономический материализм (научный), который имел объяснительный инструментарий, связанный со статистикой, стал проявлять себя как идеализм. Заметим, что фактор атомизации можно преодолеть, описывая реальность в терминах актуальных научных картин мира.

В рамках меняющегося экономического мира возникает необходимость пересмотра фундамента экономической теории, переосмысления экономического агента и путей эволюции его и всего общества. Переосмысление политэкономии может не только вернуть в экономическую науку «полноценного человека», но и сделать саму науку «научной» (сместить фокус изучения с индивидуальных особенностей на групповые свойства).

Литература

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.
2. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1903.
3. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
5. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция 34. М.: АСТ, Харвест, 2002.
6. Комаровская Н.В. Эволюция «homo economicus» // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 1 (46). С. 129—142.
7. Кошовец О.Б., Фролов И.Э. Наука в опасности или (техно)наука становится опасной? // Epistemology & Philosophy of Science. 2020: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-v-opasnosti-ili-tehno-nauka-stanovitsya-opasnoy> (дата обращения: 15.07.2021).
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики. Т. 1. М.: Эконов, 1991.

9. *Туган-Барановский М.И.* Энгельс Ф. // Очерки из новейшей истории политической экономии: (Смит, Мальтус, Рикардо, Сисмонди, историческая школа, катедер-социалисты, австрийская школа, Оуэн, Сен-Симон, Фурье, Прудон, Родбертус, Маркс). СПб.: Изд. журнала «Мир божий», 1903.
10. *Фейербах Л.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1995.
11. *Фролов Д.П.* Метафоризм институционализма: физикализм vs биологизм // Пространство экономики. 2013. № 3: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforizm-institutsionalizma-fizikalizm-vs-biologizm> (дата обращения: 20.06.2021).
12. *Хантингтон С.П.* Столкновение цивилизаций? // Центр гуманитарных технологий: URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498> (дата обращения: 18.08.2021).
13. *Чурилин М.Ю.* Влияние прогресса в естественных науках на осмысление понятия «homo economicus» // Экономические стратегии. 2018. № 1. С. 198—207.
14. *Юлина Н.С.* Что такое физикализм? Сознание, редукция, наука // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. М.: ИФ РАН, 2006. С. 9—42.
15. *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles. Princeton: Princeton Legacy Library, 1977.

References

1. *Avtonomov V.S.* Model' cheloveka v ekonomicheskoy nauke. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1998.
2. *Bulgakov S.N.* Ot marksizma k idealizmu. SPb.: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya pol'za», 1903.
3. *Inglhart R.* Kul'turnaya evolyuciya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivacii i kak eto menyaet mir. M.: Mysl', 2018.
4. *Klyuchevskij V.O.* Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij. Lekciya 34. M.: AST, Harvest, 2002.
5. *Komarovskaya N.V.* Evolyuciya «homo economicus» // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2016. № 1 (46). С. 129—142.
6. *Koshovec O.B., Frolov I.E.* Nauka v opasnosti ili (tekhn) nauka stanovitsya opasnoj? // Epistemology & Philosophy of Science. 2020: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-v-opasnosti-ili-tehn-nauka-stanovitsya-opasnoy> (data obrashcheniya: 15.07.2021).

8. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov // Antologiya ekonomicheskoy klassiki. T. 1. M.: Ekonom, 1991.

9. Tugan-Baranovskij M.I. Engel's F. // Ocherki iz novejshej istorii politicheskoy ekonomii: (Smit, Mal'tus, Rikardo, Sismondi, istoricheskaya shkola, kateder-socialisty, avstrijskaya shkola, Ouen, Sen-Simon, Fur'e, Prudon, Rodbertus, Marks). SPb.: Izd. zhurnala «Mir bozhij», 1903.

10. Fejrbah L. Soch.: V 2 t. T. 2. M.: Nauka, 1995.

11. Frolov D.P. Metaforizm institucionalizma: fizikalizm vs biologizm // Prostranstvo ekonomiki. 2013. № 3: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforizm-institutsionalizma-fizikalizm-vs-biologizm> (data obrashcheniya: 20.06.2021).

12. Hantington S.P. Stolknoenie civilizacij? // Centr gumanitarnyh tekhnologij: URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498> (data obrashcheniya: 18.08.2021).

13. CHurilin M.YU. Vliyanie progressa v estestvennyh naukah na osmyslenie ponyatiya «homo economicus» // Ekonomicheskie strategii. 2018. № 1. S. 198—207.

14. Yulina N.S. CHto takoe fizikalizm? Soznanie, redukciya, nauka // Filosofiya nauki. Vyp. 12: Fenomen soznaniya. M.: IF RAN, 2006. S. 9—4

В.Я. ИОХИН, И.В. ВАЩЕКИНА

Украинская страда и наш путь*

Аннотация. Тотальная война против России поставила ее перед необходимостью кардинального пересмотра курса социально-экономического развития в направлении формирования модели самодостаточной экономики с последующей ее трансформацией в полноценный народнохозяйственный комплекс. В статье особое внимание уделено пересмотру российско-украинских отношений в свете обеспечения национальной безопасности России на западе.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Иохин В.Я., Ващекина И.В. Украинская страда и наш путь // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 76—87.

Ключевые слова: экономика, народное хозяйство, рынок, финансы, модель, курс, нацизм, денацификация, Украина, Россия.

Abstract. The total war against Russia has made it necessary to radically revise the course of socio-economic development in the direction of forming a model of a self-sufficient economy with its subsequent transformation into a full-fledged national economic complex. The article pays special attention to the revision of Russian-Ukrainian relations in the light of ensuring Russia's national security in the West.

Keywords: economy, national economy, market, finance, model, course, Nazism, denazification, Ukraine, Russia.

УДК 327; 17
ББК 65в

«Капиталистический интернационал», отмечая все наши беспокойства по поводу угроз нашей безопасности со стороны НАТО, в сложившихся сегодня обстоятельствах надеется на финансово-экономическое удушение положения России с последующим поражением на полях сражений с нацистским режимом на Украине, которому он оказывает всестороннюю поддержку и помощь. Правда, на этом фоне несколько отличился Э. Макрон, который обратился к французским компаниям с просьбой не уходить окончательно с российского рынка. Очевидно, в этот момент президент Франции услышал вопли французских предков Акадии на севере Нового Света о предательстве Людовика XIV своих соотечественников за малозначимые экономические подачки англосаксов, которые затем совершили над ними самый настоящий физический геноцид в самых отвратительных его формах.

Наш президент — В.В. Путин — и мы вместе с ним не предали русских в ДНР и ЛНР и вступили в войну за их спасение и продолжение дела своих отцов и дедов по искоренению коричневой чумы, теперь уже на Украине. Только надо себе давать отчет в том, что Россия тем самым вступила в открытую схватку с «коллективным» Западом, который, почувствовав реальную угрозу своему господству в мире, приступил к мобилизации всех имеющихся у него сил и ресур-

сов для ведения против России тотальной войны. Очевидно, там хорошо понимают, что если Советский Союз положил начало развалу созданной им колониальной системы, то вступление России в противоборство с ним кладет конец неоколониальному мышлению и политике Запада по отношению к остальному миру. Выход России из западного мира и вступление в военное противоборство с ним, равно как и образование нового финансово-экономического центра в Азиатско-Тихоокеанском регионе, становятся решающими факторами принуждения к встраиванию в новый политический и хозяйственный миропорядок, базирующийся на равноправных, не дискриминационных партнерских отношениях как на межгосударственном, так и на межрегиональном уровне.

Украинский аспект

С украинским народом случилась беда, которая во всей полноте воплотила мечты и замыслы заклятых врагов России о разделении и противопоставлении друг другу украинцев и русских. Еще задолго до З. Бжезинского [9] Бисмарк утверждал, и не без основания, что «могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины <...> необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди национальной элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Все остальное — дело времени» [1, 186].

Работа в этом направлении велась открыто и подспудно еще в советские годы [5]. Отношения между Россией и Украиной складывались парадоксальным образом. С образованием СССР к Украине был присоединен самый промышленно развитый регион России — Новороссия, или Новороссийское генерал-губернаторство бывшей Российской империи с центром в Одессе, потом по умышленной благоглупости Н.С. Хрущева и Крым передали ей. При этом руководство СССР постоянно выделяло огромные ресурсы для развития своего юго-западного промышленного комплекса, источником которых опять-таки была РСФСР.

Однако после рукотворного развала СССР сменявшие друг друга режимы на Украине вместо благодарности за значительное

расширение ее жизненного пространства и превращения в одну из развитых индустриальных стран Европы стали проводить политику по дискредитации России, нарастающего ущемления прав русских. Свернув на путь слепого копирования и подбострастного поклонения Западу, правящий режимы Украины стал формировать атмосферу презрительного отношения ко всему русскому, ненависти к нашей стране.

В результате прямого вмешательства США во внутренние дела Украины она не только не добилась суверенной государственности, но и полностью перешла под их внешнее управление, что превратило ее в плацдарм для нападения НАТО на Россию. Шовинистическая, русофобская политика режимов Порошенко и Зеленского, погрузившая Украину в пучину братоубийственной гражданской войны, привела к самым уродливым формам строительства национального государства, опирающегося на идеологию нацизма и героизацию украинских преступников фашистского толка.

Проведение специальной военной операции на Украине, вызвало открытую враждебность «коллективного» Запада, которая вылилась в то, что даже его преданные клеветы внутри России, приверженцы либеральных ценностей были им отторгнуты. По своей политической близорукости и идеологической недоразвитости они считали себя либералами, тогда как на Западе давно прошло время либерализма, на его место заступил неолиберализм, или либерал-фашизм, проявление которого многие ожидали с наступлением глобальной цифровизации [2, 126—147], он же, без всяких на то био-технологических причин, явил миру свою нацистскую сущность [8].

Очевидно, в «цивилизованных» европейцах проснулись неизбывная боль и горечь всех их многочисленных поражений от русских «варваров» в те времена, когда они приходили на нашу землю. Но больше всего, видимо, их огорчали итоги Великой Отечественной войны, когда континентальная Европа, объединенная под знаменем евро-немецкого фашизма, была повержена и лежала у ног этих «нецивилизованных» русских. Это невозможно было терпеть бесконечно. И вот, спустя чуть ли не век, это «страдание» пробудило в них такой силы ненависть, что она прорвалась и выплеснулась во всей своей ярости на всех без исключения россиян, включая и тех, кто

ментально принадлежал или искренне симпатизировал их «толерантному» обществу. И Россия, пораженная кошмаром русофобии, которая охватила Европу, опомнилась и уразумела, что надо возвращаться к самой себе, без чего невозможно остаться отечеством и Родиной для наших потомков.

В таких условиях всякого рода рассуждения о нейтральном статусе Украины (как, например, Швеции или Австрии) недопустимы, так как последние, будучи нейтральными, полностью интегрированы во враждебную нам западную систему, тем более что Швеция активно сотрудничает с НАТО. В результате завершения специальной военной операции на Украине должен начаться процесс полной денацификации Украины под нашим непосредственным контролем, превращения ее в дружественную нам страну в выгодном для нас формате (возможно, без Западной Украины) и последующим включением ее в единое евразийское экономическое пространство. С точки зрения евразийской интеграции присутствие среди членов Союза Украины стало бы важной предпосылкой как для дальнейшего ее развития, так и для реализации масштабных совместных проектов в интересах всех его членов. По оценкам ученых РАН и НАНУ, выпадение в 2003 г. Украины из единого евразийского экономического пространства привело к потере около трети совокупного экономического потенциала ЕАЭС, к тому же оказавшегося в тисках инерционного сценария развития.

Договоренности и соглашения с представителями правящего режима недопустимы, так как в любой благоприятный для них момент они либо откажутся от них, либо начнут интерпретировать их в искаженном и ложном свете и получат консолидированную поддержку «цивилизованного» мира. Мы не должны оставлять нашим детям и внукам враждебную Украину, отсутствие гарантии национальной безопасности для русскоязычного населения. Те жертвы, которые сейчас приносят и наши воины, и наш народ на алтарь отечества, должны быть освящены знаменем окончательной победы.

В то же время, исходя из складывающейся ситуации на Украине под воздействием проводимой Россией специальной военной операции, нам представляется целесообразным раз и навсегда решить русский вопрос на Украине, т. е. включить всю Новороссию в Российскую Федерацию, чтобы все приазовские и причерноморские

пространства вернулись в состав Российской Федерации. Только так может быть восстановлена справедливость, без всяких там референдумов в угоду «цивилизованному миру» (какова их цена, показал Крым), без каких бы то ни было международных гарантий, которые, о чем свидетельствует предшествующий украинский опыт, имеют нулевую ценность.

Никого не надо слушать, никого ни о чем не надо просить, тем более ни перед кем не надо оправдываться и кому-то что-то доказывать — мы хорошо знаем свою историю, со всеми ее зигзагами. А поэтому надо будет просто начинать упорно работать над выпрямлением линии истории государства Российского, работать с населением, сознание и ум которого в течение тридцати лет «самостийной» Украины подвергались жесточайшей шовинистической, а в последние восемь лет нацистской пропаганде русофобской направленности. И процесс возвращения русских к их национальным истокам надо начинать в детских садах и школе с истории своего края, со скифского государства, Тмутараканского княжества, Киевской Руси с ее Херсонесом, создания Новороссии на великих причерноморских просторах и ее обустройства великими самодержцами Российской империи и руководителями Советского Союза.

Такой шаг для России позволяет, во-первых, ровно через век вернуть ушедшие русские земли в единое российское пространство — нашим детям и нашим внукам не надо будет больше задумываться о положении русских на Украине. Во-вторых, украинцам не надо будет тратить средства и усилия для того, чтобы русские забыли, что они русские. В-третьих, это раз и навсегда решит для России региональную составляющую геополитической проблемы черноморского пространства: ни одно иностранное гражданское или военное судно без нашего на то разрешения не сможет приблизиться к нашим границам ближе территориальных вод Румынии. В-четвертых, это окончательно похоронит мечты и претензии ляхов на великую Польшу «от моря до моря». В-пятых, Россия выйдет на границу с Приднестровской Республикой, русское и русскоговорящее население которой наконец-то свободно вздохнет и забудет об угрозах, истекающих от недружественных государств-соседей.

Российский аспект

Консолидированное выступление стран Запада против России, осуществляющей специальную военную операцию на Украине, нашло свое проявление в невиданных по своим масштабам финансово-экономических, научно-технических и гуманитарных санкциях, которые США удалось навязать странам континентальной Европы, а стоит отметить, что все бремя ответственности и последствий от них в очередной раз ложится на эти страны. При этом, опасаясь вступить в прямой военный конфликт с Россией, США подталкивают европейских партнеров к созданию различного рода группировок, были бы склонны в той или иной форме к участию в конфликте, что чревато непредсказуемыми последствиями и для этих стран, и для Европы в целом, и для США.

В то же время прошедшие два месяца под санкциями уже позволяют говорить о том, что подавляющая часть надежд, возлагаемых на них авторами, не оправдались, более того, европейские страны сами оказались в ловушке. И всякого рода бодрые, непреклонные заявления продолжать политику санкций с течением времени все больше и больше будут сталкиваться с фактами нарастания финансово-экономической катастрофы, что в свою очередь означает угрозу их национальной безопасности, порожденную собственным недомыслием, слепым следованием внешней политике США. Поэтому и можно сказать, что Европа подошла к перепутью разнонаправленных тенденций развития внутривнутриполитических процессов внутри стран, от национального обособления до консолидации в направлении формирования европейского центра силы. Но совершенно очевидно, что она стоит на пороге серьезной политико-экономической пертурбации, которая для России, скорее всего, окажется положительной.

Что касается политики президента РФ В.В. Путина в отношениях со странами Европы, то ее следует признать выверенной и правильной. Нам нет смысла становиться в позу обиженного и проводить встречные жесткие санкции, несмотря на имеющийся их потенциал. Не надо копировать европейских «самострелов», пусть забавляются лишениями и страданиями, порожденными то ли собственной глупостью, то ли утратой здравого рассудка. Эта политика, во-первых, позволяет нам получать столь необходимые для нас финан-

совые ресурсы как для латания возникших «прорех», так и для развития новых производств и социальной поддержки малообеспеченных слоев населения. Во-вторых, мы своей сдержанностью не позволяем переложить на свои плечи ответственность за их экономическую политику, противоречащую их национальным интересам. В-третьих, нам необходимо время для переориентации наших внешнеэкономических связей и прежде всего экспорта. В-четвертых, Россия тем самым в очередной раз демонстрирует всему мировому сообществу, что международные экономические отношения должны быть по минимуму политизированными.

Будем надеяться, что следованию Банка России и финансово-экономического блока в правительстве политике Вашингтонского консенсуса и рекомендациям МВФ, ВБ, ВТО, которые «де-факто превратились в прислужников министерства финансов США» [7, 238], пришел конец. Хотелось бы, чтобы наша страна никогда больше не возвращалась к положению, когда имели место беспрепятственное трансграничное движение капитала, привязка эмиссии национальной валюты к приросту валютных резервов, приватизация природных ресурсов без ограничений для иностранного капитала, отказ от государственного регулирования цен и планирования, предоставление внутреннего рынка в распоряжение глобальных монополий, ориентация на обеспечение рыночного равновесия, сравнительных конкурентных преимуществ, текущей экономической рациональности. Все это вместе взятое вело к проигрышу в геоэкономическом соревновании с другими державами и отвечало интересам выгодоприобретателей, находившихся прежде всего вне российской юрисдикции [4]. Согласно оценке академика С.Ю. Глазьева, следование этим постулатам ежегодно приносило нашей экономике потери в размере более чем 100 млрд дол. [3].

Несмотря на официальные и публичные предупреждения представителей научных сообществ и экспертов об угрозе такого курса для национальной безопасности России, все отменялось как противоречащее всемирному процессу «глобализации» [6]. Вместо проведения сбалансированной внешнеторговой политики, сочетающей в себе механизмы протекционизма и либерализма в интересах роста национального богатства и сбережения национального труда, осуществлялась политика открытых дверей. Реальность, с которой

сейчас столкнулась страна, указывает на то, что модель развития, выстраиваемая руководством ЦБ и финансово-экономическим блоком правительства, вступила в непримиримое противоречие с национальными интересами России, а используемые принципы функционирования экономики оказались несовместимы с решением задач, стоящих перед страной.

В этой ситуации центральным звеном в цепи множества составляющих курса развития России, за которое необходимо ухватиться, чтобы выправить ее движение на путь успеха, являются кадры. Поэтому нам необходимо вернуться к положению «кадры решают все», тем более что мы принуждены кардинально изменить курс развития нашей страны, для реализации которого мы обладаем достаточно подготовленными профессионалами своего дела, специалистами, управленцами, экспертами, не замеченными в склонности к глобальному либерально-монетарному мышлению.

Перед нами стоит задача перейти к принципиально новой мобилизационной модели развития народного хозяйства. А для этого требуется разработать хозяйственный механизм формирования и функционирования самодостаточной экономики, в котором сочтались бы инструменты плана и рынка, директивного и индикативного планирования, государственного и частного предпринимательства в рамках единой системы киберэкономического управления народным хозяйством, призванной осуществить переход от отживающей модели «бизнес-рынка» к модели «регулируемого и управляемого рынка».

В связи с возрастанием значимости общественных благ в жизни общества и государства целесообразно использовать двухсекторную модель процесса общественного воспроизводства, один из секторов которой был бы сосредоточен на производстве общественных благ, другой — на удовлетворении потребностей в частных благах. Первый сектор включает в себя оборону и национальную безопасность, развитие стратегических отраслей общественного производства и социальной сферы с просвещением, образованием, наукой, здравоохранением и культурой, отвечающих за воспроизводство национального человеческого потенциала, а также инфраструктуры страны. Его развитие должно осуществляться на основе директивных планов и государственных инвестиций с участием частного капитала.

Развитие другого сектора, связанного с производством потребительских товаров и услуг, предполагается осуществлять на основе частной инициативы и индикативного планирования процесса общественного производства. Функционирование капитала не может не регламентироваться государством с целью, с одной стороны, недопущения присвоения им сверхприбыли, возникающей в результате тех или иных конъюнктурных изменений или неподобающего поведения его владельца, а с другой, обеспечения условий для присвоения им «нормальной прибыли» за предпринимательский труд (талант).

Если в стратегическом плане необходим переход от экономических подходов к хозяйственным принципам управления социально-экономическом развитием страны, то в тактическом плане необходимо создать максимально благоприятные условия для мелкого и среднего предпринимательства, для проявления любой не запрещенной законом частной инициативы. Может быть, в экстремальных условиях нам наконец удастся пробудить предпринимательский дух в народе, не позволив рэкету придушить его, как это произошло в 1990-е гг. Для этого следует освободить вновь создаваемые предприятия как минимум на три года от нагрузок любого характера, включая налоговое бремя, и одновременно для всех без исключения подобного рода хозяйствующих субъектов предоставить льготное кредитование, а правоохранительным органам защитить от любых посягательств на их деятельность и имущество.

В целом, исходя из того, что труд предпринимателя носит творческий характер, в котором нуждается хозяйство, необходимо создать условия для проявления «предпринимательской жилки» у тех, кому она свойственна. Это требует формирования здоровой предпринимательской этики, соответствующей и интересам общества, и должному вознаграждению предпринимателя. К тому же нельзя недооценивать созидательно-социальную значимость капитала, связанную с инвестициями, которые работают не только на самовозрастание капитала, но и на рост занятости и доходов трудящихся, и на повышение благосостояния общества, и на увеличение поступлений в бюджеты всех уровней, что позволяет решать социальные проблемы и реализовывать проекты национального масштаба. Поэтому необходимо полностью исключить обложение налогом той части прибыли предприятий (вне зависимости от форм собственности), которая трансформируется в прямые инвестиции, при

одновременном введении прогрессивной шкалы налога на ту часть прибыли, которая направляется в фонд потребления.

Эти меры тем более актуальны при переходе от традиционного бизнес-рынка к регулируемому рынку, на котором стихия рыночных сил «усмиряется» и направляется в русло социально-экономической эффективности благодаря использованию цифровых технологий и «больших данных». Можно сказать, что хозяйство, включая в себя экономику как всеобщую технико-экономическую составляющую, адаптирует ее к специфической духовно-культурной составляющей конкретного народа, нации. Причем участие частного капитала в хозяйственной деятельности определяется уровнем рентабельности инвестированных средств, тогда как государство придерживается логики реализации государственных и общественных интересов, которая нередко вступает в противоречие с устремлениями частных инвесторов, что требует соответствующего урегулирования отношений государства и бизнеса.

Литература

1. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М.: ОГИЗ; СОЦЭКГИЗ, 1940.
2. Ващекин А.Н., Дзедзинский А.В. Проблемы правового регулирования отношений в цифровом пространстве // Правосудие. 2020. Т. 2. № 2. С. 126—147.
3. Глазьев Ю.С. Экономика русской Победы // Завтра. 2022. № 10. С. 6: URL: <https://zavtra.ru/archive/2022/3/1470> (дата обращения: 19.03.2022).
4. Иохин В.Я., Ващекина И.В. Россия в геополитическом пространстве // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 95—108.
5. Смолин М.Б. Русский путь в будущее. М.: ФондИВ, 2007.
6. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.
7. Хаттон У. Мир, в котором мы живем. М.: Ладомир, 2004.
8. Четверикова О.Н. Диктатура «просвещенных»: Дух и цели трансгуманизма. М.: Благословение, 2015.
9. Bzezinski Z. The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives N. Y.: Basic books, 1990.

References

1. Bismark O. Mysli i vospominaniya. M.: OGIZ; SOCEKGIZ, 1940.
2. Vashchekin A.N., Dzedzinskij A.V. Problemy pravovogo regulirovaniya otnoshenij v cifrovom prostranstve // Pravosudie. 2020. T. 2. № 2. S. 126—147.
3. Glaz'ev YU.S. Ekonomika russkoj Pobedy // Zavtra. 2022. № 10. S. 6: URL: <https://zavtra.ru/archive/2022/3/1470> (data obrashcheniya: 19.03.2022).
4. Iohin V.YA., Vashchekina I.V. Rossiya v geopoliticheskom prostranstve // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 4. S. 95—108.
5. Smolin M.B. Russkij put' v budushchee. M.: FondIV, 2007.
6. Stiglic Dzh. Globalizaciya: trevozhnye tendencii. M.: Mysl', 2003.
7. Hatton U. Mir, v kotorom my zhivem. M.: Ladomir, 2004.
8. CHetverikova O.N. Diktatura «prosveshchennyh»: Duh i celi transgumanizma. M.: Blagoslovenie, 2015.

Р.Е. СОКОЛОВ

Философия хозяйства либерального крыла германского протестантизма и появление культурного национализма*

Аннотация. В статье речь идет о либеральных социальных идеях, распространявшихся в Германии в конце XIX — начале XX в., и об их проводниках в лице Фридриха Науманна и Адольфа фон Гарнака. Если Науманн в начале своего пути принадлежал консервативному кругу Адольфа Штокера и со временем дистанцировался от него в либеральном направлении, то фон Гарнак изначально находился в определенной оппозиции к Штокеру, возглавляя Евангелическо-социальный конгресс (ЕСК) с 1902 по 1912 г. Именно ЕСК стал

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Соколов Р.Е. Философия хозяйства либерального крыла германского протестантизма и появление культурного национализма // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 87—100.

публичным форумом для обсуждения социальных проблем и путей их решений. Также в статье анализируется зарождение немецкого национализма.

Ключевые слова: Адольф фон Гарнак, Фридрих Науманн, немецкий либеральный протестантизм, социальный вопрос, социальное государство.

Abstract. The article will focus on liberal social ideas that spread in Germany in the late XIX-th and early XX-th century, as well as on their guides in the person of Friedrich Naumann and Adolf von Harnack. If Naumann in the beginning of his career belonged to the conservative circle of Adolf Stoecker and took distance with time into the liberal direction, von Harnack was initially in a certain opposition to Stoecker, heading the Evangelical Social Congress (ESC) from 1902 till 1912. It was the ESC, which became a public forum for discussing social problems and ways to solve them. The article also analyzes the origin of German nationalism.

Keywords: Adolf von Harnack, Friedrich Naumann, German liberal Protestantism, social question, social state.

УДК 21
ББК 65в

Фаза индустриального подъема, продлившаяся до 1873 г., которая последовала за разделением либеральной и социальной демократии между 1863 и 1869 г., привела к появлению своего быстро растущего социального слоя. Возможность снова связать отделившиеся друг от друга различные политические движения и партии либеральной и социальной демократии стала тем вопросом, над которым Науманн работал на протяжении всей своей жизни².

Фридрих Науманн: от консерватизма к либерализму

Рожденный в доме протестантского пастора, он был вовлечен в социальную работу с самого начала своей карьеры. Это привело его изначально в «Rauhe Haus» — учреждение по подготовке диаконов из

² Данной статьей автор продолжает серию публикаций, посвященных феномену Евангелическо-социального конгресса (ЕСК) как публичной платформы для обсуждения социального или рабочего вопроса [1, 85—96].

беспризорников, управляемое сыном его основателя Иоаганна Хинриха Вихерна. Затем последовало пасторское социальное служение в Эрцгебирге. В конце своей профессиональной деятельности Науманн стал пастором во «Внутренней миссии» во Франкфурте-на-Майне. На этом политическом пути он присоединился к социальному движению Адольфа Штокера, чьи лекции он слушал студентом в Лейпциге. Разговоры с Теодором Нойсом — будущим председателем «Свободной демократической партии» и президентом Германии — заставили Науманна взглянуть на Евангелие глазами обремененных и утомленных. Он пришел к выводу, что «грешники» и собиратели налогов, к которым приходил Христос, в то время тоже назывались социальными демократами. Церковь Христова в свою очередь отворачивалась от них, бросая им лишь упреки и обвинения. Наиболее читаемой публикацией молодого Науманна была «Иисус как человек из народа». Она была написана для «Геттингенской рабочей библиотеки», основанной им в издательском доме «Vandenhoeck und Ruprecht». Книга была переиздана четыре раза [4, 10—14; 5, 23].

Науманн изначально занимал позицию последователей христианского консерватизма, собравшихся вокруг Штокера и надевавшихся заручиться политической поддержкой пролетариата без каких-либо изменений социальной структуры общества. В середине 1890-х гг. Науманн отошел от строгого консерватизма и негибких правил протестантской церкви, которые он часто критиковал, после чего Штокер перестал воспринимать его социально-политические предложения. Науманн не предпринимал атак на существовавшие правоотношения собственности, однако критиковал буржуазные права собственности, которые в менявшихся условиях того времени вели к усилению эксплуатации работника и к потере их морального оправдания. Он выступил против христианского патернализма, когда Вильгельм Второй потерял интерес к социально-политическому курсу после первых попыток внедрения обширной социальной политики, а Бисмарк ушел в отставку. Науманн стимулировал буржуазию к сотрудничеству с социал-демократами в то время, когда понятие «социальный» воспринималось еще негативно. Основывая «Национально-социальное общество» («National-sozialer Verein» / NSV) в 1896 г., он старался придать новое позитивное значение термину «социальный»,

проводя различие между «социальным» и «социалистическим». Новое национальное социальное движение планировалось как партия рабочих. Так, перед принятием программы NSV в том же году газета «Помощь» («Die Hilfe»), основанная Науманном при финансовой поддержке Адольфа Гарнака, объявила войну произволу крупного капитала во время забастовки портовых рабочих в Гамбурге [4, 14—15; 8, 220].

При этом Науманн намеривался не столько создать партию на стороне рабочих, сколько примирить социал-демократию и буржуазию. Между 1895 и 1905 г. он разработал социально-политическую программу-минимум, которой разочаровал многих леволиберальных друзей партии, приближенных к промышленности. Со своими единомышленниками Науманн содействовал политике социальной поддержки обеспечивающего государства, которую проводил Бисмарк на основе патриархального консерватизма, конфликтуя с либералами с 1881 г. Данная политика предусматривала страхование рабочих от несчастных случаев, по старости, нетрудоспособности и болезни. Таким образом, Науманн принимал идею государственного вмешательства, которая в Германии развивалась на социально-консервативном основании, начиная со времени Бисмарка. Одновременно Науманн искал возможность замены бюрократического государственного интервенционизма тарифным партнерством, о котором тогда шли оживленные дискуссии. Он выступал за свободу ассоциаций и коалиций рабочих, ставивших цель расширения права на обсуждение условий труда и заключение коллективных договоров, что называлось «парламентаризмом на предприятии» [4, 15—16; 6, 313].

Науманн был в оппозиции к буржуазной риторике относительно классовой структуры общества и легитимации классовых интересов. Наравне с правом работников на создание коалиций он выступал за равноправие работников и работодателей в установлении тарифных соглашений, а социал-демократам предлагал оставить марксистскую политическую практику и идеологию. Науманн постоянно требовал от Социальной партии Германии (SPD) использовать ее энергию в направлении социальных реформ посредством совместных действий леволиберальной буржуазии и социал-демократических союзов рабочих в первую очередь на уровне земель. Реализовать

это можно было вплоть до 1916 г. только в некоторых южных германских землях [4, 17].

Несмотря на то, что его программа включала острую критику либерализма в целом, Науманн переоценивал как количество голосующих за либерализм, так и свою силу для отвлечения аграрного среднего класса от их приверженности к консервативной политике. Здесь будет уместно вспомнить экономические реалии того времени, а именно то, что количество занятых в аграрном секторе, включая лесное хозяйство, существенно превосходило количество работников других отраслей экономики. А фермеры были консерваторами. Науманн считал, что ремесленники и мелкие торговцы находились несколько левее середины политического спектра, и что они не последовали бы протекционистскому консерватизму. Он слишком оптимистично делал ставку на реформистские круги социал-демократии, которые на уровне рейха вплоть до 1914 г. не могли пробиться через ортодоксию Бебеля. Вместе с тем переход из стана консервативных христианских социалистов к левым либералам был для Науманна непростым делом. Одним из важных шагов в этом направлении было основание NSV, которое просуществовало с 1896 по 1903 г. Название его общества отсылает нас к следующему важному пункту политической программы Науманна: «национальному», а вместе с этим и к его идеям национализма [4, 17—18].

Для германской буржуазии в 1890-х гг. быть национально ориентированным означало быть империалистом и поддерживать активное вступление Германии в мировую политику. Около 1905 г. Науманн предполагал, что к 1925 г. в стране будет жить, возможно, 80 млн человек. Тогда Германии понадобятся тропические страны, чтобы выращивать в них для жителей Германии южные фрукты, кофе, рис и хлопок. Также за пределами страны были бы нужны степи для получения шерсти и кожи. Для германской нации это стало жизненно важным вопросом, поскольку быстрое увеличение количества товаров рассматривалось как единственное условие прогресса. Следует обратить внимание на тот факт, что Науманн выступал за нерушимость границ между европейскими странами. То есть государства, за счет которых, с его точки зрения, должна была жить Германия, не должны были находиться вдоль ее границ [4, 18—19].

Поддержка германской мировой политики, начиная с 1895 г., означала одновременное одобрение политики Вильгельма Второго вместе с его государственным секретарем адмиралом Тирпитцем, включая строительство германского военно-морского флота (ВМФ). На переломе столетий, стремясь к статусу великого суверенного государства, невозможно было проводить пассивную внешнюю политику. Создание германского ВМФ было необходимой мерой, поскольку предполагалось, что в случае возможной войны побережье страны должно быть защищено от сильных флотов России, Франции и Англии. Защита экономических интересов Германии за границей, в крайнем случае, военными кораблями, считалась тогда вполне нормальной. Критичным стал 1897 г., когда Тирпитц после нескольких иностранных компаний решил построить атакующий флот, что было совершенно не нужно для изначально поставленной цели по вхождению в мировую политику. Однако это стало необходимым вследствие укрепления военно-морских сил крупных империалистических держав того времени в лице Великобритании, Франции, России и в некоторой степени США. Стало совершенно ясно, что активное участие в мировой политике без сильного флота невозможно. Ведь в отличие от указанных четырех супердержав Германии надо было добиваться мирового признания, да и буржуазно-промышленное общество периода позднего имперского рейха было воодушевлено большим экономическим бумом и желало подняться до их уровня. Со все увеличивающимся количеством атакующих кораблей и ускорением темпов их строительства, германская мировая политика демонстрировала растущую антибританскую направленность, к которой не преминул присоединиться и Науманн [4, 19—20].

Науманн поддерживал этот курс, поскольку, с одной стороны, это был вполне нормальный современный общественный тренд. С другой стороны, казалось, что империализм предоставлял возможность для интеграции рабочих в общество, в нацию, равно как и для преодоления враждебной позиции по отношению к государству со стороны SPD. Энергичная милитаристская национальная политика казалась Науманну и его товарищам подходящим способом для объединения интересов буржуазии и пролетариата, а также преодоления революционного марксизма ради совместного построения гармонич-

ного индустриального общества. Хардтвиг делал вывод, что национализм Науманна содержал элементы секуляризированной протестантской религиозности: нация могла в более совершенной форме адаптировать некоторые вещи, которые были характерны в первую очередь для религии и церкви. Речь шла о самоотречении от всех вещей без какого-либо идеологического импульса или целей, о создании взаимоотношений на базе жизни коммуны, о чувстве изначального равенства всех людей уже не перед Богом, а перед нацией и, в конце концов, о реализации взаимной поддержки и солидарности [4, 20; 7, 226].

Идеи Науманна нашли применение не только в германском государстве, но и в Центральной Европе, впитав в себя определенное социал-дарвинистское наследие. Динамика демографического и экономического развития убедила Науманна в необходимости проведения империалистической политики. В конце XIX в. в русле этой политики он требовал глобальной исторической коалиции против Англии, которая, в конце концов, должна была привести к неизбежной мировой войне с Великобританией в 1899 г. Науманн надеялся, что Германия в долгосрочной перспективе заключит мир с Францией, которая нуждалась в реванше. Кроме того, в России он видел принципиального партнера и уже около 1900 г. предложил объединить силы германского и австрийского, габсбургского рейха. В 1914 г. многое изменилось. Если в первые недели войны Науманн разделял эйфорическую уверенность в победе, то в январе 1915 г. уже предсказывал поражение Германии. Свою идею великой Германии он развил в работе «Центральная Европа» от октября 1915 г., которая была начата еще до войны и имела большое влияние [4, 20—21; 9, 375].

Во время войны книга стала привлекательной для немецких и австрийских читателей, благодаря трем основным моментам. Во-первых, утверждалось, что будущая Европа будет разделена на три части двумя оборонительными валами, идущими с севера на юг, причем один из них протянется от нижнего Рейна до Альп, а другой — от Курляндии до западной или восточной границы Румынии. Германии пришлось бы готовиться к войне на два фронта, так как, с одной стороны, надежда на примирение с Францией была потеряна на фоне борьбы за пересмотр восточной немецкой границы, отмеченной в Версале, а, с другой стороны, война осложнила отношения с Россией.

Во-вторых, оборонительный союз Германии и Габсбургов должен был перерасти в экономический. Давление войны и господствовавшая тенденция к превращению частного капитализма в государственный социализм объединили немцев, австрийцев и венгров в единый «экономический народ», подготавливая таким образом форму будущего экономического сотрудничества. В-третьих, в заключение Науманн предложил государственное слияние, по крайней мере, Германского рейха и Австро-Венгрии, добавив Болгарию позже во время войны. Он хотел, чтобы существующие государства сохранились и могли самостоятельно решать внутренние вопросы, такие как религия и национальная политика, но они должны были находиться под управлением правительства «Серединной Европы», отвечающего за экономику и вооруженные силы. Конечно, Германия должна была играть ведущую роль в этом государственном строительстве, однако Науманн одобрял наличие «малых народов», что означало право государств-членов на самоопределение, границы которого он точно не определил. Под давлением ухудшающейся военной ситуации его язык стал мягче, особенно в свете польских притязаний на восстановление собственного государства. Хотя, в конце концов, у Науманна преобладала идея, что Германия будет иметь косвенное политическое господство над Польшей из-за, как он считал, культурного превосходства первой над второй [4, 21—22; 9, 385].

Эта книга широко обсуждалась в Габсбургском и Имперском рейхе, и Науманн заслужил большую похвалу со стороны буржуазно-либеральных германских австрийцев. Его идея Серединной Европы была защитной реакцией против империализма Востока и Запада, как он упоминал в 1923 г. Хардтвиг назвал такой подход слишком дружеской формулировкой. Дело в том, что в начале войны ни правительство рейха, ни политические, экономические или научные элиты, ни большинство немецкого электората не могли мыслить оборонительными категориями. Тем не менее, во время войны Науманн держался на расстоянии от напряженных военных дебатов и мечтаний об аннексии [4, 22; 5, 22].

Что касается его националистических идей, то здесь следует провести разделение между двумя концепциями: «национал(ьно)-социальной» и «национал(ьно)-социалистической». Первая означала

культурный национализм, проповедуемый Науманном, вторая — этнический национализм, который позже Адольф Гитлер развил в своей идее великой Германии. «Национал(ьно)-социальным» Науманн назвал концепцию, которая для него и его коллег, таких как Макс Вебер, была необходима, но не мыслима без империалистической мировой политики. Он отмежевывался от этнического национализма в отличие от большинства своих коллег, однако проблема заключалась в том, что не всегда можно было провести различие между этническим и культурным национализмом. Уже в Имперском рейхе Науманн серьезно критиковал нетерпимость к эльзасскому и датскому меньшинствам. Не все левые либералы были в этом вопросе столь же последовательны [4, 26—27].

Развивая идею немецкого национального государства, Науманн выступал за усиление влияния парламента. Эта мысль вряд ли могла найти общественную поддержку после сильного резонанса на его книгу. Реформирование парламента рейха не было главной целью Науманна ни в начале его деятельности, ни перед войной. Напротив, могло показаться, что он думает об укреплении позиций кайзера. Принимая всерьез раннюю симпатию Вильгельма II к политике социальных реформ, Науманн полагал, что нашел в социальном «кайзерстве» цементирующую силу для национальной интеграции общества. В его программе «Кайзерство и демократия», опубликованной в 1900 г., «кайзерство» означало единение всех немцев на демократической основе всеобщего и равного права мужчин на голосование в рейхстаге для мобилизации национальных ресурсов. Это, по-видимому, было предложено в фарватере империалистической политики, и германский империализм должен был служить на благо модернизации экономики, культуры и общества в имперском рейхе. Однако, когда NSV Науманна потерпело неудачу на выборах в рейхстаг в 1903 г., он полностью перешел к левому либерализму частично вопреки мнению своих коллег и присоединился к «Объединение свободомыслия» («Freisinnige Vereinigung»), посвятив значительную часть своих сил включению в одну партию трех леволиберальных групп в рейхстаге, представленных «Народной партией свободомыслия» («Freisinnige Volkspartei»), «Объединением свободомыслия» («Freisinnige Vereinigung») и «Немецкой народной партией» («Deutsche Volkspartei»). Их слияние в «Прогрессивную народную

партию» («Fortschrittliche Volkspartei») произошло в 1910 г. Эта объединенная партия, настаивающая на эволюционном, а не революционном пути развития страны, преследовала такие цели, как парламентская форма правления, ликвидация прусского трехклассового избирательного права, отделение церкви от государства и равенство всех граждан мужского пола. Науманн также требовал гражданского равенства женщин, но не преуспел в этом деле. Кроме того, в партии были сильны либеральные тенденции, и она в первую очередь представляла интересы экспортной промышленности, торговли, банкиров и коммерческих предприятий. Важными ориентирами для партии были укрепление всеобщего благосостояния и улучшение национального образования. В итоге манчестерский либерализм сменился определенной социальной ориентацией [2, 382; 4, 23—24].

Получив мандат рейхстага в 1907 г., Науманн в последние двенадцать лет своей жизни стал одним из ведущих парламентариев рейха, борющихся за постепенное расширение полномочий парламента и полагающих, что более сильное распространение парламентаризма, в конце концов, пойдет на пользу монархии. Под его руководством левые либералы выступили с совместным обращением рейхстага к кайзеру об ответственности рейхсканцлера перед национальными представителями. А именно, в пункте 15 имперской конституции, в котором говорилось о назначении рейхсканцлера кайзером, они предложили добавить фразу «по предложению рейхстага». Это представляло собой огромный шаг к парламентской монархии [4, 24—25].

Попытка Науманна объединить политически партии национального социализма, социализма, либерализма и его NSV под знаком «немецкой мировой политики» провалилась. Харизма Науманна привлекала политически ангажированную и социально ориентированную образованную буржуазию, молодых и старых профессоров исторической экономической школы, а в первую очередь политически активных протестантских пасторов. Но ему не удалось охватить широкие слои электората из-за усиления фрагментации и дезинтеграции общественно-политических интересов. На политическом фронте той эпохи, представленном старыми кайзеровскими элитами, левыми и национально ориентированными либералами, центром и социал-демократами, Науманн интеллектуально и политически стоял между

ними, оставаясь переговорщиком между фронтами. Он никогда не действовал догматично. Важным моментом был его личный контакт с ведущими учеными XX в.: социологом Максом Вебером, экономистом Луйо Брентано, историком права Рудольфом Зомом, а также с теологом и генеральным секретарем ЕСК Паулем Гере. Вебер, Зом и Гере были членами NSV. Со своей газетой «Die Hilfe» Науманн создал качественный высококлассный дискуссионный форум в леволиберальных кругах [4, 23—28].

Адольф фон Гарнак

Положения ЕСК от 1891 г. в значительной степени отвечали требованиям Гарнака, которые наряду с унификацией эмпирического научного анализа экономической жизни включали критико-нормативную оценку этой жизни в свете религиозных и моральных требований Евангелия. Научная и этико-религиозная ориентация Гарнака мешала ему сотрудничать со Штокером и позволить Конгрессу присоединиться к «Обществу социальной политики» («Verein fuer Sozialpolitik»), которое было создано в 1872 г. как светский ответ на социальный вопрос ведущими экономистами, включая фон Шмоллера, Брентано и Вагнера. Они искали срединный путь между политикой социалистов и экономикой «laissez faire». Гарнак поддерживал тесные контакты с такими важными представителями городского женского движения, как Гертруда Баумер и Мари Мартин, а также с Элис Соломон и Марианной Вебер, которые выступили с докладами на форуме ЕСК в 1907 г. Кроме того, он был знаком с Лидией Штокер из «Немецкого общества за предоставление женщинам права голосования» («Deutscher Verein fuer Frauenstimmrecht»). Она выступила на Конгрессе с дружеской приветственной речью в 1906 г. У Гарнака были тесные контакты с земельным реформатором Адольфом Дамашке и живой интерес к ЕСК, так что он оставался на посту его председателя и после 1905 г., несмотря на то, что был перегружен подготовкой совещаний, которые занимали все его время [8, 199—200, 224, 340—342].

Гарнак написал комментарий к «Имперскому страховому уложению» («Reichsversicherungsordnung» / RVO), принятому в 1911 г., первый проект которого вернулся к рейхсканцлеру фон Бюлову. В 1909 г. Гарнак приветствовал первый проект RVO, восприняв его в

следующем году как победу буржуазных социальных реформаторов. RVO превратилось в совокупность различных отраслей социального страхования: здравоохранение, пенсионное обеспечение и страхование от несчастных случаев были объединены в один свод законов. Кроме того, обязательное страхование было распространено на работников сельского и лесного хозяйства, а также на трудящихся-мигрантов. Это было важным шагом для буржуазных социальных реформаторов, но в целом оставалось все еще ниже уровня их ожиданий. В 1911 г. Гарнак подверг критике некоторые ограничения RVO, в частности ограничение страхования для рожениц по сравнению с аналогичным социальным законодательством того времени в Англии. Для консерваторов RVO ограничивал конкурентоспособность немецкой экономики из-за более высоких затрат на страхование, а немецкая пресса была разочарована тем фактом, что Гарнак в целом принял RVO [8, 348—349].

Кайзера Гарнак не критиковал. Наоборот, он высоко ценил то, что кайзер делал для народа и государства. Гарнак решительно выступал за продолжение государственной социальной политики вплоть до начала Первой мировой войны. При этом он не объединял понятия «протестантизм» и «нация». Восхваляя в католицизме его универсализм как преимущество по сравнению с мыслящим односторонними категориями патриотизмом, Гарнак предостерегал о слишком сильной национализации протестантизма. В его глазах именно «антинациональный» протестантизм и никакая другая форма христианства стояли за духом просвещения Нового времени. Протестантизм нельзя было отождествлять с определенной культурой — ни с греческой, ни с римской. В своей открытости и отсутствии привязки к определенным государственным границам протестантизм отражал современность, которая характеризовалась множественными изменениями и различиями в обществе, состоящем, в том числе из рабочих [8, 349, 360].

Вопросы внешней политики вызвали четкую реакцию Гарнака только с началом кампании аннексии во время боснийского кризиса 1908 г. и позже в 1909 г., когда Германия столкнулась с изоляцией перед Великобританией, Россией и Францией. До этого времени германская внешняя политика играла для него лишь второстепенную

роль. Практически ничего не известно о позиции Гарнака по отношению к внешней политике с 1870-х гг. Лишь в середине 1880-х гг. он проявил себя как приверженец союзнической политики Бисмарка. Зато Гарнак целиком принимал российскую внешнюю политику того времени. Несмотря на массированную политику русификации на своей родине, он никогда не поддерживал каких-либо заметных анти-российских настроений. Даже после падения проавстрийского болгарского князя Александра фон Баттенберга в 1885 г., инициированного Россией, Гарнак защищал право России на этот шаг перед своим братом Отто, который боялся российской гегемонии на континенте. Спустя несколько лет после отставки Бисмарка, Гарнак продолжал поддерживать «Проект войскового законодательства» («Heeresvorlage»), разработанный при рейхсканцлере фон Каприви и получивший статус закона в 1893 г. Это был свод законов, направленных на реформу армии, включая сокращение срока обязательной военной службы с трех до двух лет и увеличение миротворческого контингента. Гарнак по сути прямо одобрил переход Германии к мировой политике и строительству флота через свое членство в «Свободном объединении докладчиков по проблемам флота» («Freie Vereinigung fuer Flottenvortraege») без какого-либо дальнейшего участия [3, 9; 8, 362].

Пример Гарнака показывает, что разделение, которое было принято генсеком ЕСК Паулем Гере с его двумя концептуальными категориями в рамках ЕСК в виде евангельско-социального и социально-политического направления, было недостаточно точным. Причисление Гарнака к группе специалистов по социальной этике лишь частично оправдало его ожидания, поскольку Гарнак хоть и работал в основном в социально-этическом ключе, но не оставлял без внимания и социально-политические аспекты [8, 211].

Литература

1. Соколов Р.Е. Философия хозяйства консервативного крыла германского протестантизма и появление имперского антисемитизма // Философия хозяйства. 2020. № 1 (127).

2. *Boldt H.* Deutsche Verfassungsgeschichte: Politische Strukturen und ihr Wandel: In 2 Bde., Band 2: Von 1806 bis zur Gegenwart. Muenchen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1990.
3. Die Reden des Grafen von Caprivi. Uebertragung von Fraktur in Antiqua / Hrsg. von Rudolf Arndt. Hamburg: Severus Verlag, 2011.
4. *Hardtwig W.* Friedrich Naumann in der deutschen Geschichte // Jahrbuch zur Liberalismus-Forschung. 2011. 23 Jg.
5. *Heuss Th.* Das war Friedrich Naumann. Berlin: Wien, 1923; Nachdruck Muenchen: Franz Schneider Verlag, 1974.
6. *Naumann F.* Die Leidensgeschichte des deutschen Liberalismus // Naumann, Friedrich. Werke / Prsg. im Auftrag der Friedrich-Naumann-Stiftung von Walter Uhsadel [et al.]: In 6 Bde., Bd. 4: Schriften zum Parteiwesen und zum Mitteleuropaproblem / Bearb. von Thomas Nipperdey und Wolfgang Schieder. Koeln: Westdeutscher Verlag, 1966.
7. *Naumann F.* Der Niedergang des Liberalismus // Naumann, Friedrich. Werke / Hrsg. im Auftrag der Friedrich-Naumann-Stiftung von Walter Uhsadel [et al.]: In 6 Bde., Bd. 4: Schriften zum Parteiwesen und zum Mitteleuropaproblem / Bearb. von Thomas Nipperdey und Wolfgang Schieder. Koeln: Westdeutscher Verlag, 1966.
8. *Nottmeier Ch.* Adolf von Harnack und die deutsche Politik 1890—1930: Eine biographische Studie zum Verhaeltnis von Protestantismus, Wissenschaft und Politik. Tuebingen: Mohr Siebeck, 2004.
9. *Schieder W.* Einleitung zu den Schriften zum „Mitteleuropaproblem“ // Naumann, Friedrich. Werke / Hrsg. im Auftrag der Friedrich-Naumann-Stiftung von Walter Uhsadel [et al.]: In 6 Bde., Bd. 4: Schriften zum Parteiwesen und zum Mitteleuropaproblem / Bearb. von Thomas Nipperdey und Wolfgang Schieder. Koeln: Westdeutscher Verlag, 1966.

References

1. *Sokolov R.E.* Philosophy of Economy in the Conservative Wing of the German Protestantism and Emerging of the Imperial Antisemitism // Philosophy of Economy. 2020. Nr. 1 (127).

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

К.А. ХУБИЕВ, И.М. ТЕНЯКОВ

Российская экономика в системе ограничений и перспектив*

Аннотация. Тридцатилетний юбилей радикальных реформ в России явился поводом для критического исследования сложившейся экономической системы страны и ее экономической динамики. В статье рассматриваются два основных подхода к анализу, оценкам и выводам сложившейся ситуации. Участники реформ 1990-х гг. и их последователи дают положительные оценки полученным результатам, а их позитивные предложения сводятся к продолжению либерализации экономики России. В статье излагается противоположная точка зрения с критикой сложившейся системы, подробным анализом качественных, количественных и социальных результатов и с предложением мер и направлений перестроения экономической модели России.

Ключевые слова: экономическая система, экономическая модель России, экономический рост, экономическое развитие, экономическая роль государства, экономическая политика, реприватизация.

Abstract. The thirtieth anniversary of radical reforms in Russia was the occasion for a critical study of the current economic system of Russia and its economic dynamics. The article discusses two main approaches to the analysis, assessments and conclusions of the current situation. The participants in the reforms of the 1990-s and their followers give positive assessments of the results obtained, and their positive proposals boil down to the continuation of the liberalization of the Russian economy. The article presents an opposing point of view with a critique of the current system, a detailed analysis of the qualitative, quantitative and social results and a proposal of measures and directions for restructuring the economic model of Russia.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Хубиев К.А., Теняков И.М. Российская экономика в системе ограничений и перспектив // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 103—132.

Keywords: economical system, economic model of Russia, economic growth, economic development, economic role of the state, economic policy, reprivatization.

УДК 330
ББК 65

Актуальность исследуемой проблемы

По стечению обстоятельств, часто непрогнозируемых, экономика из способа воспроизводства жизни превращается в фактор национального выживания в пространстве всей цивилизационной оболочки нации. Именно с такого рода рисками Россия встречается последние столетия. И XXI в. ее не пощадил. В такие периоды анализ потенциала развития экономики, как и ограничивающих ее факторов, приобретает особый смысл.

Социально-экономическая динамика России в последнее десятилетие характеризуется противоречивыми трендами. С одной стороны, в РФ в 2011—2012 гг. началась стагнация, которая продолжается уже десятилетие: средние темпы роста ВВП составляют около 1%. С другой — РФ стала одним из самых влиятельных участников мирового пространства, обладая энергоресурсами мировой значимости, сохраняя лидерство в освоении космоса, создании новых вооружений, развитии атомной энергетики и др. Вместе с тем, страна обременена и глубокими внутренними проблемами, связанными с отставанием в области высоких технологий, сохранением высокого уровня социально-экономического неравенства и глубоких межрегиональных диспропорций. С добавлением внешних факторов получается сложная и противоречивая система.

Эти противоречия требуют своего разрешения. Актуальность данной проблемы возрастает в условиях продолжавшегося более двух лет коронакризиса и обострения мирового геополитэкономического соперничества, перерастающего в острые конфликты. Разрешение же этих противоречий, в свою очередь, предполагает обращение к исследованию специфики социально-экономической динамики РФ последнего десятилетия и поиску ответов на вопросы о путях перехода от стагнации к экономическому росту и к социально-экономическому развитию.

Методология исследования

В характеристике ныне сложившейся ситуации научное и экспертное сообщество сходится на том, что существенно изменяется миропорядок (в том числе как объект исследования), что он требует новых научных подходов и методологий. Господство моделей равновесия в период влияния неведомых прежде факторов и сил турбулентности неэффективно.

Решение названных проблем требует системного подхода к исследованию. В свою очередь, системное исследование предполагает оценку сложившейся в России модели социально-экономического развития.

Такое исследование предполагает интегрированное использование багажа не только традиционного категориального аппарата макроэкономики, но и современной эволюционной экономической теории, а также классической политической экономии и институционализма XXI в. А высоким методологическим смыслом междисциплинарного взаимодействия экономических наук является возвращение к причинно-следственным связям на новом уровне. Перспективная цель — разработка новой модели экономического развития. В рамках данной работы мы претендуем только на рассмотрение ее отдельных элементов и контуров их взаимной связи.

В пользу провозглашенного подхода свидетельствуют некоторые знаковые события.

В 2021 г. Нобелевскую премию по экономике присудили канадско-американскому экономисту Дэвиду Карду и исследователям из США Джошуа Ангристу и Гвидо Имбенсу. Ангристу и Имбенсу премия присуждена с формулировкой «за методологический вклад в анализ причинно-следственных связей». Существенность разворота позиции Нобелевского комитета обнаруживается в сравнении с предыдущей премией, которая была присуждена за работы по организации аукционов. Причем, в решении Нобелевского комитета сказано, что исследования в области причинно-следственных связей революционизируют экономическую науку. Политическая экономия, с момента ее зарождения, своей главной задачей считала исследование именно причинно-следственных связей, сущностью которых являются экономические законы. Новым вкладом нобелевских лауреатов можно считать исследование причинно-следственных связей на

эмпирическом уровне. Политэкономика охватывала более обширные исторические и социально-экономические пласты жизни и развития общества. Поэтому достижения новых лауреатов носят скорее комплементарный (дополнительный), нежели революционный характер. Если разворот в сторону причинно-следственных связей в науке носит не временный, а действительно революционный характер для мейнстрима, то экономическую науку могут ожидать основательные изменения, в том числе и в сторону сближения, и даже слияния, основных течений экономической теории. К этому, как нам представляется, ее подталкивает и складывающаяся новая реальность.

Системное качество российской экономики как главный детерминант ее динамики и структуры

Системное качество российской экономики определяется: экономическими факторами, пространственно-географическими особенностями России, спецификой исторической динамики российского социума, наследием СССР, спецификой осуществления трансформации в 1990-х гг. и геополитэкономическими условиями (внешняя среда).

Поясним эти аспекты.

Специфика *пространственных и природно-климатических факторов* крайне редко исследуется учеными, анализирующими макроэкономическую динамику. Между тем, это один из решающих факторов, определяющих специфику объективных ограничений и целей макроэкономического развития. В частности, в данном случае необходимо принимать во внимание (а) протяженность территории РФ (более 9 000 км с запада на восток) и (б) наличие труднодоступных пространств с низкой плотностью населения, имеющих в то же время важное значение для целостного развития. Важно учитывать, что в большинстве случаев проекты технологического, экономического и социокультурного развития Севера, а также Восточной Сибири и Дальнего Востока бывают неэффективны по чисто рыночным критериям, но прогрессивны с точки зрения целостного развития российского социума. Вовлеченность России в глобальное рыночное пространство требует сопоставления затрат и результатов. По инфраструктурным, географическим, климатическим факторам российские компании испытывают дополнительное давление по сравнению с конкурентами. Это обстоятельство должно учитываться в политике

внутреннего ценообразования на исходные ресурсы. Резкое подорожание исходных энергоресурсов в 2021 г. открыло возможность для повышения конкурентоспособности российских предприятий путем политики регулирования цен на внутреннем рынке. Эта и подобные возможности не могут быть реализованы при господстве политики либерализации внешней торговли. Это обстоятельство дополнительно свидетельствует о необходимости системных изменений в российской модели развития.

В традициях экономической теории в исследованиях по экономическому росту и развитию принято учитывать ресурсный подход. Мы тоже кратко его рассмотрим, не абсолютизируя в качестве одного из моментов системный подход к экономическому развитию. При этом отдельно выделим институциональный фактор.

Естественные ресурсы. Валовая ценность разведанных и оцененных на территории России запасов полезных ископаемых составляет примерно 30 трлн дол., что соответствует 130 годовым бюджетам России. Прогнозные запасы золота составляют 150 тыс. т. В стране сосредоточено свыше 10% мировых запасов нефти, 1/3 — газа, 5—6% — угля, около 25% железных руд и др. полезных ископаемых. В последнее время к ресурсным преимуществам относят географическое положение, которое составляет особую ценность в долгосрочном периоде. Разнообразие географических зон позволяет гибко управлять средой обитания в периоды устойчивых климатических изменений: на случай устойчивого долгосрочного потепления имеются северные территории, и наоборот. Наконец, к ресурсным преимуществам следует отнести и запасы пресной воды, неуклонно уменьшающиеся в условиях промышленного развития и урбанизации.

В структуре природного капитала России доминируют нефть (43%) и газ (23%). В целом невозобновляемые ресурсы, включая нефть, природный газ, уголь и минерально-сырьевые запасы, составляют около 75% общего объема природного капитала России.

В исследованиях и оценках природных ресурсов, даже специализированными учреждениями, традиционно преобладает количественный подход к их оценке и использованию. Опираясь на накопленные знания, следует разработать специальную программу *превращения ресурсных преимуществ в конкурентные преимущества*

России на мировом уровне. Не предметом подражания, но опытом для ориентации может служить Норвегия.

Человеческий ресурс (потенциал). Индекс человеческого развития России в 2020 г. составил 0,824. Страна занимает 50-е место среди 189 государств мира и остается в группе стран с очень высоким уровнем *человеческого развития*.

Капитальный ресурс. Структура совокупного богатства России, по данным за 2017 г. в оценке Всемирного банка, выглядит так:

- человеческий капитал — 46%;
- произведенный капитал — 33%;
- природный капитал — 20% (из них 15% — невозобновляемые источники, 5% — возобновляемые).

Почти половину всего совокупного богатства России составляет человеческий капитал — 46%. Это относительно высокий показатель для сырьевой державы, но это значительно меньше среднего показателя развитых стран в 70%.

Итак, Россия благополучна и конкурентоспособна по двум ресурсным показателям — сырьевому и человеческому капиталам; неблагоприятна и неконкурентоспособна по двум другим — капитальному и институциональному. Подводя итог краткому анализу ресурсного фактора, следует обратить внимание на понятие «ресурсное проклятие» (нередко оно трактуется буквально). Между тем, это уникальное преимущество страны, которое проявилось в прошлом веке, в годы Великой Отечественной войны. И теперь, как выясняется, ресурсы составляют фундамент благополучия значительной части стран даже с развитой экономикой, что проявилось незамедлительно, как только эта, самая развитая часть, проявила вероломное высокомерие к стране-обладателю тех самых ресурсов. Взгляд на историческое прошлое невольно порождает вопрос: не ресурсное ли обилие и многообразие привлекают внимание, желание ими завладеть? Из столетия в столетие не прекращаются такого рода попытки.

Предпринятый выше подход требует обратить внимание на институциональный ресурс. Его не принято рассматривать как особый ресурс, хотя существенное влияние качества институтов и институциональных изменений на экономическое развитие очевидно. О качестве этого специфического ресурса красноречиво свидетельствуют

практические результаты. Приступая к его рассмотрению, мы плавно приходим к факторам торможения российской экономики.

Институциональные преобразования в России в период 1990-х гг. имели своим результатом беспрецедентно катастрофические последствия. По спаду производства Россия превзошла Великую депрессию, ему еще не придумано достойное определение. В реальном выражении ВВП к 1998 г. составил, по разным оценкам, от 42 до 50% от уровня 1990 г., инвестиции сократились на 80%, население сократилось более чем на 10 млн чел. Это не результат стихийных бедствий, а результат *радикальных институциональных преобразований*. У них есть свои персоналии, своя идеология, свое научное сопровождение. В фаворе были неоклассика и неоинституционализм как ее течение. Политическая экономия не только не была допущена к обоснованию радикальных реформ, она оказалась в полулегальном положении в системе образования и аналитики.

Главным негативным результатом провала российской экономики 1990-х гг. является потеря исторического времени, которая выразилась в упущенном технологическом развитии. Исследование причин случившегося провала зависит от принятой методологии. Системный подход ориентирует на поиск самых главных и фундаментальных причин. Радикально разрушая основы прежней системы, реформаторы новым комплексом институтов создавали ситуацию «неправильно застегнутой первой пуговицы». Основная масса государственных предприятий была формально преобразована в акционерные общества, при этом они ничего общего не имели с природой и сутью акционерных обществ.

Опыт создания акционерных обществ (АО), включая опыт России конца XIX в., свидетельствует о том, что они осуществляли прорывное развитие сфер и отраслей экономики. Такой результат был возможен по следующим причинам: АО создавались мотивированными субъектами, которые предварительно разрабатывали проект, который, как правило, носил инновационный характер. Для его реализации изыскивались средства — как собственные, так и привлеченные. Акционеры рисковали не только своими средствами, но и репутацией, судьбами (например, судьба Мамонтова). Энергия, навыки и способности были мобилизованы для реализации проекта. В результате появились не только новые рабочие места, но и новые

производственные и инфраструктурные объекты. Создание акционерных обществ в соответствии с их природой было мощным импульсом инновационного развития экономики России на рубеже XIX—XX вв.

Создание акционерных обществ в 1990-х лишь формально соответствовало их названию, а по сути было их противоположностью, поэтому и результаты не могли быть иными. Под создаваемые АО новые проекты не разрабатывались, новые средства не привлекались, новые рабочие места не создавались. Новые собственники не несли никаких рисков и ответственности. Они не создавали и не приобретали новую собственность, а ею наделялись. Сущность и последствия возникновения такой собственности были очевидны для отечественных экономистов. Практически события 1990-х подтвердили тревожные социально-экономические прогнозы, составленные на основе политико-экономического подхода. К концу второго десятилетия XXI в. появился союзник со стороны неоклассической теории в лице лауреата Нобелевской премии 2017 г. Р. Талера [1]. Он обосновал неэффективность наделенной (незаработанной) собственности. Та экономическая система, в основу которой были заложены институциональные преобразования по созданию неэффективной собственности, иной быть не могла. И тщетными, или даже лицемерными, оказались уверения общественности в том, что, преобразовав «неэффективную» — государственную — собственность в «эффективную» — частную, будут работать стимулы частного предпринимательства: конкуренция, инновации, инициатива. Обещано было, что энергия предпринимательства и законы рынка выведут экономику на вершины технологического прогресса. Ничего этого не произошло и не могло произойти по определению. Наделенная собственность вырабатывала навыки хищнической эксплуатации ресурсов и вывода за рубеж извлеченных доходов.

Роль государства

Технологическое развитие России оказалось в тупиковой ситуации. Либеральная стратегия технологического прорыва через приватизацию и запуск конкурентного механизма не состоялась. Либерализация внешнеэкономических отношений привела к

компрадорскому отношению финансово-экономической элиты к национальной экономике.

Государство не могло безучастно наблюдать за отставанием от мировых тенденций. Разрабатывался целый комплекс документов, направленных на промышленное и технологическое развитие. Их вехой явились майские указы президента РФ (2018), нацеленные на прорывное социально-экономическое развитие. Но уже был накоплен опыт реализации подобного рода важных документов, которые успешностью не отличались. К примеру, в 2008 г. была принята Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Эта Концепция осталась в проекте, существенного продвижения в инновациях не получилось. Такая судьба постигла и другие важные государственные решения. Но государство, в пределах доступных ему ресурсов, продолжает наращивать усилия, направляя их на прорывное развитие.

Национальные проекты 2019—2024 гг. Эти проекты были направлены на обеспечение прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России — повышение уровня жизни, создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. Упомянутый Указ развивает программы, начатые в 2014—2017 гг. Новые цели впечатляют амбициозностью и масштабами финансирования объемом более 25 трлн р. (25 019,3 млрд р.). Только им не предшествовал глубокий анализ причин неуспешной реализации предыдущих инициатив такого рода. А отсюда обоснованные сомнения в их реализации, поскольку основы сложившейся экономической системы и механизм реализации важнейших инициатив и решений остались неизменными.

Приоритетные программы и проекты¹. Они во многом дублируют нацпроекты, хотя есть отличия: моногорода, реформа контрольной и надзорной деятельности. Изменяется ширина охвата проблем, но остаются без существенных изменений основы

¹ Здравоохранение, образование, ипотека и арендное жилье, ЖКХ и городская среда, международная кооперация и экспорт, производительность труда, малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, безопасные и качественные дороги, моногорода, экология, реформа контрольной и надзорной деятельности.

сложившейся экономической системы, поставленных задач и механизма их реализации.

Федеральные институты развития². Создан целый ряд институтов развития, однако не обоснованы их особое место и роль в комплексе инициатив по прорывному развитию. К наиболее крупным институтам развития можно отнести Внешэкономбанк, ГК «Роснано», ОАО «Российская венчурная компания», ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ». Они осуществляют поддержку проектам через финансирование бизнес-проектов, оказание инфраструктурных мер, а также софинансирование НИОКР.

Региональные институты развития. В различных субъектах Российской Федерации создано более 200 организаций, которые, могут быть отнесены к институтам развития. Направлениями деятельности региональных институтов развития являются поддержка малого и среднего предпринимательства, стимулирование развития инноваций, ликвидация технологического отставания. *Имеются и отдельные значимые проекты, целевым образом финансируемые из бюджета.*

Государственные инициативы инновационного и прорывного технологического развития не содержат встроенных механизмов гарантированной реализации. Внешние институты, типа директивного планового сопровождения проектов государственного финансирования, противоречат догмам рыночного фундаментализма. Усилия правительственного уровня похожи на имитацию очередных проектов благопожелательного политического значения. Государственные деньги тратятся, но результатов, соответствующих замыслам, нет. Частный бизнес, получивший ресурсы (в результате приватизации) занял преимущественно паразитически-компрадорскую позицию.

² В настоящее время действует ряд институтов развития, к которым относятся: Инвестиционный фонд Российской Федерации; Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»; ОАО «Российская венчурная компания»; АО «Агентство ипотечного жилищного кредитования»; Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий»; Государственная корпорация «Фонд содействия реформированию ЖКХ»; ОАО «Российский сельскохозяйственный банк»; ОАО «Росагролизинг»; ОАО «Российский фонд информационно-коммуникационных технологий»; Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и др.

Заинтересованности в развитии отечественной экономики, за редким исключением, он не проявляет. Государство, периодически инициирующее прорывное развитие, уже не обладает для этого ресурсами. Это глубинное противоречие экономической политики. А существующая экономическая модель не содержит перспектив его разрешения.

Комплекс инициатив на государственном уровне по прорывному развитию впечатляет замыслом, масштабами и объемом финансирования. При этом возникает вопрос об их эффективности и реализуемости. Какие могут быть гарантии тому, что уровень эффективности и реализуемости именно новых инициатив окажется выше предыдущих, принятых на том же уровне, если экономическая система не претерпевает изменения в своей основе, механизм реализации существенно не меняется? Ответов на эти вопросы нет. Дополним анализ неэффективности на уровне практически реализуемой экономической политики, применив другой образ — «лебедя рака и щуки» из известной басни.

Инициативную деятельность высшего руководства страны можно обозначить образом *лебедя*. Она относится к *стимулирующей* фискальной политике и устремлена к прорывному технологическому и социально-экономическому развитию страны. Но она упирается в монетарную политику, которая имеет противоположную направленность. Центробанком во главу угла поставлено таргетирование инфляции, что относится к классическим инструментам *сдерживающей* политики. Ей соответствует образ *рака*. Крупному национальному бизнесу соответствует образ *щуки*. Он улавливает потоки доходов и переправляет их за границу. Работает механизм «утечек», вместо «инъекций» в национальную экономику.

Если в содержательном смысле объединить реальность, скрывающуюся за образами «неправильно застегнутой первой пуговицы» и «лебедя, рака и щуки», то получится следующая целостная картина.

1. Экономическая система России деформирована в фундаментальной основе на уровне отношений собственности.

2. Интересы наделенных собственников не находятся в органической связи с инициативами субъектов прорывного технологического развития России. Тем более они не связаны с интересами экономических субъектов, отчужденных от собственности на

капитальные и природные ресурсы. На эмпирическом уровне это противоречие проявляется в разнонаправленной экономической политике.

3. Система, порочная от основания до конкретного уровня функционирования экономики, не содержит потенциала прорывного развития, а стремление залить ее деньгами (преимущественно ресурсного происхождения) в возрастающем количестве не решит эту проблему системного характера. Ее самыми очевидными результатами являются возрастающая коррупция и разворовывание бюджетных денег.

В этой связи перед экономической наукой встает масштабная задача разработки собственно российской экономической модели, учитывающей ее особенности и ориентацию уместных преобразований. В этом направлении проводятся исследования [3, 165—169; 14, 23—30], но задача эта сложная, ее решение требует мобилизации большого научного потенциала. Прорывное развитие возможно только тогда, когда гармонизированы интересы основных «игроков». А решение проблемы такого уровня связано с передислокацией собственности, соответственно, экономической власти и социальной структуры общества.

Динамика российской экономической системы

Количественные характеристики. В экономической динамике постсоветской России прослеживаются три крупных этапа: *этап трансформационного спада (1991—1998 гг.), этап экономического роста (1999—2008 гг.), этап «новой нормальности» (с 2009 г. — по н. в.).*

Первый этап был связан с системной трансформацией российской экономики, которая проходила с большими социально-экономическими издержками, что вылилось в продолжительный спад основных экономических показателей (ВВП, доходов, инвестиций и т. п.). На втором этапе начался рост, сперва носивший восстановительный характер. Мировой экономический кризис 2007—2009 гг. завершил второй этап динамики российской экономики.

Этап «новой нормальности» характеризуется неустойчивостью и затуханием долгосрочных темпов экономического роста. После кризисного падения (–7,8% ВВП в 2009 г.) и посткризисного

восстановления экономики в 2010—2011 гг. возврата к докризисным высоким темпам роста не произошло: темпы роста затухали, а в конце 2014—2016 гг. имела место локальная рецессия, вызванная сочетанием внутренних и внешних факторов.

В целом можно сделать вывод об «упущенном десятилетии» экономического роста России: по нашим оценкам, средний темп роста реального ВВП за период 2010 — 2019 гг. составил не более 2% в год, хотя ряд экспертов дает более пессимистические оценки — не более 1%. В период же 2000-х гг. средние темпы роста российской экономики составляли около 7% в год. В результате, за десятилетие 2009—2019 гг. по темпам роста экономика России устойчиво отставала от среднемировых показателей (3,76% в год). Графически траектория экономической динамики России (реальный ВВП) в постсоветский период в сравнении с траекторией мировой экономики представлена на рис. 1. Показатели 1990 г. приняты за 100%.

Как следует из графика, за 30 лет, прошедших с начала рыночных реформ, реальный ВВП России превысил показатель 1990 г. всего лишь на 20—25%, в то время как значение мирового ВВП в 2019 г. в 2,8 раз превышало аналогичный показатель 1990 г.

Отставание динамики российской экономики от мировой позволяет оценить накопленные потери экономического роста в России — как совокупную площадь, ограниченную сверху графиком динамики мировой экономики, а снизу — графиком динамики российской экономики. Более подробно методология расчета накопленных потерь экономического роста представлена в работе одного из авторов [10, 119—131]. Здесь же отметим, что накопленные потери реального ВВП России за 1991—2020 гг. составили 25,4 единиц ВВП 1990 г. И хотя данная оценка является сугубо количественной, она позволяет сделать и содержательные выводы: какой объем средств российской экономики мог бы быть потрачен на цели развития (в том числе развитие человеческого потенциала), если бы экономическая динамика в России хотя бы соответствовала мировой экономической динамике в течение всего постсоветского периода. Таковы утраченные альтернативы как результат рукотворных радикальных институциональных реформ 1990-х гг.

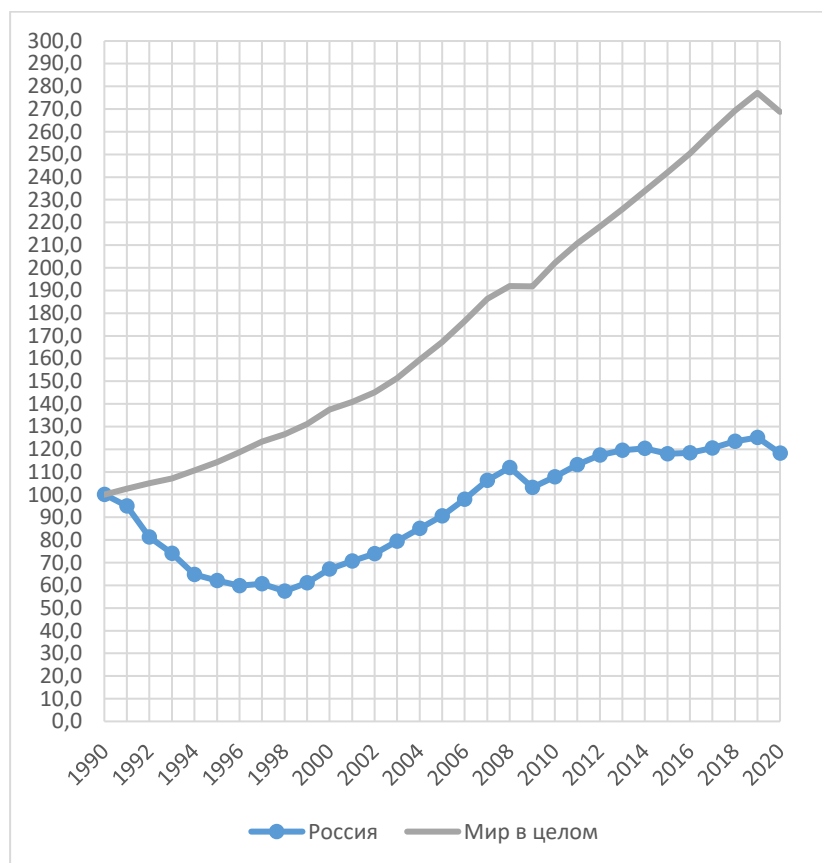

Рис. 1. Сравнительная динамика российской и мировой экономики в 1990—2020 гг. уровень 1990 г. = 100%

Источник: рассчитано по данным МВФ [17].

Качественные и структурные характеристики. Раскрытие структурных особенностей экономической динамики в России требует более детальной характеристики динамики выпуска по отдельным отраслям, в ряде случаев — в натуральных показателях.

На рис. 2 представлена динамика промышленного производства в России и его основных отраслей (добыча полезных ископаемых, обрабатывающее производство, производство и распределение

электроэнергии, газа и воды), а в табл. 1 — динамика по основным подотраслям обрабатывающей промышленности (в сопоставимых ценах, в процентах по отношению к 1992 г.). При этом следует отметить, что указанные показатели даются в сопоставлении с 1992 г., когда в российской экономике уже наблюдался спад (так, реальный ВВП в 1992 г. сократился почти на 15% к уровню 1991 г.). Поэтому оценкой выхода на докризисный уровень следует считать достижение не 100% по каждой отрасли (это уровень 1992 г.), а примерно 110—115%.

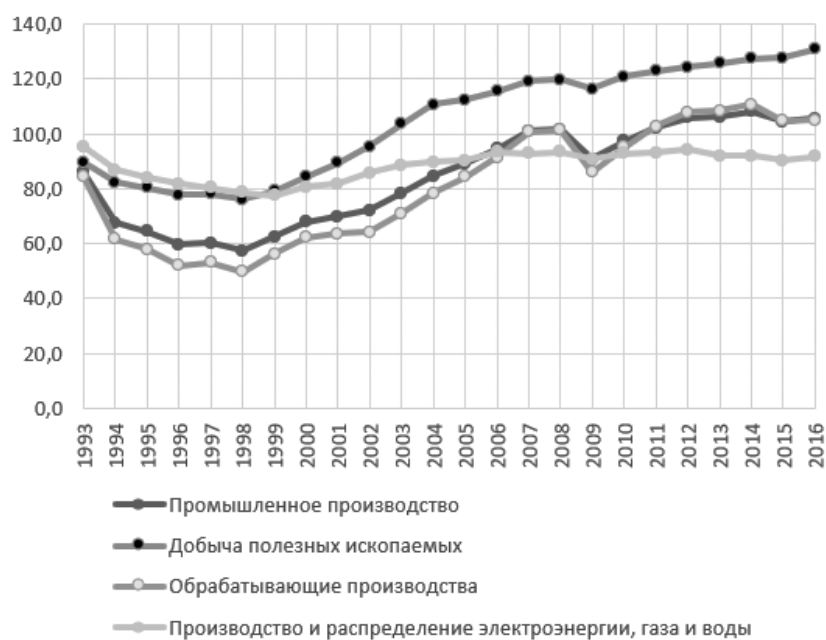

Рис. 2. Динамика промышленного производства по отраслям в России, в сопоставимых ценах, в % к соответствующему уровню 1992 г.
Источник: данные Росстата, расчеты авторов [13].

Как следует из анализа рис. 2, наиболее глубокий спад в 1990-е гг. испытало обрабатывающее производство, а в меньшей степени пострадала отрасль добычи полезных ископаемых. Указанная отрасль дала и наибольший прирост, выйдя к 2016 г. на уровень 130% от уровня 1992 г. Обрабатывающее производство в целом демонстрировало более скромные результаты, выйдя в 2016 г. на показатель 105%, что, с учетом имевшего в 1992 г. спада, оказывается даже ниже показателей конца 1980—1990-х.

При этом обрабатывающее производство в целом представляет собой совокупность различных отраслей промышленности, динамика которых отличалась противоречивостью (табл. 1). Так, с середины 2000-х гг. начало бурно расти производство резиновых и пластмассовых изделий, которое, несмотря на отдельные спады (в кризис 2009 г. и в 2015 г.), в целом продемонстрировало высокие темпы роста, так что в 2016 г. объем производства в указанной отрасли в 2,75 раз превысил уровень 1992 г. Ускоренным темпом с середины 2000-х гг. развивалось производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, однако кризис 2009 г. существенно повлиял на дальнейшие темпы развития указанной отрасли, в результате, в 2016 г. объем выпуска в ней составил только 150% от уровня 1992 г. (это ниже, чем максимальный результат, достигнутый в 2007 г. — 185,6%). Химическое производство — еще одна отрасль, устойчиво развивающаяся с 2000-х гг. и успешно преодолевшая кризис 2009 г., в результате объем производства в ней в 2016 г. составил 155% от уровня 1992 г.

При этом, одна из важнейших отраслей обрабатывающей промышленности — производство машин и оборудования — показала крайне низкие результаты в период роста 2000-х гг. и последующего периода десятилетней стагнации. В 2016 г. объем производства в указанной отрасли составил только 54% от уровня 1992 г. Еще одна отрасль, так и не восстановившаяся после трансформационного кризиса — это легкая промышленность (текстильное и швейное производство): в 2016 г. выпуск в отрасли составлял всего лишь 32% от уровня 1992 г.

Таблица 1

**Динамика производства по отраслям обрабатывающей
промышленности в сопоставимых ценах,
в % к соответствующим уровням 1992 г.**

Виды деятельности	1993	1998	2008	2012	2014	2016
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табак	88,5	57,6	110,3	123,5	127,4	133,1
Текстильное и швейное производство	78,9	22,6	36,3	33,6	34,2	31,8
Производство кокса и нефтепродуктов	86,5	67,5	96,3	108,6	117,4	114,9
Химическое производство	80,7	60,0	110,3	131,6	138,9	155,4
Производство резиновых и пластмассовых изделий	80,1	42,8	174,8	238,0	270,9	275,0
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	82,7	64,8	119,2	125,6	126,3	115,4
Производство машин и оборудования	82,6	32,0	75,0	65,8	58,6	54,1
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	87,7	43,0	171,8	166,4	163,9	149,4

Источник: данные Росстата, расчеты авторов [13].

Противоречивое развитие имело место и в сельскохозяйственной отрасли. На рис. 3 показана динамика валового сбора зерна в России (млн т). Для данной отрасли характерна ярко выраженная

цикличность, связанная с природными факторами (засухи, неурожай), поэтому к фактическим данным была добавлена линия тренда. Отметим, кстати, что в 1990-е гг. цикличность усилилась: амплитуда колебаний выросла, что было связано и с системными факторами: трансформацией отношений собственности на селе, изменением институциональной структуры экономики, выстраиванием новых хозяйственных связей между деревней и городом и т. п. В 2000-е гг. шло постепенное восстановление отрасли, ускорившееся после 2014 г. (в этой связи можно отметить положительное влияние санкций и ответных контрсанкций на зерновую отрасль).

Рис. 3. Валовой сбор зерна в России, млн т.

Источник: рассчитано по: [7, 80; 8, 47].

Однако в российском животноводстве ситуация оказалась гораздо более драматичной. На рис. 4 представлена динамика поголовья скота в России по категориям (крупный рогатый скот, свиньи, овцы и козы). По всем трем группам наблюдалось резкое падение в 1990-е гг. Так, крупный рогатый скот сократился с 60,5 млн голов в 1986 г. до 28,5 млн голов в 1998 г. и продолжал сокращаться и далее, до 18,2 млн голов в 2018 г. Поголовье свиней снизилось с 40 млн голов в 1989 г. до 13,7 млн голов в 2004 г., после чего начался

медленный рост, и в 2018 г. поголовье свиней составило 23,7 млн голов. Поголовье овец и коз снизилось с 66,3 млн голов в 1983 г. до 14,8 млн голов в 1999 г., затем также начался медленный рост, и в 2018 г. поголовье овец и коз составило 23,1 млн голов. Однако, как видно из сравнения данных показателей, некоторый рост по свиньям, овцам и козам в 2000-е гг. не смог компенсировать спада 1990-х гг.

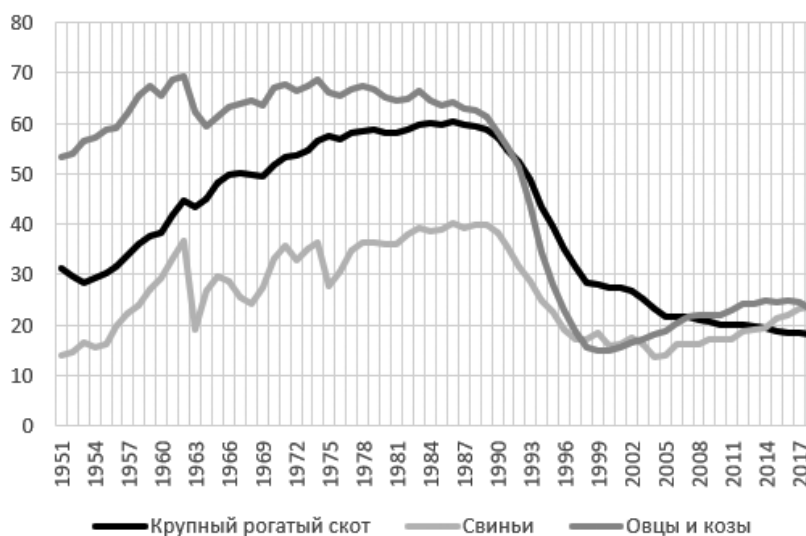

Рис. 4. Динамика поголовья скота в России, млн голов
Источник: рассчитано по: [7, 91—92; 8, 57].

Противоречивая динамика в сельскохозяйственных отраслях не могла не отразиться на показателях потребления основных продуктов питания населением. По сравнению с 1995 г. в 2014 г. потребление на душу населения овощей выросло на 46%, мяса — на 35%, яиц — на 26%, сахара — на 25%, а потребление молока, картофеля и хлеба даже сократилось (на 4%, 10% и 2% соответственно). Наиболее существенный рост по потреблению был достигнут за счет рыбы (на 143%), растительного масла (на 86%), а также фруктов и ягод (на 120%). Указанные показатели характеризуют как изменения в структуре потребления (рост доли рыбы, овощей и фруктов), так и возможности, открывшиеся перед российской экономикой в ходе встраивания в мировой рынок (импорт продовольствия, в частности,

фруктов). При этом ограниченные возможности российского животноводства не позволяют в ближайшей перспективе резко повысить потребление мяса без учета импорта.

Социальные характеристики. Остановимся также на характеристике качественных результатов экономического роста в России с позиции *социального подхода*. Если структурный подход определяет качество роста преимущественно со стороны производства и места страны в международном разделении труда, то социальный подход делает акцент на гуманистической составляющей экономического роста: справедливом распределении доходов, продолжительности и качестве жизни, нерыночных благах и т. п.

Одним из показателей, учитывающих социальную составляющую экономического роста (в плане образования и продолжительности жизни), является индекс человеческого развития (HDI). Значения HDI для России и ряда стран представлены в табл. 2.

Таблица 2

Индекс человеческого развития (HDI) по группам стран

Страны	1990	1992	1998	2008	2014	2019
Страны постсоветского пространства + Китай						
Россия	0,735	0,720	0,705	0,775	0,807	0,824
Белоруссия	н/д	н/д	0,674	0,777	0,814	0,823
Казахстан	0,690	0,682	0,672	0,758	0,798	0,825
Украина	0,725	0,713	0,688	0,755	0,771	0,779
Китай	0,499	0,517	0,571	0,678	0,731	0,761
Развитые страны						
США	0,865	0,872	0,889	0,911	0,920	0,926
Германия	0,808	0,821	0,860	0,924	0,937	0,947
Швеция	0,821	0,826	0,894	0,907	0,935	0,945
Япония	0,818	0,826	0,849	0,883	0,906	0,919

Источник: Human Development Reports [16].

Сравнение приростов значения HDI для России с динамикой ВВП, в том числе подушевой, показывает, что развитие российской экономики, измеряемое по HDI, шло медленнее, чем экономический рост, измеряемый по ВВП на душу населения. Так, значение HDI России в 2019 г. по сравнению с 1990 г. увеличилось на 12%, в то время как подушевой ВВП вырос в реальном выражении на 27%. При этом динамика ВВП на душу населения также учтена в HDI, так что частично прирост значений данного индекса также относится на счет увеличения подушевого ВВП.

Рис. 5. Доля населения в России с денежными доходами ниже прожиточного минимума

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата [13].

На рис. 5 представлена динамика доли населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в России. Анализ данных, представленных на рис. 5, позволяет сделать вывод, что в основном снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума произошло в период с 2000—2007 гг., когда указанный показатель

сократился с 29% до 13,3%. В последующий период происходили колебания этого показателя: минимальное значение пришлось на 2012 г. (10,7%), а к концу периода оно составило 12,1% (2020 г.). Отметим также, что на протяжении рассматриваемого периода менялись как величина прожиточного минимума, так и методология его расчета, поэтому прямые сопоставления только количественных показателей не совсем корректны. В целом, на этапе стагнации снижение бедности в России, наблюдавшееся на этапе восстановительного роста, практически остановилось.

Оценка неравенства доходов на основе коэффициента Джини также является неполной. В 1992 г., по данным Росстата, индекс Джини составлял 0,289, а в 2007 г. он увеличился до 0,422. Это максимальное значение за весь период наблюдений, представленное в данных Росстата. Восстановительный рост в России в 2000-е гг., таким образом, сопровождался усилением неравенства в распределении доходов. В период стагнации 2010-х гг. неравенство распределения доходов, оцениваемое по индексу Джини, менялось неустойчиво с некоторой тенденцией к снижению (так, по данным 2019 г., значение индекса Джини составило 0,411). Отметим также, что доля денежного дохода, приходящаяся на 1% лиц с наивысшими доходами, в России остается высокой: 20,2% за 2010—2019 гг. [16]. Россия по данному показателю находится практически на уровне США (20,5%), в то время как для европейских стран и Японии значение данного показателя ниже: Германия — 12,5%, Швеция — 9%, Япония — 10,4%. В Китае на долю 1% лиц с наивысшими доходами приходится 13,9% денежных доходов [16].

Высокое неравенство в распределении доходов искажает результаты экономического роста, поскольку значительная часть прироста дохода приходится на ограниченное число лиц.

Заключение

Социально-экономическая динамика РФ последних десятилетий характеризуется глубокими противоречиями, обусловленными спецификой ее производственных отношений и институтов. Их системный анализ позволяет сделать вывод о том, что они не могут быть источником устойчивого развития. Отдельные исключения, которые не всегда можно точно оценить в силу отсутствия или

закрытости данных (например, производство современных видов вооружений, относительные успехи в ряде отраслей энергетики, сельского хозяйства), мало изменяют общее положение.

Какими же могут быть альтернативы?

В настоящее время в РФ предложен широкий круг программ, в которых предлагаются различные модели перехода к ускоренному росту и/или устойчивому развитию. Однако при всем их многообразии можно выделить два главных подхода.

Первый исходит из необходимости осуществления главным образом институциональных изменений, направленных на углубление либерализации экономики, экстенсивную и интенсивную экспансию частной собственности, развитие конкуренции, создание независимой судебной системы и т. п.

Второй подход исходит из того, что нынешняя модель требует системных изменений, ориентированных на реализацию социальных, гуманистических и экологических приоритетов на базе реиндустриализации, на основе приоритетного развития высоких технологий. Эта трансформация предполагает глубокое реформирование системы социально-экономических отношений, начиная с фундаментальных основ, затрагивающих отношения собственности на ресурсы (капитальные и естественные) и соответствующие потоки доходов. Эти изменения позволят поставить под контроль общества (социализировать, а не просто национализировать) ключевые сферы развития — инфраструктуру, науку, образование, здравоохранение и перенаправить рентные потоки на цели устойчивого, социально-ориентированного развития. На этой основе предполагаются изменения в системе распределения доходов и социальной защиты, в частности, повышение минимальной заработной платы, переход к прогрессивной шкале налогообложения доходов и наследства и т. п. Важнейшим слагаемым этой системы должно стать создание целостной системы механизмов развития, в частности, в сфере планирования и промышленной политики.

Системный метод требует разноуровневого подхода. Начнем с конкретного уровня экономической политики, затем переместим анализ в деформированные основания российской экономической модели и, наконец, объединим эти два уровня. Выше отмечались уже разнонаправленность бюджетной (лебедь) и монетарной (рак)

политики и необходимость их согласования. Укажем на уникальную возможность ее практической реализации. Бюджетный профицит и профицит платежного баланса позволяют проводить стимулирующую бюджетную политику, а резкое укрепление национальной валюты позволяет поддержать стимулирующую политику правительства стимулирующей монетарной политикой. Кроме того, эти две политики следует дополнить воспроизводственной экономической политикой. Ее основными функциями должны быть: аналитика воспроизводственных и функциональных связей в экономике, стратегическое планирование и согласование уровней и направлений планирования, разработка планов структурных изменений³. Эти функции можно возложить на Минэкономразвития, освободив его от дублирования аналитических функций Центробанка, Минфина, Госкомстата. Системная функция воспроизводственной экономической политики будет в том, что она в единых целях согласует монетарную и фискальную политику. Правда, для этого необходимы структурно-политические решения для отмены пресловутой независимости Центробанка.

Эффективное функционирование экономики на конкретном уровне зависит от состояния ее основ — отношений собственности на ресурсы и вещественный капитал. Ранее мы писали, что именно с этого фундаментального уровня экономическую систему преследует эффект неправильно застегнутой первой пуговицы на рубашке. Отношения частной собственности на ресурсы (в широком смысле) были деформированы с момента их формирования по принципу наделенности. Без изменений в этой сфере не создастся системная эффективность формирования новой модели роста. Какие здесь могут быть изменения? Государство может национализировать ресурсы и потоки доходов рентного и монопольного происхождения. Более радикальным вариантом преодоления деформации в основе системы, требующей политических решений, является реприватизация. Это не конфискация, а объявление всех ранее приватизированных предприятий объектами инвестиционных конкурсов. Победители конкурсов возмещают прежним владельцам средства, потраченные при

³ Это явится одним из направлений практической реализации Указа Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633.

приватизации. Победителями инвестиционных конкурсов могут быть нынешние владельцы, новые владельцы, государство, трудовые коллективы. Победители инвестиционных конкурсов избавят экономику от тормозящего эффекта наделенной собственности. Им на смену придет собственность приобретенная, с реальными стимулами развития. Соединение двух уровней реформ образует системное качество программы развития в новой экономической модели.

Теперь рассмотрим уровень конкретных предложений при альтернативном подходе.

Защита прав частной собственности. Ни одна страна в мире не сделала для частной собственности столько, сколько было для нее сделано в России. В частные руки передан был беспрецедентный объем имущества и ресурсов, включая природные. Достаточно обратиться к материалам Счетной палаты РФ, чтобы убедиться в необоснованности мнения об ущемленном положении частной собственности со стороны государства [9]. На самом деле в защите нуждаются другие формы собственности, отражающие интересы абсолютного большинства граждан России.

Защита конкуренции. Конкуренция является естественным состоянием и следствием частной собственности. Если структуры, находящиеся в частной собственности, не конкурируют друг с другом, то это говорит о фундаментальных изъянах в самой частной собственности. Правда, здесь называются два фактора, не зависящих от конкурирующих субъектов экономики: монополизм и высокая доля участия государства в экономике, доходящая до 70%. Что касается монополизма, то в России созданы нормативная база и структура в исполнительной власти (Антимонопольный комитет с региональными подразделениями) специально для борьбы с монопольным доминированием на рынке. Иначе говоря, здесь нет проблем властно-политического характера, и предложения о борьбе с монополизмом должны носить конкретный и адресный характер. Что касается чрезмерной доли участия государства к экономике — в 70% случаев это уникальное недоразумение в российской науке и практике. Эта цифра появилась в докладе Антимонопольного комитета 2014 г., а затем получила распространение вплоть до высших кругов науки и политики. При исследовании этого недоразумения выяснилось, что цифра эта не явилась результатом разработки того комитета. Более

того, у него не оказалось методики подобных расчетов, он заимствовал эту цифру у неспециализированных интерпретаторов материалов Мирового банка. Подробный анализ этого вселенского заблуждения не входит в задачу данной статьи. Его результаты опубликованы [15], здесь достаточно очень краткой статистической ссылки. В предпандемный 2019 г. в государственной собственности, по официальным данным, было всего 15% основных фондов [6, 314]. Если на 15% основных фондов государству удастся создавать 70% ВВП, то это может свидетельствовать только об очень высокой эффективности госсектора со всеми вытекающими отсюда выводами относительно реструктуризации собственности при создании новой модели экономики.

Пренебрежение достоверными источниками и предпочтение необоснованно завышенных данных о доли государства в экономике потребовались для двух целей. Во-первых, обвинить «непомерно раздутый» госсектор в стагнации и технологическом отставании; во-вторых, для обоснования претворения в жизнь идеи «второй волны приватизации». Целью является образование «второй волны» олигархической элиты.

Создание независимой судебной системы. Здесь проблема перевернута с ног на голову. Избыточная свобода и независимость судей являются главной причиной многоуровневой коррупции в этой системе. На самом деле, необходим контроль за деятельностью судей, но не государственный, а общественный. Шагом вперед, по сравнению с нынешней системой, было бы использование советского опыта: выборность судей, периодическая отчетность перед избирателями, институт народных заседателей. Не недостаток, а избыточная независимость судей является главной проблемой этой ветви власти. У подобных предложений есть и другой контекст. Усложненная и дорогостоящая судебная процедура требует больших затрат на адвокатов, экспертизу. А если учесть и коррупционный рынок судебных услуг, то очевиден исход судебных споров в пользу наиболее состоятельной стороны. В этом суть разговоров о независимости судей за завесой риторики о демократизации и либерализации.

Второй подход не содержит потенциала изменения системы. Наоборот, предложения по «долиберализации» российской экономики только усугубит ее неэффективность. Все предлагаемые

институты были созданы: частная собственность, антимонопольный комитет, независимый суд. Вместо того, чтобы исследовать их неэффективность и даже провальность, предлагается развивать эту систему. Если модель неэффективна, то не даст желаемого результата заливание ее деньгами. Сколько ни заливай в жернова неэффективной модели потоки денег под разными названиями (инновационное развитие, институты развития, приоритетные проекты, национальные проекты), существующая экономическая модель не содержит персонифицированных стимулов прорывного развития. Если субъектом прорывного развития выступает государство, его денежные потоки должны быть направлены на создание конкретных объектов и комплексов, которые явятся локомотивами развития новых технологий. Этому должна предшествовать плановая работа, вытекающая из Указа Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 [12], касающаяся функций воспроизводственной экономической политики.

Необходим переход к новой модели роста, основанной на большей роли внутреннего спроса и восстановлении воспроизводственного контура российской экономики по всем основным видам производств, что позволит минимизировать зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры и обеспечить производство основных видов промышленной продукции. Для этого потребуются активная государственная политика экономического роста, ликвидация разбухшего финансово-посреднического сектора, повышение вклада «ядра» реального сектора в прирост ВВП, запуск нового механизма роста внутреннего спроса на основе перехода к неоиндустриальному типу экономического роста. Неоиндустриальный тип экономического роста означает экономический рост на основе автоматизированного производства, использующего цифровые технологии и высококвалифицированную рабочую силу.

Литература

1. *Белянин А.В.* Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. 2018. № 1.

2. Всемирный банк отвлел России 100 лет на развитие человеческого капитала: URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2019/5de76fa19a79476a1ebb8bec> (дата обращения: 22.05.2021).
3. *Кульков В.М.* Экономика России как система // *Экономическая наука современной России*. 2018. № 4. С. 165—169.
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425> (дата обращения: 22.05.2021).
5. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1.662-р: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 22.05.2021).
6. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2020.
7. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. М.: Росстат, 2015.
8. Сельское хозяйство в России. Сб. ст. М.: Росстат, 2019.
9. Счетная палата российской федерации. Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счетной палаты Российской Федерации. Анализ процессов приватизации государственной собственности в российской федерации за период 1993—2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие). М.: Олита, 2004.
10. *Теняков И.М.* Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку // *Экономическое возрождение России*. 2017. № 1. С. 119—131.
11. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102468157> (дата обращения: 22.05.2021).
12. Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244> (дата обращения: 22.05.2021).
13. Федеральная служба государственной статистики: URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 26.06.2021).

14. Хубиев К.А. Системный подход к потенциалу развития и факторам торможения российской экономики // Экономическое возрождение России. 2015. Т. 43. № 1. С. 23—30.

15. Хубиев К.А. Актуальная роль государства в экономическом развитии // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2016. Т. 8. № 4.

16. Human Development Reports: URL: <http://hdr.undp.org/en/indicators/186106> (дата обращения: 26.06.2021).

17. International monetary fund: URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2020/01/weodata/weoselagr.aspx> (дата обращения: 26.06.2021).

References

1. Belyanin A.V. Richard Taler i povedencheskaya ekonomika: ot laboratornykh eksperimentov k praktike podtalkivaniya (Nobelevskaya premiya po ekonomike 2017 goda) // Voprosy ekonomiki. 2018. №1.

2. Vsemirniy bank otvel Rossii 100 let na razvitie chelovecheskogo kapitala: URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2019/5de76fa19a79476a1ebb8bec> (data obrashcheniya: 22.05.2021).

3. Kulkov V.M. Ekonomika Rossii kak sistema. // Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii, 2018, № 4, S. 165—169.

4. O nacionalnykh celyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federacii na period do 2024 g.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425> (data obrashcheniya: 22.05.2021).

5. Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 17 noyabrya 2008 g. № 1.662-r.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/? (data obrashcheniya: 22.05.2021).

6. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. M.: Rosstat, 2020.

7. Selskoe khozyaystvo, okhota i okhotnich'e khozyaystvo, lesovodstvo v Rossii. M.: Rosstat, 2015.

8. Selskoe khozyaystvo v Rossii. Сб. ст. М.: Rosstat, 2019.

9. Schetnaya palata rossiyskoy federacii. Gosudarstvenniy nauchno-issledovatel'skiy institut sistemnogo analiza Schetnoy palaty Rossiyskoy Federacii. Analiz processov privatizacii gosudarstvennoy

собственности в российской федерации за период 1993—2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие). М.: Олита, 2004.

10. *Tenyakov I.M.* Оценка poter' ekonomicheskogo rosta v stranakh, pereshedshikh k rynku // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2017. № 1. S. 119—131.

11. Ukaz Prezidenta RF «O nacional'nykh celyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federacii na period do 2024 goda»: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102468157> (data obrashcheniya: 22.05.2021).

12. Ukaz Prezidenta RF ot 8 noyabrya 2021 g. № 633 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki v sfere strategicheskogo planirovaniya v Rossiyskoy Federacii»: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244> (data obrashcheniya: 22.05.2021).

13. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki: URL: <https://rosstat.gov.ru/> (data obrashcheniya: 26.06.2021).

14. *KHubiev K.A.* Sistemniy podkhod k potencialu razvitiya i faktorm tormozheniya rossiyskoy ekonomiki // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2015. T. 43. № 1. C. 23—30.

15. *KHubiev K.A.* Aktualnaya rol gosudarstva v ekonomicheskom razvitii // *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal ekonomicheskogo fakulteta MGU imeni M.V. Lomonosova*. 2016. T. 8. № 4.

В.В. БИРЮКОВ

**Современные монетарные теории:
особенности парадигмального переосмысления***

Аннотация. В статье рассмотрены парадигмальные особенности переосмысления современных монетарных теорий. Указывается, что методологические установки философии хозяйства, ориентированные на изучение экономической реальности в соответствии с этической традицией Аристотеля (на основе ценностно-нормативной

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бирюков В.В. Современные монетарные теории: особенности парадигмального переосмысления // *Философия хозяйства*. 2022. № 3. С. 132—148.

модели экономического поведения), являются парадигмальными. Обосновываются несостоятельность неоклассической версии теории стоимости и тотальная ограниченность современных монетарных теорий, которые опираются на методологический индивидуализм, именно поэтому монетарные формы проявления институциональных связей становятся экзогенными феноменами. Раскрыта специфика когнитивного потенциала разработанной К. Марксом институционально-эволюционной теории денег. Исходя из этого, предложен подход, который ориентирован на изучение монетарных процессов, складывающихся под влиянием эндогенных, по своей природе, институциональных связей развивающейся экономики. При этом деньги рассматриваются как институциональная переменная, характеризующая величину выполненной полезной работы и соответствующую часть ВВП. На данной основе анализируются проблемы формирования монетарных механизмов развития современной экономики.

Ключевые слова: теория стоимости, монетарная теория, классическая парадигма, этика, институты.

Abstract. The article discusses the paradigmatic features of re-thinking theory on modern monetary economics. It is indicated that the methodological guidelines of the philosophy of economy, focused on the study of economic reality in accordance with the ethical tradition of Aristotle (based on the value-normative model of economic behavior), are paradigmatic. The author substantiates the inconsistency of the neoclassical version of the theory of value and the total limitations of modern monetary theories that rely on methodological individualism, which is why monetary forms of manifestation of institutional ties become exogenous phenomena. The specificity of the cognitive potential of the institutional-evolutionary theory of money developed by K. Marx is revealed. Based on this, an approach is proposed that focuses on the study of monetary processes that develop under the influence of endogenous, by nature, institutional ties of a developing economy. At the same time, money is considered as an institutional variable that characterizes the amount of useful work performed and the corresponding part of GDP. On this basis, the problems of the formation of monetary mechanisms for the development of the modern economy are analyzed.

Keywords: value theory, monetary theory, classical paradigm, ethics, institutions.

УДК 330.101
ББК 65.01

Введение

Фундаментальные перемены, связанные с резким обострением глобальной конкуренции и переходом к новому финансово-валютному порядку, порождают необходимость пересмотра реализуемых в экономической политике подходов. Возникающий в связи с этим поиск более реалистичных стратегий изучения процессов развития современной денежной экономики заставляет исследователей переосмысливать утвердившиеся монетарные теории.

Важнейшая проблема сложившихся монетарных теорий состоит в том, что они, как правило, содержат интерпретацию поверхностно-функциональных связей, складывающихся при проведении денежно-кредитной политики. При этом, как отмечает Т. Лоусон, в экономической теории нет четкого понимания денег, хотя они занимают центральное место в современной экономике [17, 851]. Конкурирующие сегодня монетарные теории выступают преимущественно различными версиями кейнсианской концепции, в которой важную роль играют институциональные факторы, а также деньги как особый экономический институт. Однако при использовании современных институциональных теорий для изучения монетарных механизмов развития экономики появляются значительные трудности, так как данные теории характеризуются многими методологическими дефектами; в связи с этим, в последние годы происходит рост критических публикаций, в которых указываются системные изъяны институционализма, эклектичный и дифференциальный характер институциональных исследований [11].

Парадигмальный пересмотр монетарных теорий важно проводить с учетом того, что сегодня один из фундаментальных сдвигов экономической теории обусловлен необходимостью отказа от сложившихся (в результате распространения маржинализма) представлений о ее ценностной нейтральности, а также необходимостью переосмысления связи экономики с этикой. В этом контексте актуализируются идеи научного течения, сформированного в начале XX в.

С.Н. Булгаковым, которое активно разрабатывается в современных условиях школой Ю.М. Осипова. Его отличительные характеристики, как отмечает В.М. Кульков, противостоят ортодоксальной экономической теории. Этика, свобода, творчество, индивидуальность, духовность — это то, что присуще философии хозяйства, оно же противостоит ортодоксальному экономическому материализму. Несмотря на все имеющиеся различия, философия хозяйства близка к политэкономии, по крайней мере, по нацеленности на системное представление об экономике и на поиск глубинных основ и высоких гуманистических смыслов [7, 61—64].

Методологические установки философии хозяйства ориентируют на пересмотр упрощенного видения экономической реальности, сложившегося под влиянием доминирования неоклассической парадигмы, что явно или неявно связано с тем, что экономический мотив субъекта интерпретируется как мотив индивида-эгоиста на основе утилитаристской этики. Произошедший в прошлом веке анти-этический переворот способствовал распространению искаженных интерпретаций парадигмальных основ классической школы экономики, ее марксистской ветви, началось «изъятие» этики из работ А. Смита и отождествление «экономического человека» мейнстрима с «экономическим человеком» А. Смита. Вместе с тем, классическая теория, в соответствии с этической традицией Аристотеля, в отличие от ортодоксальных теорий, опиралась не на утилитаристскую модель экономического поведения человека, а на соответствующую интересубъективной природе экономической реальности ценностно-нормативную модель [2]. Таким образом ясно, что поиск исследовательской стратегии, направленной на разработку монетарных теорий, важно осуществлять с учетом прояснения парадигмальных особенностей их построения. А подход к данной проблеме, с нашей точки зрения, стоит осуществлять в рамках предложенной К. Марксом институционально-эволюционной парадигмы, направленной на изучение феномена денег. Именно этот подход рассматривал эволюционирующие во времени и пространстве эндогенные, по своей природе, относительно устойчивые, системные связи денежной экономики, складывающиеся в виде разнообразных неформальных и формальных институтов.

Парадигмальные особенности разработки современных монетарных теорий

Исходная предпосылка изучения сущности и функций денег состоит в том, что они позволяют превращать абстрактные стоимости (ценности) бесконечно разнообразных товаров в общепринятые рыночные цены. Парадигмальные особенности распространенных монетарных теорий определяются, прежде всего, отсутствием, в рамках экономического мейнстрима, теории стоимости и цены. Хотя сегодня утвердилось мнение, что в работах по теории полезности П. Самуэльсон и Дж. Хикс (на основе работ, написанных Джевансом и австрийцами в XIX в.) создали небывалой глубины и аналитической мощи теорию стоимости [1, 85]. При этом замалчиваются все попытки сторонников мейнстрима обосновать теорию стоимости, опираясь на утилитаристскую этику, которые неизбежно заканчивались признанием когнитивного тупика.

Вопреки распространенному мифу о стремительном триумфальном шествии теории полезности, Дж. Винер в своей известной статье 1925 г. писал, что в научных публикациях в это время преобладала острая критика данной теории; ее логика признавалась ошибочной, выводы характеризуются классовой направленностью, а гедонизм и рационализм не выступают основными чертами поведения человека. Сторонники теории полезности признали ошибочность положения Джеванса и австрийцев о совпадении графиков спроса и полезности в денежном выражении, так как равенство цен не предполагает одинаковую полезность для различных людей. Как указывает Винер, теория полезности исходит из индивидуалистических норм, поэтому она не может объяснить появление рыночной цены, выступающей групповой нормой поведения [4].

Все дальнейшие попытки в рамках неоклассического подхода обосновать теоретические основы анализа рыночных обменов оказываются безуспешными. Так, кривая спроса, согласно теореме Зоннenschайна—Мантеля—Дебре, в отличие от моделей из учебников, может быть любой формы. Неоклассическая модель спроса и предложения, как показывает К. Эрроу, создает ошибочное впечатление о теоретическом обосновании рыночной цены. Дело в том, что в любом учебнике и книге при описании спроса и предложения субъекты рынка принимают цену вследствие влияния некой внешней силы; поэтому

цена является экзогенной переменной [13]. В неоклассической теории, как пишет академик А.Д. Некипелов, у коллективного субъекта, поведение которого описывает функция спроса, отсутствует собственная система предпочтений, поэтому несостоятельна вся концепция рыночного равновесия [10, 25].

Неоклассический подход не применим при разработке теории денег, поскольку деньги, как и рыночные цены, возникают на основе ценностного согласования как институциональный феномен. Как отмечал Й. Шумпетер, меновую стоимость денег нельзя вывести из функций предельной полезности [12, 1434]. Сегодня общепризнанным становится представление о том, что деньги являются специфическим социальным институтом [14]. В связи с этим появляются разнообразные теории, в которых рассматриваются различные аспекты функционирования монетарных систем в связи с использованием неформальных и/или формальных институтов. Парадигмальная ограниченность разрабатываемых монетарных теорий мейнстрима определяется опорой на утилитаристскую этику, поэтому деньги становятся экзогенным феноменом, а вслед возникают разнообразные версии экзогенной теории денег, хотя обычно экзогенной считается только государственная теория денег.

Так, сторонники товарной теории денег полагают, что эволюция рыночных отношений породила тенденцию появления товара, универсально используемого как средство обмена, как деньги [9, 26]. Согласно данной точке зрения, деньги относятся к частной сфере, как и любой другой товар [16, 35]. В рамках данной теории, выступая специфическим неформальным институтом, деньги интерпретируются как обладающие внутренней субстанцией, основанной на признании золота мерой стоимости. Однако, как пишет У. Бьерг, чтобы золото выполняло функцию денег, должна существовать денежная система, позволяющая устанавливать ценность благ [3, 111].

В рамках мейнстрима отрицание существования у людей общепринятой ценностной системы, с помощью которой устанавливается ценность благ, способствует возрождению идей государственной теории Г.Ф. Кнаппа, в которой игнорируется наличие у денег своей субстанции. Идеи его теории сегодня используются при обосновании фискальной природы денег, уточнении ряда их функций, а также при разработке монетарной политики. Усложнение проблем регулирования национальной экономики в связи с возрастанием роли

глобальных акторов способствует усилению внимания к концепции суверенных денег Й. Хубера, ориентированной на отказ от неолиберального подхода к конструированию денежно-кредитной сферы [16]. Хубер считает, что эмитентом суверенных денег должен выступать государственный центральный банк, основную часть этих денег он должен предоставлять государственным предприятиям безвозвратно и без процентов; меньшая их часть может поступать на рынок межбанковского кредитования инвестиций.

Итогами проведенных исследований макроэкономических процессов стали доминирование сегодня различных версий кейнсианского подхода и признание несостоятельности попыток неоклассиков при разработке теории макроэкономики игнорировать значимость денег как особого институционального феномена. Парадигмальные особенности развития монетарных теорий современного мейнстрима определяются формированием нового кейнсианско-неоклассического синтеза, основанного на применении модели динамического, стохастического, общего равновесия; фундаментальные изъяны данной модели обуславливаются существованием теоретико-методологических проблем, политико-экономических ограничений и эмпирических трудностей. Сложившаяся кейнсианская версия макротeorии, как утверждает П. Дэвидсон, свидетельствует о том, что кейнсианская революция, предполагающая разрыв с неоклассическим мышлением, не состоялась [6, 83]. В отличие от сторонников ортодоксальной теории монетарной экономики, современные посткейнсианцы указывают на необходимость активного участия государства в регулировании экономики. Они утверждают, что бюджетная и монетарная политики должны не только стимулировать совокупный спрос, но и ограничивать спекулятивные операции, чтобы не возник крах финансовой системы [15].

Кейнсианская традиция не сводится просто к изучению макропроцессов, связанных с появлением недостаточного совокупного спроса и необходимостью вмешательства государства в экономику. В данной традиции макроанализ предусматривает поворот к идеям классической школы и институционально-эволюционного подхода Маркса, так как предполагает признание существенного влияния денег и других институциональных феноменов на поведение субъектов экономики.

Особенности институционально-эволюционного подхода К. Маркса к изучению денежной экономики

Денежная теория Маркса разрабатывалась на основе классической парадигмы, в рамках которой поведение людей рассматривалось в соответствии с аристотелевской традицией — как этически ориентированная, сопровождающаяся возникновением в экономике сложной дуалистической связи сущности и явления. В отличие от неоклассической версии теории стоимости, в классической политэкономии рыночная цена является не экзогенным агрегатом, а общепринятой нормой обменов. При этом естественная цена интерпретируется как справедливая (равновесная), а складывающаяся в зависимости от соотношения спроса и предложения на рынке — как справедливая оценка меновой ценности товара.

В рамках классической школы сформировалась восходящая к идеям Аристотеля традиция отношения к деньгам как к выступающему в символической форме институциональному феномену. Рассуждения Аристотеля сводятся к тому, что деньги (монета) возникают по уговору между людьми, они позволяют обмениваться продуктами труда путем оценивания выполненной работы. Разработанный Марксом институционально-эволюционный подход к анализу денег исходил из того, что стоимость товара является теоретической основой рассмотрения понятия денег. Реализуемый с помощью денег рыночный обмен он изучает как закономерное явление, которое соответствует ценностно-нормативным представлениям субъектов. При этом складываются общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы производственных отношений товарного производства [8, т. 1, 86].

В отличие от экзогенных теорий мейнстрима, Маркс, на основе разработанного подхода, предложил эндогенную теорию денег как особого феномена, относящегося к общественной сфере. Деньги являются результатом эволюции форм стоимости и становятся проявлением меры стоимости, имманентной товарам — рабочего времени [8, т. 1, 104]. С переходом к денежной форме всеобщая эквивалентная форма, в силу общественной привычки, сростается с натуральной формой товара — золотом [8, т. 1, 80]. Золото приобретает особые общественные свойства, что позволяет использовать бумажный символ денег. Подход Маркса к анализу денег предполагает, что

денежные системы функционируют с помощью неформальных норм и установленных государством формальных правил. Общественное признание бумажного символа денег появляется на основе государственного принуждения [8, т. 1, 140]. Исходя из институциональной природы товарно-денежных связей Маркс обосновал несостоятельность закона Сэя, в соответствии с которым неоклассики пытались разработать макротеории, основанные на нейтральной трактовке денег. Он отмечал, что «трудно представить себе что-либо более плоское, чем догмат, будто товарное обращение обязательно создает равновесие между куплями и продажами» [8, т. 1, 123].

Изучая развития экономики через призму институциональных изменений, Маркс показал, что этические установки людей сложным образом вплетены в ткань реальной экономической жизни, приобретая противоречивые формы проявления. Рассматривая деньги как особый институт, с помощью которого создаются экономические процессы и связи, Маркс раскрыл их важную роль в формировании у людей разнообразных иллюзий и заблуждений. Он пишет, что анализ товарного производства, товара и денег, показывает мистифицирующий характер, превращающий общественные отношения в свойства вещей (товара) и само производственное отношение в вещь (деньги) [8, т. 3, ч. 2, 900]. В условиях капиталистического производства мистификация получает несравненно большее развитие; этому способствует формирование институциональных связей, поддерживаемых с помощью принудительных и побудительных мотиваций.

Рассматривая эволюцию товарно-денежных отношений, Маркс обосновал, что с помощью денег наряду с сохранением простого товарно-денежного обмена создаются качественно новые институциональные формы экономических связей, вызванные превращением денег в капитал. При этом он показал, что использование общепринятой денежной формы трудового найма порождает лишь видимость эквивалентной оплаты создаваемой работником стоимости, скрывая реальные процессы подчинения труда капиталу, которые сопровождаются возникновением постоянного и переменного капитала, прибавочной стоимости и других институциональных форм, обусловленных разными способами увеличения стоимости авансированного капитала.

Институциональная трансформация, связанная с преобразованием простого товарного производства в капиталистическое производство, порождает классовое деление общества и факторное распределение доходов, выступающее институциональной формой мистификации капиталистического производства. В связи с этим Маркс саркастически пишет о праве г-на Капитала и г-жи Земли получать вознаграждение за вклад в создание продукта. Он показывает, что происходящие институциональные изменения сопровождаются превращением рыночной цены как общепринятой нормы обмена в другую институциональную форму — цену производства. Вместе с тем, данный процесс необъясним в рамках неоклассического подхода, который игнорирует институциональную природу экономического поведения субъектов и их взаимодействий.

На основе институционально-эволюционного подхода Марксом были разработаны теоретические основы анализа монетарных механизмов деловых циклов развития экономики. Так, он показал, что процесс капиталистического воспроизводства, характеризующийся обновлением основного капитала и воспроизводством базовых институциональных связей, периодически порождает кризисы в связи с усиливающимися диспропорциями между производством и доходами населения. При этом кризисы выступают только временным насильственным разрешением существующих противоречий [8, т. 3, ч. 2, 273].

Происходящий методологический поворот в разработке монетарных теорий таким образом повышает значимость предложенного Марксом институционально-эволюционного подхода, опирающегося на этические идеи Аристотеля. Вместе с тем его монетарная теория содержит ряд противоречий, связанных с недооценкой качественного аспекта анализа затрат общественного труда.

Классическая парадигма и переосмысление механизмов развития денежной экономики

Классическая парадигма ориентирует на изучение экономического поведения субъектов как этически мотивированных, на данной основе появляется возможность, в отличие от монетарных теорий мейнстрима, анализировать макропеременные в качестве эндогенных феноменов, выражающих противоречивую связь темпоральных,

реальных и денежных измерителей макроэкономических процессов. Этическая традиция Аристотеля предполагает изучение феномена денег как инструмента формирования справедливого обмена, обеспечивающего равенство выполненных работ, величина которых зависит от количества труда и его производительности. Поэтому, в соответствии с исследовательской логикой классической школы, реальный выпуск совокупного продукта Y определяется размером произведенной работы, т. е. производительностью труда A и затратами времени общества T , или $Y=A \times T$ (1). Номинальная величина совокупного продукта Y_p зависит от его реальной величины Y и покупательной способности денег P , т. е. $Y_p=P \times Y$ (2) или $Y_p=P \times A \times T$ (3). Применяемая в обществе денежная единица Mu характеризует возникающую связь с ее покупательной способностью и соответствующей величиной части реального продукта Y_u , т. е. $Mu=P \times Y_u$ (4), или $Mu=P \times A \times t_u$ (5), где t_u — затраты необходимого для производства реального продукта Y_u общественного времени.

Следовательно, деньги выступают особым институциональным феноменом, они выполняют роль всеобщего эквивалента, его величина характеризует часть стоимости совокупного продукта и выполненный в связи с этим объем полезной работы. На данной основе возникает возможность более содержательно анализировать другие функции денег — средства обращения, платежа, накопления и мировых денег.

Получившая сегодня распространение государственная теория денег, основанная на их интерпретации как экзогенного феномена, исходит из трактовки государства как субъекта, осуществляющего внешнее вмешательство в экономику. Вместе с тем, опора на классическую парадигму позволяет изучать монетарные процессы развития экономики, складывающиеся под влиянием эндогенных, по своей природе неформальных, норм и формальных правил. При этом государство выступает особым экономическим субъектом, выполняющим роль организатора институциональной системы экономики и координатором ее трансформации [2]. Специфической функцией государства является обеспечение институциональной надежности отношений обмена и денежной системы.

Разработанный Марксом в рамках классической парадигмы институционально-эволюционный подход ориентирует на изучение

монетарных механизмов национальных экономик, складывающихся под влиянием своеобразия условий их исторического развития. Данный подход позволяет рассматривать деньги как специфический инструмент власти, с помощью которого формируются траектории трансформации институтов и способы взаимосвязи экономических интересов. При этом, в условиях институциональных дисфункций, доминирующими группами создается монетарный порядок, позволяющий контролировать финансовые потоки; но механизмы власти при таком порядке во многом скрываются. Вместе с тем, с ростом дисбаланса экономических интересов и институциональных дисфункций усиливается влияние негативных факторов на развитие национальной экономики [2].

Реализация неолиберального подхода, основанного на идеях монетарной версии кейнсианско-неоклассического синтеза при проведении экономической политики, вызвала рост в экономике диспропорций, квазиденег, финансовых пузырей и социального неравенства, а также усиление роли крупных корпораций и ключевых финансовых групп, возникших в результате ослабления государственного регулирования финансовых рынков. В прошедшем десятилетии для многих стран мира особую значимость приобрели проблемы дефицита государственного бюджета, внутренних и внешних национальных долгов, а также трансформации сложившейся мировой валютно-финансовой системы. Неудовлетворительность макротеорий мейнстрима стимулировала изменения в разработке исследовательских подходов под влиянием дискуссии противников и сторонников «современной денежной теории» (Modern Monetary Theory, ММТ), основанной на положениях марксизма, посткейнсианства и нового институционализма [18]. Сторонники ММТ утверждают, что ортодоксальная риторика спекулирует на непонимании складывающихся в современной экономике сложных процессов, поэтому общество стало жертвой устаревшей экономической доктрины. Несостоятельность макротеорий мейнстрима объясняется неадекватной интерпретацией роли государства в экономике и абсолютизацией роли «невидимой руки» рынка. В рамках альтернативной теории, в противоположность ортодоксальным представлениям, правительство выступает особым субъектом экономики, а центральный банк — его агентом, финансирующим государственные расходы в целях

обеспечения полной занятости и экономического роста. При этом ключевую роль в контроле над инфляцией выполняет не денежно-кредитная, а бюджетная политика.

Сложившаяся в результате реализации неолиберального проекта современная система институционального устройства мировой экономики позволяет осуществлять регулирование в интересах глобальных акторов потоков денежно-финансовых ресурсов, способствуя сохранению дифференциации национальных экономик на развитые, полупериферийные и периферийные. Происходившие в прошедшем десятилетии фундаментальные сдвиги в мировой экономике, как показывает академик С.Ю. Глазьев, сопровождались обострением глобальной конкуренции, формированием низких темпов экономического роста в развитых странах мира и значительным ростом показателей капитализации финансового рынка в результате раздувания финансовых пузырей акций так называемых высокотехнологических компаний; при этом многие из них, по сути, выступают виртуальными образованиями в интернете. Американские денежные власти стали активно использовать методы гибридной войны (от санкций до пандемии) для ослабления зависимых государств с целью поглощения их активов. Опережающая эмиссия доллара и раздувание финансовых пузырей выступили важнейшим средством перераспределения национальных богатств в пользу финансово-олигархических кланов путем скупки активов незащищенных валютным регулированием стран, включая Россию [5]. При этом пандемия, накладываясь на мегатенденции разворачивающейся четвертой промышленной революции, стала детонатором глобального кризиса, обусловленного созданием денежной модели глобальной экономики, не позволяющей решать острые социально-экономические и экологические проблемы.

Сложившиеся в современной модели мировой экономики противоречивые институционально-технологические трансформации, связанные с ростом давления крупнейших экономик мира на растущие экономики в целях сохранения существующего миропорядка, использующие доллар в качестве ключевого санкционного инструмента, стимулировали появление тренда на валютную многополярность. Возникшая сегодня беспрецедентная волна антироссийских санкций, включающих замораживание валютных резервов России,

актуализировала задачи дедолларизации внешней торговли для многих стран мира, меняя подходы и отношения на глобальном валютно-финансовом рынке в условиях углубляющегося кризиса мировой экономики. Для России вопросы перехода от торговли в долларах и евро к расчетам в рублях и национальной валюте стран-партнеров приобрели особую значимость. При этом задачи снижения зависимости от доллара на основе диверсификации инструментов международных расчетов и национальных резервов становятся все более значимыми и для целого ряда стран мира.

Современный виток антироссийских санкций обуславливает необходимость смены сложившейся неолиберальной версии российской модели денежной экономики, которая вызвала (в результате абсолютизации роли денежно-кредитных инструментов) развитие стагнационных процессов, финансово-валютные спекуляции и отток капитала за границу (в последнее время примерно 100 млрд дол. в год). Обеспечение экономического суверенитета предполагает реализацию эффективных мер, направленных на формирование и использование коридора возможностей снижения зависимости от доллара и евро на основе диверсификации инструментов международных расчетов. Вместе с тем разработка адекватного ответа на новые стратегические вызовы предполагает отказ от неоклассического мышления и создание мобилизационной модели денежной экономики на основе конструирования институциональных регуляторов денежно-финансовых потоков, ориентированных на реализацию общенациональных интересов, а не интересов узкой группы лиц.

Заключение

Происходящий глобальный финансово-экономический кризис и радикальные изменения сформировавшейся в результате господства доллара валютно-финансовой системы порождают настоятельную необходимость смены парадигмы в науке, направленной на исследование механизмов развития денежной экономики. В сложившихся условиях возрастает значимость реализации методологических установок философии хозяйства и идей разработанной в рамках классической политэкономии институционально-эволюционной теории денег Маркса, ориентирующих на содержательный анализ экономической реальности в результате признания наличия у субъектов ценностно-

экономических мотивов поведения. На данной основе становится возможным пересмотр парадигмальных рамок видения механизмов развития современной денежной экономики на основе изучения эндогенных связей, а также понимания денег как общепринятого символа величины осуществленной полезной работы и соответствующей величины ВВП. Для успешного решения системных проблем построения суверенной российской экономики необходимы смена неолитеральной версии денежной модели и формирование адекватной реальности институциональной модели, обеспечивающей создание эффективных налогово-бюджетных и денежно-кредитных регуляторов, а также радикальную диверсификацию инструментов международных расчетов.

Литература

1. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 73—107.
2. Бирюков В.В. Экономическое развитие как системный процессе культурных и институциональных изменений // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 160—176.
3. Бьерг У. Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. М.: Ad Marginem, 2018.
4. Винер Дж. Концепция полезности в теории ценности и ее критики // Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа, 2000. С. 78—116.
5. Глазьев С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. С. 93—115.
6. Дэвидсон П. Посткейнсианская школа в макроэкономической теории // Вопросы экономики. 2006. № 8. С. 82—101.
7. Кульков В.М. Гетеродоксальная теория: роль в исследовании экономики // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 59—68.
8. Маркс К. Капитал. М.: Политиздат, 1988; 1985; 1986.
9. Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012.

10. *Некипелов А.Д.* Кризис в экономической науке — природа и пути преодоления // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 1. С. 24—37.
11. *Сухарев О.С.* Институционализм: расцвет или упадок? // Общество и экономика. 2021. № 11. С. 18—43.
12. *Шумпетер Й.* История экономического анализа: В 3 т. Т. 3. СПб.: Экономическая школа, 2001.
13. *Эрроу К.Дж.* К теории ценового приспособления // Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 432—447.
14. *Davis A.E.* Money as a Social Institution. The Institutional Development of Capitalism. L.: Routledge, 2017.
15. *Hein E.* Post-Keynesian macroeconomics since the mid-1990s: Main developments // European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention. 2017. Vol. 14. No. 2. P. 131—172.
16. *Huber J.* Sovereign Money. Beyond Reserve Banking. L.: Palgrave Macmillan, 2017.
17. *Lawson T.* The Constitution and Nature of Money // Cambridge Journal of Economics, Oxford University Press. 2018. Vol. 42. No. 3. P. 851—873.
18. *Mitchell W., Wray L.R., Watts W.* Macroeconomics. L.: Macmillan; Red Globe Press, 2019.

References

1. *Baumol' U.* CHego ne znal Al'fred Marshall: vklad XX stoletiya v ekonomicheskuyu teoriyu // Voprosy ekonomiki. 2001. № 2. S. 73—107.
2. *Biryukov V.V.* Ekonomicheskoe razvitie kak sistemnyj processe kul'turnyh i institucional'nyh izmenenij // Filosofiya hozyajstva. 2020. № 1. S. 160—176.
3. *B'erg U.* Kak delayutsya den'gi? Filosofiya postkreditnogo kapitalizma. M.: Ad Marginem, 2018.
4. *Viner Dzh.* Konceptiya poleznosti v teorii cennosti i ee kritiki // Teoriya potrebitel'skogo povedeniya i sprosa. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2000. S. 78—116.
5. *Glaz'ev S.YU.* Global'naya transformaciya cherez prizmu smeny tekhnologicheskikh i mirohozyajstvennykh ukладov // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. S. 93—115.

6. Davidson P. Postkejsianskaya shkola v makroekonomicheskoy teorii // Voprosy ekonomiki. 2006. № 8. S. 82—101.
7. Kul'kov V.M. Geterodoksal'naya teoriya: rol' v issledovanii ekonomiki // Filosofiya hozyajstva. 2021. № 5. S. 59—68.
8. Marks K. Kapital. M.: Politizdat, 1988; 1985; 1986.
9. Mizes L. fon. Teoriya deneg i kredita. CHelyabinsk: Socium, 2012.
10. Nekipelov A.D. Krizis v ekonomicheskoy nauke — priroda i puti preodoleniya // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2019. T. 89. № 1. S. 24—37.
11. Suharev O.S. Institucionalizm: rascvet ili upadok? // Obshchestvo i ekonomika. 2021. № 11. S. 18—43.
12. SHumpeter J. Istoriya ekonomicheskogo analiza: V 3 t. T. 3. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2001.
13. Errou K.Dzh. K teorii cenovogo prispособleniya // Teoriya firmy. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1995. S. 432—447.

М.А.ЧИРКОВ, М.А. ШУМИЛИНА, К.А. НЕФЕДОВА, М.С. ЧИСТЯКОВ

Эмоции и впечатления как продукт эволюции креативных индустрий*

Аннотация. Рассматриваются эмоции, впечатления и воспоминания с позиции нового формата результата процессов, протекающих в креативной экономике. Предлагается тезис о продукте несырьевой направленности экономики знаний и информации постиндустриального развития. Отмечается особая роль цифровых технологий в эволюции креативных индустрий.

Ключевые слова: эмоции, впечатления, креативная экономика, услуги, постиндустриальное развитие.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чирков М.А., Шумилина М.А., Нефедова К.А., Чистяков М.С. Эмоции и впечатления как продукт эволюции креативных индустрий // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 148—159.

Abstract. The article examines emotions, impressions and recalling from the perspective of a new format of the result of the processes taking place in the creative economy. The thesis about the product of non-resource orientation of the knowledge and information economy of post-industrial development is voiced. The special role of digital technologies in the evolution of creative industries is noted.

Keywords: emotions, impressions, creative economy, digital technologies, post-industrial development.

УДК 338.46
ББК 65

Современная экономика, вобравшая в себя не только хозяйственную деятельность человека, но и науку, культуру и искусство, имеет высокотехнологичную креативную направленность развития [23, 16—17]. Это обусловлено синергетическим сочетанием постиндустриального этапа эволюции, которая предполагает качественно иной движущий вектор созидания благ и которую можно верифицировать как «экономику знаний», «экономику творчества», «экономику идей» — или, обобщенно, «креативную экономику», построенную на творческой активности.

У индивида остается стойкая потребность в периодическом переживании определенных состояний, которые, эксплуатируя данную потребность, предоставляет современная «креативная экономика». Эмоции, воспоминания, впечатления стали товарами, которые активно предлагаются, продаются и потребляются.

Под «креативной экономикой (индустрией)» [22] понимают «целостную концепцию взаимодействия между культурой, экономикой и технологиями в современном глобализированном мире, в котором преобладают символы, тексты, звуки и изображения» [24, 8], она основана на продаже товаров и услуг — продуктов интеллектуальной деятельности. Креативная экономика характеризуется особым видом производства творческого продукта, с минимальными затратами ресурсов и высокой добавленной стоимостью, часто в виде услуги. При этом отсутствует четкая привязка к определенной территории.

Определение услуги как особого вида результата производственной деятельности обычно исходит из противопоставления

материальному продукту (по существу, дается негативное определение см., например: [4, 25]). «Идущая в научной литературе на протяжении десятков лет дискуссия о том, что понимать под услугами, пока в большей мере приводит к разработке к некой отрицательной дефиниции, определяемой посредством определения услуг от вещественных благ (товаров), нежели к созданию дефиниции позитивного содержания, раскрывающей глубинную сущность экономической категории “услуга”» [13, 38].

Великобритания, одна из стран-лидеров, предоставляющих услуги (например, финансовые), занимающая главенствующее положение в политике культурных индустрий, стала инициатором изменения дефиниции «культурные индустрии» на «креативные индустрии». Крис Смит в 1998 г., в бытность государственным секретарем по культуре, СМИ и спорту, в своей книге «Креативная Британия» трансформировал данную терминологию, что и стало новшеством в области индустрии эмоций и впечатлений. Трансформация термина «культурные индустрии» привела к более обширному характеру трактования «креативной индустрии», что способствовало достижению правительством Соединенного Королевства ряда экономических показателей. Из документов официального характера исчезла дефиниция «культура», имеющая смысловую нагрузку, ассоциировавшуюся с классическим искусством, но не как с отраслью экономики, что связана с генерацией потребительских эмоций для извлечения прибыли и финансовых выгод на потребностях индивида. Семантически термин стал более широким и, помимо классических привычных направлений творческой деятельности, вобрал в себя ту составляющую деятельности человека, которая приносит коммерческую выгоду, — дизайн, производство программного и информационного продукта.

С теоретических позиций научного обоснования концепция креативных (творческих, культурных) индустрий приобретает окончательное очертание в 1990-е гг. Официально термин, сформулированный в 1998 г., имеет следующую трактовку: «Креативные индустрии — это деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которое несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» [9].

Н. Гариэм [25] предложил отождествленно отличать понятия креативных и культурных индустрий. Д. Хезмондалш сформулировал мотив подобной необходимости в научной мысли. Он связал коммодификацию культуры с концепцией культуры [19, 34]. Синергия коммодификации с технологическими изменениями способствовала формированию индустриализации востребованных сфер культурного производства на рыночной нише культурных продуктов и услуг. Кроме того, профессор считает, что культурная индустрия способствует распространению креативности, управляет ею [19, 36, 38].

Джозеф Б. Пайн II, Джеймс Х. Гилмор в книге «Экономика впечатлений Работа — это театр, а каждый бизнес — сцена» [12] вводят дефиницию «экономика впечатлений». Авторы идентифицируют ее как новый вектор социально-экономических отношений общественного развития постсырьевой экономики и экономики товаров и услуг. В книге озвучивается послыл, что предпосылки для предложения впечатлений возникают тогда, когда компании услугу преподносят как сцену, а товары — в качестве декора для создания увлекательной композиции для привлечения клиента [6].

Авторы настоящего исследования считают, что применение сценарного подхода в индустрии впечатлений является катализатором развития креативного сегмента экономики впечатлений. Имеет значение степень вовлеченности в ролевую составляющую «сценария», причем как в активном, так и в пассивном аспекте. Другим фактором является формат предложения продукта, который и определяет роль клиента в сценарном подходе предлагаемой услуги, например, в таких сферах, как туризм и путешествия. Данный пример наиболее контрастен, учитывая высокий потенциал креативного развития индустрии туризма. Таким образом, синергия всех указанных аспектов и элементов и формирует основные видовые вариации впечатлений:

- 1) формируется «среда погружения» в события (сценарий), тем самым создается иллюзия «ухода от реальной действительности»: данный подход целесообразно рассматривать с позиции активного вовлечения клиента в событийный ряд;
- 2) впечатления познавательного (ознакомительно-обучающего) характера генерируются при активном переживании (поглощении) событий, происходящих в созданном сценарии;

3) отдых развлекательной направленности возможен при пассивном участии в атмосфере событий и отвлеченности;

4) эстетические воспоминания не предполагают активного участия клиента в сценарии отдыха [20, 184—185].

Переживания, эмоции, чувства, воспоминания — основные категориальные единицы индустрии впечатлений, приобретающие более яркую палитру в информационном обществе. В данной сфере их можно верифицировать как товар или услугу, имеющие определенную стоимость, а также как элемент анализа в индустрии развлечений и впечатлений. Эмоции, переживания и чувства все больше приобретают статус индикаторов в направлении деятельности компаний, специализирующихся на оказании услуг, провоцирующих волнующие и положительные переживания и оставляющих воспоминания в сознании человека на долгое время. В общепринятом понимании товар — материальная форма определенных экономических отношений «продавец — покупатель». Услуга — нематериальный формат удовлетворения персонифицированного желания (потребности) индивида (покупателя услуги).

Впечатления, описываемые как «образ, отражение, след, оставляемый в сознании человека окружающими предметами, лицами, событиями» [6] или как «мнение, оценка, сложившиеся после знакомства, соприкосновения с кем-чем-нибудь» [9] на основе личностного переживания, сегодня представляют собой четвертую экономическую категорию, наравне с товаром, сырьем или услугой, но в то же время имеющую характерные отличительные признаки:

1) впечатление является продуктом личного восприятия потребителя, находящегося под воздействием определенного эмоционального фона;

2) впечатление неосознано, что предопределяет роль поставщика данного явления как услуги, с одной стороны, и качество элемента впечатления — с другой;

3) впечатление — сугубо личностное ощущение (переживание) и сохраняется в сознании субъекта восприятия [12].

Концептуально в рамках экономики впечатлений потребитель часто принимает решение, опираясь на иррациональное побуждение, руководствуясь эмоциональным импульсивным порывом.

Несомненно, цифровые технологии и эволюция информационного общества способствовали расширению диапазона распространения креативных индустрий в глобальном масштабе в короткие сроки. Данная тенденция сохраняется и усиливается. Трансферное свойство креативной индустрии эмоций, впечатлений и воспоминаний является одним из факторов ее роста и развития. Данная тенденция объяснима, учитывая, что эмоции являются не только частью человеческого сознания, социальных отношений и коммуникаций, но и вовлечены в современные экономические процессы, в том числе в маркетинговые технологии и решения, являющиеся фактором конкурентных преимуществ отдельного предприятия или стартапа. Современная действительность сформировала экосистему эмоций и впечатлений с универсальным психологическим колоритом в качестве объекта креативной индустрии со всеми атрибутами рыночных отношений [15].

Михаил Михайлович Бахтин считал, что праздник «может оскудеть и даже вырождаться, но он не может исчезнуть вовсе» [2, 103]. Необходимость индивида погрузиться в атмосферу положительных переживаний, отличающихся от повседневных установок и стандартов обыденного поведения, оставляющих воспоминания — это мотив самого человека и потенциал развития креативных индустрий, приобретающий в цифровых реалиях «Индустрии 4.0» новые интерпретации, формы и возможности, способные вывести «эмоциональное погружение» на качественно иной уровень. Прослеживается прямая зависимость влияния креативных индустрий на формирование положительных эмоций и впечатлений у потребителя и воздействия эмоций как продукта, способствующего эволюционному развитию индустрии впечатлений.

Испытываемые эмоции и переживания напрямую влияют на оценочное суждение со стороны клиентов о качестве сервиса предоставляемых услуг, что предопределяет дальнейшее поведение целевой аудитории касемо потенциальной востребованности предложения в будущем. Положительные эмоции напрямую влияют на лояльность потребителя и повышают вероятность повторного обращения к поставщику услуг. Положительные воспоминания конвертируются в ценность креативного продукта. Инвестиции в развитие и расширение позитивного эмоционального восприятия креативного продукта

и качества обслуживания являются залогом успеха фосайт- и бизнес-проектов в креативных индустриях, что позволяет в последующем повысить оптимальный для потребителя ценовой порог предложения [3].

В качестве примера можно привести рекреационный отдых, насыщенный эмоциями и впечатлениями, например, сельский туризм. Первыми популярными объектами агротуризма в бытность «советской туридустрии» стали базы отдыха, в российской реальности вобравшие ряд маркетинговых услуг, например, рыбалку. Данный вид агротуризма в последние годы стал включать в себя целый спектр услуг: гарантированный улов разных видов рыбы в зависимости от места расположения базы, возможность там же получить собственноручно пойманную рыбу в качестве блюда от шеф-повара, то есть ваш улов приготовят прямо на ресторанной кухне загородной базы [16]. Большой потенциал имеет деловой туризм в сочетании с потребностями отдыха после интенсивных деловых встреч и переговоров. Такие поездки останутся незабываемыми, если они будут насыщены «эмоциональными вкраплениями» мероприятий отдыха и развлечений, свободных от решения деловых вопросов [1]. Позитивные эмоции, испытываемые потребителем, являются опосредованным связующим элементом ассоциации с предоставляемой услугой (товаром), с одной стороны, с другой — гарантом лояльности клиента в будущем.

Последующие диверсификационные изменения культурного поля будут способствовать росту потенциала и эволюции креативных индустрий. Глобализационные мировые процессы делают транспарентными новые рынки и расширяют рыночные ниши. Иной процесс — «выравнивание» архитектуры потребления на фоне глобализации, «размывание» очертания национального идентичного потребления и культурной идентификации, что в итоге может сказаться на росте экономической энтропии [9].

Значительный потенциал эволюции креативных индустрий подтверждается мнением американского экономиста и социолога Ричарда Флориды, автора теории креативного класса, о том, что креативность является основным источником экономического развития. Ученый предлагает определенную социальную группу, занятую в постиндустриальной экономике, относить к креативному классу. К

нему он относит «носителей» инженерно-технических специальностей, научную и творческую интеллигенцию, представителей культуры, искусства, СМИ — работников широкого спектра интеллектуального труда [18].

Эмоции и впечатления — особый вид продукта информационных рыночных отношений в условиях «все возрастающей ценности интеллектуального капитала» [8]. Впечатления приобретают особый смысл при незабываемом восприятии процесса потребления. От того, как быстро произойдет осознание действительности, в котором эмоции и впечатление отождествляются с особым видом рыночного предложения, будет зависеть конструктивное развитие креативной индустрии и экономики впечатлений постиндустриального развития информационного общества.

Литература

1. *Асеева М.А., Золкин А.Л.* Исследование процесса разработки и продвижения на рынок туристских услуг международных деловых туров // Инновационные технологии на железнодорожном транспорте. Труды XXIV Всероссийской научно-практической конференции. Красноярский институт железнодорожного транспорта — филиал ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения». Красноярск: КрИЖТ ИрГУПС, 2020. С. 23—27.
2. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худ. лит., 1990.
3. *Бацына Я.В.* Эмоциональный аспект качества услуг в индустрии гостеприимства // Успехи современной науки и образования. 2017. № 6. Т. 1. С. 67—70.
4. *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Монография. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте.
5. *Габулова С.А., Гусарова С.В., Золкин А.Л.* Социально-психологическая характеристика лиц пожилого возраста // Сурский вестник. 2022. № 1 (17). С. 51—57.
6. *Гилмор Д.Х., Пайн Д.Б.* Экономика впечатлений: как превратить покупку в захватывающее действие. М.: Альпина паблишер, 2011.

7. Гусарова С.В., Асеева М.А., Золкин А.Л. Волшебный и чарующий мир: взгляд на историю и будущее жанра фэнтези с позиции заинтересованного читателя. Монография. М.: КноРус, 2022.

8. Дмитриев Н.Д. Институт интеллектуальной собственности в комплексной социальной системе: экономико-правовой аспект // E-SCIO. 2021. № 9 (60). С. 33—349.

9. Кириллова А.А., Кузнецова Л.М. Теоретические аспекты процесса стимулирования персонала // Научные записки ОрелГИЭТ. 2017. № 5 (23). С. 56—60.

10. Креативные индустрии: экономическая ценность и культурное содержание: URL: https://event-live.ru/articles/mnenie/mnenie-1_529.html (дата обращения: 05.04.2022).

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: URL: <http://ozhegov.info/slovar/?q=%D0%92%D0%BF%D0%B5%D1%87%D0%B0%D1%82%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 03.06.2021).

12. Пайн Д.Б., Гилмора Д.Х. Экономика впечатлений. Работа — это театр, а каждый бизнес — сцена. М.: Вильямс, 2005.

13. Перепелкин В.А. Понятие «услуга» в экономической теории // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 69. С. 38.

14. Подберезкин А.И. Человеческий капитал и посткоммунистическая идеология // Национальный человеческий капитал: В 5 т. Т. 1. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 11—286.

15. Розанов В.В. Собр. соч. Около церковных стен / Под ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 1995.

16. Ткаченко К.И., Золкин А.Л., Чистяков М.С., Косников С.Н. Туризм как фактор развития сельских территорий Краснодарского края // Управленческий учет. 2021. № 5—1. С. 162—168.

17. Утюж А.С., Загорский В.А., Юмашев А.В., Нефедова И.В., Лушков Р.М. Оценка психоэмоционального статуса и анализ уровня тревожности у студентов первого курса медицинского университета. // Роль науки в развитии общества. Сборник статей Международной научно-практической конференции: В 2 ч. / Под ред. А.А. Сукиасяна. Пенза: Омега Сайнс, 2016. С. 148—157.

18. Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые создают будущее М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

19. Хезмондалиш Д. Культурные индустрии. М.: И.Д. Высшей школы экономики, 2014.
20. Чекушов А.А., Чистяков М.С. Индустрия впечатлений как драйвер развития сферы туризма // Материалы XVI Международной научно-практической конференции «Современное состояние и потенциал развития туризма в России» (10—11 октября 2019 г.) / Под общ. ред. Е.В. Кулагиной. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019.
21. Чепьюк О.Р. Инновационное общество как матрица современной культуры // Философия и культура. 2015. № 8. С. 1169—1174.
22. Что такое креативные индустрии? // РБК тренды: URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5dd54dbf9a79471180f57ce7> (дата обращения: 27.05.2021).
23. Cunningham S., Banks J., Potts J. Cultural economy: The shape of the field // The Cultural Economy. The Cultures and Globalization Series 2 / H. Anheier, Y.R. Isar (eds). London: SAGE Publications, 2008. P. 15—26.
24. Creative Economy Report 2008: The challenge of assessing the creative economy towards informed Policy-making 2008: URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditc20082cer_en.pdf (дата обращения: 01.06.2021).
25. Garnham N. From cultural to creative industries. An analysis of the implications of the «creative industries» approach to arts and media policy making in the United Kingdom // International Journal of Cultural Policy. 2005. Vol. 11. No 1. P. 15—29.

Reference

1. Aseeva M.A., Zolkin A.L. Issledovanie processa razrabotki i prodvizheniya na rynek turistskih uslug mezhdunarodnyh delovyh turov // Innovacionnye tekhnologii na zheleznodorozhnom transporte. Trudy XXIV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnoyarskij institut zheleznodorozhnogo transporta — filial FGBOU VO «Irkutskij gosudarstvennyj universitet putej soobshcheniya». Krasnoyarsk: KrIZHT IrGUPS, 2020. S. 23—27.
2. Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa. 2-e izd. M.: Hudozh. lit., 1990.

3. *Bacyna YA.V.* Emocional'nyj aspekt kachestva uslug v industrii gostepriimstva // *Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 2017. № 6. T. 1. S. 67—70.
4. *Bodrunov S.D.* Gryadushchee. Novoe industrial'noe obshchestvo: perezagruzka. Monografiya. Izd. 2-e, ispr. i dop. SPb.: INIR im. S.YU. Vitte.
5. *Gabulova S.A., Gusarova S.V., Zolkin A.L.* Social'no-psihologicheskaya harakteristika lic pozhilogo vozrasta // *Surskij vestnik*. 2022. № 1 (17). S. 51—57.
6. *Gilmor D.X., Pajm D.B.* Ekonomika vpechatlenij: kak prevratit' pokupku v zahvatyvayushchee dejstvie. M.: Al'pina pabliher, 2011.
7. *Gusarova S.V., Aseeva M.A., Zolkin A.L.* Volshebnyj i charuyushchij mir: vzglyad na istoriyu i budushchee zhanra fentezi s pozicii zainteresovannogo chitatelya. Monografiya. M.: KnoRus, 2022. 136 s.
8. *Dmitriev N.D.* Institut intellektual'noj sobstvennosti v kompleksnoj social'noj sisteme: ekonomiko-pravovoj aspekt // *E-SCIO*. 2021. № 9 (60). S. 33—349.
9. *Kirillova A.A., Kuznecova L.M.* Teoreticheskie aspekty processa stimulirovaniya personala // *Nauchnye zapiski OrelGIET*. 2017. № 5 (23). S. 56—60.
10. Kreativnye industrii: ekonomicheskaya cennost' i kul'turnoe sodержanie: URL: https://event-live.ru/articles/mnenie/mnenie-1_529.html (data obrashcheniya: 05.04.2022).
11. *Ozhegov S.I., SHvedova N.YU.* Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: URL: <http://ozhegov.info/slovar/?q=%D0%92%D0%BF%D0%B5%D1%87%D0%B0%D1%82%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (data obrashcheniya: 03.06.2021).
12. *Pajm D.B., Gilmora D.H.* Ekonomika vpechatlenij. Rabota — eto teatr, a kazhdyj biznes — scena. M.: Vil'yams, 2005.
13. *Perepelkin V.A.* Ponyatie «usluga» v ekonomicheskoy teorii // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 69. S. 38.
14. *Podberezkin A.I.* CHelovecheskij kapital i postkommunisticheskaya ideologiya // *Nacional'nyj chelovecheskij kapital*: V 5 t. T. 1. M.: MGIMO-Universitet, 2012. S. 11—286.
15. *Rozanov V.V.* *Sobr. soch. Okolo cerkovnyh sten* / Pod red. A.N. Nikol'yukina. M.: Respublika, 1995.

16. Tkachenko K.I., Zolkin A.L., CHistyakov M.S., Kosnikov S.N. Turizm kak faktor razvitiya sel'skih territorij Krasnodarskogo kraya // *Upravlencheskiy uchet*. 2021. № 5—1. S. 162—168.
17. Utyuzh A.S., Zagorskij V.A., YUmashev A.V., Nefedova I.V., Lushkov R.M. Ocenka psihoemocional'nogo statusa i analiz urovnya trevozhnosti u studentov pervogo kursa medicinskogo universiteta. // *Rol' nauki v razvitii obshchestva*. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: V 2 ch. / Pod red. A.A. Sukiasyana. Penza: Omega Sajns, 2016. S. 148—157.
18. Florida R. Kreativnyj klass: Lyudi, kotorye sozdayut budushchee M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016.
19. Hezmondalsh D. Kul'turnye industrii. M.: I.D. Vysshej shkoly ekonomiki, 2014.
20. CHEkushov A.A., CHistyakov M.S. Industriya vpechatlenij kak drajver razvitiya sfery turizma // *Materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sovremennoe sostoyanie i potencial razvitiya turizma v Rossii» (10—11 oktyabrya 2019 g.)* / Pod obshch. red. E.V. Kulaginoj. Omsk: Izd-vo OmGTU, 2019.
21. CHEp'yuk O.R. Innovacionnoe obshchestvo kak matrica sovremennoj kul'tury // *Filosofiya i kul'tura*. 2015. № 8. S. 1169—1174.
22. CHto takoe kreativnye industrii? // *RBK trendy*: URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5dd54dbf9a79471180f57ce7> (data obrashcheniya: 27.05.2021).

Е.Ю. ВОЛКОВА

Влияние национальной модели на развитие стратегического управления экономикой РФ*

Аннотация. Целью статьи является исследование влияния особенностей национальной модели РФ на развитие и текущее состояние системы стратегического управления экономикой с

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Волкова Е.Ю. Влияние национальной модели на развитие стратегического управления экономикой РФ // *Философия хозяйства*. 2022. № 3. С. 159—185.

использованием программно-целевого подхода в условиях противоречивых мировых тенденций, таких как глобализация и усиление национальной политики. Автором дана характеристика национальной модели развития РФ с учетом государственных целей и механизмов их реализации. Показано формирование принципов стратегического управления в РФ на основе западной модели нового государственного управления. В статье выделены основные факторы национальной модели, приводящие к снижению эффективности стратегического управления в настоящее время: национально-географический, культурно-ментальный, исторический, бюджетный и институциональный. Сделан вывод о значительной взаимозависимости методов стратегического управления в РФ и национальных факторов развития.

Ключевые слова: национальная модель, управление экономикой, стратегическое управление, глобализация, национальный подход, государственная политика, эффективность стратегического управления, программно-целевой подход.

Abstract. The purpose of the article is to study the influence of Russian national model features on the development and current position of the strategic management system of economy using a program-oriented approach in the context of contradictory global trends, such as globalization and the simultaneous strengthening of national policy. Author characterizes the national development model of the Russian Federation, taking into account government goals and mechanisms for their implementation. The formation of the strategic management principles in Russian Federation on the basis of Western model of new public administration is shown. In the article it's identified that the main factors of the national model is leading us to a decrease in the strategic management effectiveness and they're: national-geographical, cultural-mental, historical, budgetary and institutional. The conclusion is made about the significant interdependence of strategic management methods in the Russian Federation and national development factors.

Keywords: national model, management of economy, strategic management, globalization, national approach, government policy, effectiveness of strategic management, program-oriented approach.

УДК: 338.242.4
ББК: 65.050

Введение

В современной науке не утихает дискуссия о важности отражения национальной специфики страны при анализе ее экономических процессов. С этой точки зрения существует два противоположных полюса в экономической теории: универсальный подход и национально-ориентированный подход. Сторонники универсального подхода отстаивают значимость единого вектора развития для всех стран в условиях глобализации мировой экономики и возрастающей взаимозависимости государств; они предлагают одинаковые рецепты решения экономических проблем независимо от особенностей развития страны. Национально-ориентированный подход утверждает, что эффективность применения передовых практик государственного управления экономикой, включая внедрение государственных институтов развития, значительно зависит от особенностей национальной экономической системы (или модели) рассматриваемой страны. В частности, при оценке эффективности экономической политики должны учитываться тип политической системы, принятые институциональные механизмы, наличие системной автономии или интеграции, а также склонность государственных органов к справедливой оценке своей деятельности, методология оценки и коммуникационные стратегии, используемые для донесения информации для граждан и бизнеса [24].

Важной чертой второго десятилетия XXI в. является постепенное изменение соотношения между тенденциями глобализации и национализации в экономиках стран мира. Как утверждает профессор В.М. Кульков, причинами этого стали кризис мирохозяйственных отношений и кризис глобализации, выразившийся «в отходе от господствовавшего акцента на финансово-торговой сфере в пользу производственного подхода, сопряженного с контролем над производственными цепочками», которые связаны с национальными экономическими интересами [10, 51—52].

В обозначенных условиях для России высокую актуальность приобретает анализ влияния национальной модели на стратегическое управление развитием экономики с использованием программно-

целевого подхода для реализации запланированных задач. Данная государственная функция имеет системный характер и включает многолетнее бюджетное планирование, оценку финансовых рисков, прогнозирование, соблюдение бюджетного цикла органов власти, взаимодействие с заинтересованными сторонами, регулярную оценку бюджетных расходов и аудит эффективности [26, 748].

Становление системы стратегического управления развитием экономики в РФ можно отнести к категории процессов, для которых национальные особенности являются определяющими. Прежде всего, система нацелена на достижение национальных целей развития и опирается на имеющиеся в наличии у государства материальные, трудовые и интеллектуальные ресурсы, используя специфические управленческие подходы для реализации планов. В качестве примера можно привести Европейский союз, где «общеевропейское стратегическое планирование не исключает, но дополняет национальные системы стратегического планирования» [22, 82—83]. Однако двадцатилетний опыт применения стратегического управления в РФ (с использованием программно-целевого подхода) нельзя назвать успешным, так как не решены основные проблемы структурной перестройки экономики, не достигаются цели социально-экономического развития, сформулированные Президентом РФ и стратегическими документами разного уровня, РФ не вышла на траекторию устойчивого роста на инновационной основе. Эффективность государственных программ и национальных проектов также невысока, а методы ее оценки вызывают вопросы ученых-экономистов по адекватному отражению результатов программ. В целом, к текущему моменту, в РФ еще не сложилась целостная система стратегического управления и применения программно-целевого подхода на практике. Отсутствует стратегия социально-экономического развития страны. Программы часто меняются и переформируются: сначала были федеральные целевые программы, затем утверждены государственные программы, введен механизм национальных проектов, в 2021 г. принят ряд стратегических инициатив; многие программы и проекты были закрыты без достижения цели, а затем сформулированы новые. Это говорит о том, что программные механизмы управления экономикой находятся в стадии становления, и в текущий

момент в системе стратегического управления нет стандартизированных процессов их работы.

РФ имеет свои национальные особенности и собственный путь экономического развития. Как показывает практика, универсальная теория стратегического менеджмента и программного управления может не работать в российских реалиях. В контексте данного вопроса необходимо вести речь о взаимовлиянии, так как национальная модель, безусловно, влияет на систему стратегического управления, но стратегическое управление, в свою очередь, нацелено на изменение существующей модели с целью позитивного развития, формируя «замкнутый круг», зачастую приводящий к попаданию в колею [11, 48—52], которую сложно преодолеть. Целями данной работы являются выявление особенностей национальной экономической модели РФ, особенностей стратегического управления страной и описание механизмов их взаимовлияния. Для этого автором выделены факторы, которые определяют современное состояние российской системы стратегического управления. Данный анализ позволит сделать вывод по вопросу: является ли российская государственная система стратегического управления экономикой универсальной или носит ярко выраженный национальный характер?

Национальная модель развития РФ

Существуют различные определения национальной модели. По мнению профессора МГУ В.М. Кулькова, «под национальной экономической моделью следует понимать систему экономических отношений в единстве с присущими стране экономическими и неэкономическими, внутренними и внешними факторами, отражающую воздействие всех этих факторов на экономику страны, обеспечивающую ее устойчивое функционирование и развитие, поддержание жизнедеятельности и расширенного воспроизводства на национальной территории и реализующую стоящие перед страной долгосрочные цели» [12, 24].

Поскольку глобализация имеет свои объективные причины, включая наличие технологической возможности для связи людей из разных регионов планеты и передачи между ними финансовых, информационных и товарных потоков, она имеет определяющее влияние на государственное целеполагание. Если взять стратегические

документы различных стран или послушать заявления их политических лидеров, то национальные цели будут очень похожи: технологическое лидерство и расширение международной торговли, повышение качества жизни населения и решение проблемы бедности, повышение темпов экономического роста, стремление к получению политического влияния в мире, решение экологических и социальных проблем, стимулирование частной инициативы предпринимателей. В стратегиях развития РФ эти цели также представлены, и они не являются уникальными. Уникальным в данных условиях может быть выбор национальных путей развития в зависимости от наиболее острых проблем, присущих каждому государству. Например, в Африке остро стоит проблема перенаселения и бедности. Для России, наоборот, актуальна задача повышения рождаемости. Сущность национального аспекта в стратегическом управлении состоит в том, что каждая страна должна по разному идти к своим приоритетам в зависимости от имеющихся проблем (т. е. «стартовой позиции»), структуры экономики, особенностей исторического развития, менталитета и других национальных черт.

Стратегия представляет собой детальный путь достижения выбранных целей, опирающийся на наличие имеющихся ресурсов; в этом смысле стратегия уникальна для каждого государства и определяется национальной спецификой. Программно-целевой подход является инструментом реализации стратегии, поэтому его эффективность тесно связана с национальной моделью. Однако методы измерения эффективности стратегического управления и использования программного подхода скорее универсальны, поскольку основаны на рациональных показателях (хотя некоторые качественные характеристики могут иметь субъективные особенности при оценке).

Ярко выраженную национальную специфику всегда имеет функция управления, в частности, в данной статье речь идет об управлении системой стратегического планирования. Выбор управленческой модели зависит от менталитета чиновников и граждан государства, культуры и ключевых ценностей общества, географического размера территории и фактора многонациональности. Исследования зарубежных экономистов подтверждают, что на реализацию государственных программ и управление ими сильно влияет местный контекст; вмешательство, успешное в одном месте, не всегда

дает такие же результаты в другом [27, 1]. В основе идентификации национальной системы лежат долгосрочные цели национального развития, а также экономические (уровень развития производительных сил) и неэкономические факторы (цивилизационные, природные, геополитические) [9, 208].

Рассмотрим, какие особенности отличают национальную модель РФ. Национальные цели РФ определяются целым рядом стратегических документов на высшем уровне. В первую очередь важны национальные цели социально-экономического развития, поставленные Президентом РФ в указе № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»: сохранение населения, здоровья и благополучия людей, обеспечение возможностей для самореализации и развития талантов, комфортная и безопасная среды для жизни и достойного, эффективного труда, успешное предпринимательство и цифровая трансформация [14]. Из стратегических документов, определенных в федеральном законе № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [17], в настоящий момент принята стратегия национальной безопасности от 02.07.2021 г., а также стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. от 13.02.2019 г. Единая стратегия социально-экономического развития РФ в настоящий момент отсутствует.

Стратегическими национальными приоритетами в области развития экономики, отраженными в стратегии национальной безопасности, являются сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, экономическая безопасность, научно-технологическое развитие, взаимовыгодное международное сотрудничество [16]. Целью пространственного развития Российской Федерации является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также обеспечение национальной безопасности страны [20].

Российские ученые выдвигают свои подходы к определению целей успешного государственного развития. Например, А.Б. Данилин утверждает, что для этого государству необходимо обладать реальным суверенитетом в политической, экономической, военной, технологической, научной, образовательной, информационной,

культурной, идеологической областях [6]. Степень достижения суверенитета в каждой области оценивается по ряду конкретных количественных и качественных показателей. Соответственно, положительная динамика данных показателей означает развитие государства вперед.

Можно выделить следующие основные особенности российской национальной модели, каждая из которых может снижать или повышать эффективность системы стратегического управления экономикой:

- 1) отставание от лучших мировых практик научно-технологического прогресса — следствие исторических особенностей развития и общей сложности догоняющего развития;
- 2) значимая роль государства в управлении экономикой, включая стратегическое управление и планирование, слабость частной предпринимательской инициативы;
- 3) большая доля государственной собственности, особенно в стратегически значимых отраслях;
- 4) высокая доля сырьевых отраслей в промышленности и структуре экспорта;
- 5) превалирование финансово-кредитной сферы над реальным сектором производства;
- 6) сильное материальное неравенство среди населения;
- 7) замедление темпов экономического роста на уровне ниже среднемировых;
- 8) большая территория и разнообразие природно-климатических зон, неравномерное распределение населения по территории государства;
- 9) многонациональность и многоконфессиональность, определяющая различные экономические ценности у разных групп населения;
- 10) значительный ресурсный потенциал;
- 11) социокультурные особенности населения, определяющие его менталитет и, как следствие, высокий уровень социальных ожиданий от государства.

Также зарубежные исследователи в качестве национальных факторов выделяют высокий уровень коррупции, значительную долю неформальной экономики и слабость государственных

институтов развития. Это блокирует предпринимательскую инициативу и снижает доверие к правительству. В таких условиях многие меры экономической политики, являющиеся лучшими практиками в развитых странах, не работают с ожидаемой степенью эффективности. Например, влияние субсидий на неформальную экономику незначительно [28, 605—637].

В последние годы власти РФ стараются реформировать систему управления экономикой с целью изменения ее структуры и отхода от сырьевой модели, что выражается, например, в усилении роли стратегических программ, национальных проектов и импортозамещения. Однако, несмотря на это, российская национальная модель имеет признаки квази-системы: является неразвитой и опирается на постоянно воспроизводящуюся деформированную производственную структуру [9, 209—210]. Мы считаем, что для достижения национальных целей необходимо преодолеть указанные деформации при помощи механизмов стратегического планирования и управления экономикой. Целью программно-подходного подхода в условиях ограниченных бюджетных ресурсов является изменение структуры экономики с тем, чтобы новая модель, основанная на лидерстве РФ в высокотехнологичных отраслях, могла успешно воспроизводиться на основе частного предпринимательства.

Развитие стратегического управления государством

В экономической науке проблема стратегического управления развитием экономики начала разрабатываться сравнительно недавно, в середине XX в. Сам термин «стратегическое управление» стал использоваться с 1960-х гг. для того, чтобы показать отличие управления, осуществляемого на высшем уровне, от текущего — на оперативном уровне. Сначала его применяли в частном бизнесе, но затем пришло понимание, что принципы стратегического управления также можно успешно применять в государственной деятельности с учетом некоторых ее особенностей. Применение инструментов стратегического менеджмента к управлению государством и государственными чиновниками связано с переходом в 1970-х гг. к модели нового государственного управления. Эта модель начала применяться в развитых странах Запада в 1970—1980 гг. — в то же время, когда начался бум стратегического управления в организациях.

Модель нового государственного управления применяет рыночные подходы к управлению государством с целью сделать его эффективным при минимуме затрат. Произошел перенос основных принципов менеджмента из частного бизнеса на государственный уровень.

Однако следует учитывать, что механизмы управления развитием экономики государства имеют свои особенности. Их некорректное применение путем копирования универсальных западных стандартов наряду с деформациями российской экономической модели стало причиной неэффективности системы стратегического управления РФ.

И. Ансофф одним из первых предложил перенести инструменты стратегического менеджмента на управление государством, отмечая много параллелей между двумя этими процессами. Особое внимание экономист обращал на необходимость стратегического планирования и управления на государственном уровне. Он утверждал, что «на уровне всего народного хозяйства должна усилиться политическая, “задающая” функция государственного планирования, формирующая структуру и пропорции, направления и темпы развития социалистической экономики и ее крупных звеньев в долгосрочной перспективе» [2, 2]. При этом должны происходить ослабление директивно-командной направленности государства и внедрение косвенных методов регулирования экономики «через систему экономических нормативов, индикативных (имеющих рекомендательный характер) планов, ориентирующих контрольных цифр, а также немногочисленных лимитов [2, 2]. М. Портер указывал на изменение роли государства в управлении экономикой, которая теперь должна больше сводиться к обеспечению конкурентных преимуществ национальной экономики на мировом рынке, что обеспечивается долгосрочным стратегическим планированием. Экономист выделил пять основных сил, определяющих конкурентоспособность национальной экономики: факторы и ресурсы производства, параметры спроса, родственные и поддерживающие отрасли, условия развития конкуренции, и основной фактор, объединяющий первые четыре, — определяющая роль государства, воздействующего на все характеристики бизнес-среды [18].

В современную эпоху цифровизации стратегическое прогнозирование и планирование получили новый импульс к развитию,

обусловленный появлением новых технологических возможностей для проведения исследований, таких как анализ больших данных и алгоритмы искусственного интеллекта, которые позволяют создавать множество сценариев развития экономики с использованием различных параметров и моделировать любые социально-экономические процессы [8, 50]. Цифровые технологии делают возможным широкое использование системы сбалансированных показателей как инструмента стратегического управления, который позволяет увязать бюджетный процесс с целями социально-экономического развития страны и регионов. Для повышения эффективности стратегического управления вся система должна быть автоматизирована на современной цифровой платформе и стать основой деятельности электронного правительства. Такая задача поставлена и успешно реализуется в государственной программе «Цифровая экономика», утвержденной в 2018 г. в РФ [1, 19—25].

В настоящее время стратегический менеджмент является нормальной практикой в органах власти практически во всех странах мира. Наличие научно обоснованной и постоянно поддерживаемой системы целей стратегического государственного управления является признаком высокого качества государственного управления. Исследования показывают, что качество стратегического управления положительно связано с прозрачностью деятельности правительства, однако, нужно сказать, что оно не определяется напрямую количеством стратегических целей и показателей эффективности [25]. Программные методы также обязаны своим возникновением модели нового государственного управления, в которой начали активно применяться программно-целевой подход, бюджетирование, ориентированное на результат, оценка эффективности результатов деятельности. Бюджетирование, ориентированное на результат, включает четыре компонента: стратегическое планирование, среднесрочное финансовое планирование, программно-целевой подход и разделение бюджета по задачам.

В настоящее время программно-целевой подход с использованием проектного и сетевого методов управления признан наиболее эффективным в качестве механизма реализации стратегии. В РФ такими инструментами реализации национальных приоритетов являются государственные и федеральные программы, национальные

проекты и стратегические инициативы; они встроены в систему стратегического управления и закреплены на законодательном уровне.

Факторы, формирующие национальную модель стратегического управления экономикой РФ

В государственном управлении стратегия представляет собой план действий, направленный на достижение государством ряда целей по развитию определенных областей, в том числе экономики. С.Ю. Глазьев выделил три основные модели систем стратегического планирования и управления, распространенные в мире. Первая модель основана на главенствующей роли бюджетного планирования и мерах по исполнению бюджетов, при этом бюджет отражает приоритеты развития экономики (США, Канада, Великобритания). В странах второй модели (Индия, Китай, Япония, Южная Корея, страны Латинской Америки) существует развитая система государственных органов планирования и институтов развития, которые определяют стратегические цели и направления развития, а также реализуют их при помощи бюджетной политики, выполняя координирующую функцию.

Третья модель характерна для России, Кубы, Вьетнама и других бывших социалистических стран, так как она основана на советском опыте директивного планирования. Согласно этой модели, государством устанавливаются общие цели социально-экономического развития и показатели их достижения, они реализуются за счет рыночных механизмов и методов косвенного регулирования. Государство при этом проводит стимулирующую кредитно-денежную и бюджетно-налоговую политику, а также сохраняет контроль над экономикой через систему государственных компаний и банков. Финансирование государством структурной перестройки экономики осуществляется через институты развития посредством предоставления целевых кредитов [5, 15].

При разработке системы стратегического планирования на государственном уровне различают две разновидности планов: директивные и индикативные. Директивные планы обязательны для исполнения на законодательной основе, они имеют детальный и адресный характер. Такого рода планы использовались в командной экономике СССР и других социалистических стран. Индикативное

планирование носит рекомендательный характер и представляет собой набор индикаторов, характеризующих желаемое развитие экономики. Такая система планирования применяется в капиталистических странах для регулирования макроэкономического развития. Директивное планирование также применяется современными государствами для решения обязательных задач по охране окружающей среды, структурной перестройке экономики, социальной политики и др.

Различием двух указанных типов стратегического планирования объясняются исторические особенности национальной модели РФ в области стратегического управления развитием экономики, его сравнительная неэффективность. В РФ, по сравнению с развитыми капиталистическими странами Запада, опыт применения индикативного программирования невелик (с середины 1990-х гг., тогда как западные страны успешно применяют указанные механизмы с начала XX в.). В настоящее время, в РФ применяется индикативное планирование, которое выполняет координирующую функцию, показывая цели развития страны. В целом, на систему стратегического управления в РФ оказывают влияние следующие национальные факторы: географический и национальный, культурно-ментальный, исторический, бюджетный, институциональный.

Географический и национальный факторы

Для РФ, с ее огромной территорией и неоднородным развитием регионов, географический аспект формирования стратегии развития экономики является особенно актуальным. Это выражается в наличии многоуровневой иерархии управления, разнородности управляемых объектов, большой численности заинтересованных стейкхолдеров, которыми являются жители страны, сложных взаимосвязях между субъектами управления, а также в отсутствии прямых управляющих механизмов в некоторых областях деятельности. В таких условиях сложно настроить эффективную систему управления стратегическим развитием.

Иерархию управления в РФ составляют такие субъекты, как федеральный центр, макрорегионы, регионы, города, муниципальные образования, государственные и частные организации различных форм деятельности, население страны. Указанные субъекты

разнородны по территориально-географическому расположению, уровню материально-технического развития, качеству жизни, наличию ресурсов, культурно-образовательному уровню и народным традициям, политическим воззрениям и прочим факторам; связи между всеми категориями заинтересованных лиц имеют комплексный характер, взаимовлияют друг на друга и зачастую сложно поддаются исчерпывающему описанию. В рамках рыночной экономики и демократической системы управления государство имеет гораздо меньше рычагов прямого воздействия, чем это было при плановой экономике в период СССР, поэтому большая часть экономических преобразований должна внедряться при помощи адекватной системы стимулов, льгот, установления законодательных рамок, а не директивным путем. Вышеперечисленные проблемы порождают сложности в реализации процесса стратегического управления развитием экономики государства.

В условиях сильной территориальной разобщенности федеральному центру целесообразно делегировать часть властных полномочий субъектам федерации, а за собой оставить установление стратегических целей высшего уровня и формирование законодательных и институциональных рамок, обеспечивая единый путь развития всех регионов. Этот подход по целям соответствует современной методике управления: стратегия центра становится целью для субъектов федерации, а субъекты в свою очередь спускают цель на уровень муниципальных образований. При этом регионам предоставляется самостоятельность в выборе путей достижения цели. Здесь важно достичь финансовой самостоятельности регионов, дожидаться проявления инвестиционной инициативы с их стороны. Управление регионами не должно сводиться к решению текущих проблем, а должно работать на перспективу. Для этого государству необходимо проводить политику регионализации управления, создавая соответствующие структурно-законодательные предпосылки.

Влияние географического фактора нашло отражение в постановлении Правительства РФ № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» [15], принятом в 2021 г., где были выделены комплексные государственные программы, которые имеют межтерриториальный и межотраслевой характер. Стратегия в государстве выступает как программа реформ и

стратегических изменений. Этот процесс имеет свои особенности. Сначала нужно определить области стратегических изменений. Эта работа начинается с анализа того, насколько подходит текущая организационно-институциональная структура государства для реализации утвержденной стратегии и на какие уровни власти должно быть возложено проведение конкретных мероприятий по достижению целей. Система органов, или институтов власти, не должна быть сложной, иначе бюрократические процедуры будут тормозить внедрение изменений. В результате анализа может быть принято решение о перестроении властной иерархии и перераспределении функционала между ведомствами и министерствами.

Культурно-ментальный фактор

Следующими важными составляющими успеха стратегического управления являются культура населения и национальные особенности менталитета. В каждом государстве исторически сложились свои понятия о социальной справедливости, личной ответственности, доверии государству, предпочтении либерального или директивного управления и т. п. Например, в США ведущей ценностью является рыночная экономика с высокой степенью конкуренции. В РФ, наоборот, сильны патерналистские настроения и стремление полагаться на государство во многих вопросах (образование, здравоохранение, система социальных льгот). Поэтому механизмы, которые будут работать в одной стране, могут не прижиться в другой. Менталитет очень медленно поддается изменению и меняется, в основном, путем культурно-просветительской работы в системе образования. Без учета данного фактора реализация стратегии обречена на провал из-за потенциального сопротивления изменениям.

Культурный фактор влияет и на модель управления реализацией государственных программ и национальных проектов, определяя менталитет чиновников и их менеджерские качества. Многие экономисты, среди них А.Л. Кудрин, говорят о необходимости трансформации государственного управления, одновременно с ослаблением контроля и стимулированием предпринимательской инициативы. В качестве шагов по достижению стратегии А.Л. Кудрин предложил «перейти на госуправление по приоритетам: деятельность правительства должна быть нацелена на выполнение стратегических

приоритетов, а повседневная работа должна стать эффективной, незаметной для граждан и большей частью — цифровой <...> Необходимо создать Центр эффективности госуправления, который будет нацелен на внедрение лучших практик управления» [19]. Сейчас цели не выполняются из-за отсутствия сфокусированности ресурсов.

Психологическими причинами, боязнью ответственности можно объяснить недостаток проектов и государственных инвестиций. Потенциально выгодные инвестиционные проекты несут рыночные риски, на которые трудно пойти отечественным чиновникам. Российская управленческая модель и менталитет чиновников явились причиной множества проблем при разработке и реализации государственных программ. Многие исследователи отмечают неразвитость системы стратегического планирования в РФ. А.Б. Данилин утверждает, что в РФ «методология стратегического планирования и эффективный механизм его осуществления так и не были разработаны, несмотря на десятки выполненных НИР по этой тематике» [6, 142]. Причиной является неудовлетворительная организационная практика в сфере науки, когда наука работает больше на формальные показатели, чем на поиск решения реальных проблем экономики.

Имеются серьезные проблемы с составлением реальных стратегий и их реализацией. Многие стратегии содержат заведомо недостижимые цели, не обеспеченные достаточным финансированием. Стратегические документы РФ не являются приоритетом для компаний, в том числе для государственных. Преобладают краткосрочные решения, связанные с получением сиюминутной выгоды или с решением срочных проблем, в ущерб долгосрочным целям. Стратегии развития страны, регионов, отраслей принимаются достаточно долго и зачастую не имеют работающих механизмов корректировки при изменении внешних обстоятельств. Большинство этих проблем можно было бы избежать при наличии грамотного руководства экономической политикой РФ.

Исторический фактор

Исторический фактор имеет большое значение для понимания текущего положения дел в системе стратегического управления РФ. В науке известен феномен зависимости от траектории предшествующего развития, или, как его еще называют, эффект колес, который

определяет состояние государственных институтов [11, 48]. В настоящее время РФ находится в колее сырьевой модели экономики, а целью стратегического управления с использованием программно-целевых механизмов является преодоление долгосрочных ограничений развития для перехода на новый уровень, к неоиндустриальной экономической модели.

В РФ остро стоит необходимость ускоренного перехода к инновационной экономике, чтобы сократить отставание от развитых и даже ряда развивающихся стран мира. В постиндустриальном обществе инновационный тип экономики является единственно конкурентоспособным вариантом, при котором реально добиться ускорения экономического роста [7, 100; 23]. Ресурсный тип экономики исчерпал себя, РФ сталкивается со сложностями догоняющего развития, когда в мире уже все есть и трудно предлагать что-то новое, пока не будет ликвидировано технологическое отставание. Поэтому управляющая структура должна быть сформирована так, чтобы была возможность оперативно проводить технологическое обновление процессов производства. Это требует большой гибкости и адаптивности к изменениям, так как целью государства является не только самостоятельное внедрение инноваций, но и стимулирование их развития через рыночные механизмы.

В современной цифровой экономике внешняя среда является нестабильной и неопределенной, находясь в постоянном разнонаправленном изменении, и, исходя из прогнозируемых темпов развития цифровизации, эта тенденция будет только усиливаться. Динамизм состоит не только в распространении инноваций, но и в формировании новых требований к развитию общества, таких как решение проблем экологии и возобновляемости ресурсов (управлением природно-ресурсным потенциалом), оценка эколого-экономической эффективности хозяйственных решений. В динамичной среде структура управления должна предполагать высокий уровень децентрализации, чтобы гибко реагировать на возникающие требования. Все эти условия следует принять во внимание в стратегии социально-экономического развития.

Однако, несмотря на то, что современные национальные цели и принятые стратегии обозначают стремление к прорывному технологическому развитию и цифровизации экономики, они мало

затрагивают вопросы модернизации промышленности, т. е. тех базовых секторов экономики, которые обеспечивают первичные доходы и расширенное воспроизводство. К примеру, национальные проекты в основном направлены на строительство инфраструктуры и развитие человеческого капитала [21, 45—46]. Соответственно, можно сделать вывод, что текущая стратегия развития экономики, современные государственные программы и национальные проекты не полностью отражают особенности российской национальной модели, поскольку не учитывают необходимость приоритетного развития промышленности.

В любом случае, России нужна долгосрочная (на 10—15 лет) стратегия развития, так как стратегически четкой политики так и не сложилось, нет официально принятой стратегии социально-экономического развития, хотя существует много отдельных стратегических решений и актов.

Бюджетный фактор

По мнению многих исследователей (А.Н. Клепача, С.Ю. Глазьева и др.), основной проблемой стратегического управления РФ является то, что в реальности оно вступает в противоречие с проводимой Правительством РФ и Центральным банком макроэкономической политикой. Необходимо смягчить бюджетное правило и трансформировать кредитно-денежную политику, чтобы направить дополнительные доходы бюджета на финансирование отраслей, напрямую влияющих на развитие в постиндустриальной экономике, таких как: образование, наука, медицина и развитие инфраструктуры. В настоящее время эти отрасли недофинансируются в сравнении с развитыми странами Запада и Китаем, что впоследствии вызовет еще большее отставание российской экономики в технологическом плане и отразится на качестве жизни.

Государственные программы на практике являются элементом бюджетного планирования и подчинены логике бюджетного процесса, а не выполнения стратегических задач. Большая часть программ является просто формой функциональных расходов, дополненных целевыми индикаторами. Возникает угроза утраты связи между мероприятиями и их целями. Таким образом, в случае кризисных ситуаций и нехватки финансирования приоритет отдается

решению краткосрочных проблем и финансированию операционной деятельности наряду с текущей социальной поддержкой населения вместо проведения долгосрочной структурной перестройки экономики. Этому есть определенные причины, в частности, сопротивление нововведениям сотрудников и управленческого состава. Основными составляющими сопротивления системы являются, во-первых, конфликт, возникающий при установлении приоритета работ, который подавляет стратегическую активность в пользу текущей производственно-хозяйственной деятельности; во-вторых, стратегическая перегрузка, создающая узкие места, рост расходов и срывы; и в-третьих, стратегическая некомпетентность, которая ведет к нереальной и неэффективной стратегии развития [2, 274].

В настоящее время большинство принимаемых решений в экономической политике носит краткосрочный характер (1—3 года), тогда как для выхода на траекторию устойчивого роста экономики необходимо долгосрочное планирование на 10—15 и более лет. Это связано с тем, что инвестиции в человеческий капитал, являющийся активом с наибольшей эффективностью и отдачей в постиндустриальной экономике, дают результат только в долгосрочном периоде [3, 232—236].

Для выхода на высокие темпы роста экономики приоритетными направлениями инвестиций должны быть образование и здравоохранение, т. е. отрасли формирования человеческого капитала, которые являются производительными расходами, дающими сильный импульс росту экономики в долгосрочном периоде. Но в реальности большая часть государственных инвестиций приходится на военно-промышленный сектор и инфраструктуру — так называемые непроизводительные расходы с точки зрения экономического роста.

Следует отметить, что в РФ при составлении стратегии государства остро стоит проблема сбалансированности социальных целей и повышения эффективности экономики и инвестиций. Социально-уравнительный подход не способствует повышению стимулов для инвестирования в экономику, но необходим для минимизации противоречий в обществе и ликвидации политической нестабильности. На этом этапе возникает вопрос: что такое эффективность государства? Не ясно — то ли это благосостояние граждан, то ли, например, низкая себестоимость импорта на внешние рынки. Задача

руководства страны — сбалансировать стратегические показатели так, чтобы в результате достичь желаемых целей, которые в любом случае должны иметь социальную направленность. Всегда существует несколько вариантов развития экономики, из которых нужно делать выбор.

Важнейшей функцией стратегии является преодоление долгосрочных ограничений экономического развития, что выводит экономику на более высокий уровень развития и позволяет решить все указанные проблемы в комплексе, а не жертвовать эффективностью ради социальной справедливости, и наоборот. В настоящее время в РФ в качестве основных ограничений развития выступают неэффективность труда и его малая производительность, а также низкая отдача от ресурсов и большая доля их потерь.

Институциональный фактор

Серьезной проблемой для развития системы стратегического управления в РФ является то, что в условиях глобализации мировой экономики и открытых рынков Россия не является самостоятельной экономической системой, а находится в положении зависимой периферии. Центрами глобальной экономической системы являются страны Западной Европы, США, формируется новое ядро мирового порядка в Китае. РФ получает большую часть валютных доходов от продажи углеводородов на мировом рынке, доля экспорта высоких технологий и финансовых услуг очень мала по сравнению с развитыми странами. Поэтому прогнозы экономического развития строятся на основании цены на нефть и курсе валюты. Так страна становится уязвима для мировых кризисов и циклических колебаний, не имея рычагов самостоятельного воздействия на мировую конъюнктуру. В этом причина низкого качества прогнозирования и стратегического управления — цели социально-экономического развития остаются только на бумаге и корректируются в результате кризисов [13, 426—432]. Таким образом, система стратегического управления в РФ не соответствует принципам новой парадигмы, согласно которой субъект должен сам формировать внешнюю среду, а не инертно подчиняться ей.

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов называют экономическую систему России полупериферийной, так как она занимает

промежуточное положение между странами мирового ядра и периферии. РФ имеет значительный военный, культурный и образовательный потенциал, однако при этом низкие социально-экономические показатели развития экономики и уровня жизни населения и слабые возможности влияния на мировые рынки [4, 35]. Экономическая система РФ характеризуется сращиванием олигархии и бюрократии в борьбе за личные финансовые интересы, зависимостью от экспорта сырья и высокой дифференциацией доходов населения.

Преодоление указанных проблем возможно: нужно принять стратегию опережающего развития и реформировать всю систему производственных отношений и их институтов. Ясно, что текущая социально-экономическая система не обладает способностью обеспечить даже догоняющее развитие. Основными целями стратегии опережающего развития должны быть поддержание и улучшенное воспроизводство человеческого капитала согласно ценностям экономики знаний XXI в. Таким образом, мы видим, что многие причины неэффективности программно-целевого подхода в стратегическом управлении РФ лежат в исторических особенностях и ограничениях национальной модели.

Выводы

1. Особенности национальной модели оказывают значительное влияние на функционирование системы стратегического управления экономикой РФ через механизмы целеполагания, разработки планов и способов их реализации, методы управления и контроля эффективности стратегий и целевых программ. Национальные цели в условиях глобализации мировой экономики носят универсальный характер зависимости отдельных государств от положения на международных рынках. Однако пути достижения целей для каждого государства различны и будут иметь собственную национальную специфику. Мы считаем, что программно-целевой подход как инструмент реализации стратегических задач должен это учитывать. Культура и методы управления реализацией программ и проектов, в большей степени, определяются национальным менталитетом и деловыми традициями, так как имеют дело с когнитивными особенностями людей.

2. Стратегическое планирование и управление экономикой государства, основанные на индикативных принципах, начали применяться в развитых странах Запада в результате популяризации политики нового государственного управления. В РФ, после перехода от социалистической к капиталистической системе с выбором либеральной модели в 1990-х гг. институт стратегического планирования был временно утрачен и, затем, с 2000-х гг., предпринимались попытки его возродить на основе западного опыта. Однако данный инструмент государственной экономической политики оказался неэффективным — стратегии не имели приоритета перед краткосрочными задачами, цели не достигались и постоянно пересматривались. По нашему мнению, одними из причин такого положения стали копирование универсальных моделей и недостаточный учет национальных факторов при внедрении стратегических механизмов управления в РФ.

3. Основными национальными факторами, которые оказывают влияние на систему стратегического управления экономикой РФ, являются: национально-географический, культурно-ментальный, исторический, бюджетный и институциональный. В настоящее время указанные факторы выступают ограничениями к эффективной реализации стратегических задач и требуют корректировки соответствующих механизмов управления экономикой.

Литература

1. Андрианов В.Д. Принципы разработки долгосрочной стратегии социально-экономического развития России на федеральном и региональном уровне // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. № 15—2. С. 17—27.
2. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989.
3. Аузан А.А. Стратегия долгосрочного развития России: новизна подхода // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 196. № 7. С. 229—241.
4. Бузгалин А.В., Колганов А.И. О стратегии опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. №. 7. С. 34—50.

5. Глазьев С.Ю. О создании систем стратегического планирования и управления научно-техническим развитием // Инновации. 2020. № 2 (256). С. 14—23.
6. Данилин А.Б. Будущее России: суверенитет, качество жизни, модернизация. М.: Современные тетради, 2019.
7. Клепач А.Н. Технологические, структурные и финансовые факторы развития российской экономики // Труды вольного экономического общества России. 2019. Т. 218. С. 94—106.
8. Кувалин Д.Б., Ленчук Е.Б., Войтоловский Ф.Г. Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 46—55.
9. Кульков В.М. Национальная экономическая система: идентификация в пространстве мировых процессов // Интернациональное и национальное в экономическом развитии в XXI в. (в свете экономической теории): коллективная монография / Под ред. А. Пороховского, А. Сорокина. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021.
10. Кульков В.М. Новое дыхание национальной экономики // Проблемы современной экономики. 2020. № 3 (75). С. 51—55.
11. Кульков В.М. О колеях экономического развития // Проблемы современной экономики. 2018. № 3 (67). С. 48—52.
12. Кульков В.М. Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России // Экономическое возрождение России. 2014. № 3. С. 24—31.
13. Метелева Е.Р. Стратегическое управление развитием экономических систем в условиях глобализации // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 3. С. 426—433.
14. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 22.03.2022).
15. О системе управления государственными программами Российской Федерации. Постановление правительства РФ от 26.05.2021 г. № 786: URL: <https://base.garant.ru/400820533/> (дата обращения: 22.03.2022).

16. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 22.03.2022).
17. О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020): URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 22.03.2022)
18. *Портер М.Е.* Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Пабли., 2016.
19. Сайт Центра стратегических разработок. Стратегия развития страны 2018—2024: URL: <https://strategy.csr.ru/user/themes/standart/files/csr.compressed.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).
20. Стратегия пространственного развития Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р: URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (дата обращения: 22.03.2022).
21. *Широв А.А.* Проблемы воспроизводства в современной российской экономике // Вопросы политической экономии. 2019. № 2. С. 37—46.
22. Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника: монография / Под ред. С. Сильвестрова. М.: Русайнс, 2018.
23. *Яремчук Н.В.* Путешествие по российской экономике: монография. М: Типография ООО «Буки Веди», 2017.
24. *Filgueiras F., Queiroz L.F.N.* The Governance of Public Policy Evaluation Systems: Policy Effectiveness and Accountability // *Organizações & Sociedade*. 2021. Т. 28. Р. 208—232.
25. *George B., Walker R.* Strategic Management and Government Transparency: Analyzing Linear and Nonlinear Relationships // 22-nd International Research Society for Public Management Annual Conference (IRSPM 2018): URL: [https://scholars.cityu.edu.hk/en/activities/22nd-international-research-society-for-public-management-annual-conference-irspm-2018\(f59ed561-8400-4a35-a4eb-bf8e20fde5a5\).html](https://scholars.cityu.edu.hk/en/activities/22nd-international-research-society-for-public-management-annual-conference-irspm-2018(f59ed561-8400-4a35-a4eb-bf8e20fde5a5).html) (дата обращения: 22.03.2022).

26. *Ho A.T.K.* From performance budgeting to performance budget management: theory and practice // *Public Administration Review*. 2018. T. 78. No. 5. P. 748—758.

27. *Hudson B., Hunter D., Peckham S.* Policy failure and the policy-implementation gap: can policy support programs help? // *Policy design and practice*. 2019. T. 2. No. 1. P. 1—14.

28. *Kluge J.N., Libman A.* Sticks or carrots? Comparing effectiveness of government informal economy policies in Russia // *Comparative Economic Studies*. 2018. T. 60. No. 4. P. 605—637.

References

1. *Andrianov V.D.* Principy razrabotki dolgosrochnoj strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii na federal'nom i regional'nom urovne // *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya*. 2020. № 15—2. S. 17—27.

2. *Ansoff I.* Strategicheskoe upravlenie. M.: Ekonomika, 1989.

3. *Auzan A.A.* Strategiya dolgosrochnogo razvitiya Rossii: novizna podhoda // *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2015. T. 196. № 7. S. 229—241.

4. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* O strategii operezhayushchego razvitiya Rossii // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2017. № 7. S. 34—50.

5. *Glaz'ev S.YU.* O sozdanii sistem strategicheskogo planirovaniya i upravleniya nauchno-tehnicheskimi razvitiem // *Innovacii*. 2020. № 2 (256). S. 14—23.

6. *Danilin A.B.* Budushchee Rossii: suverenitet, kachestvo zhizni, modernizaciya. M.: Sovremennye tetradi, 2019.

7. *Klepach A.N.* Tekhnologicheskie, strukturnye i finansovye faktory razvitiya rossijskoj ekonomiki // *Trudy vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2019. T. 218. S. 94—106.

8. *Kuvalin D.B., Lenchuk E.B., Vojtlovskij F.G.* Strategicheskoe planirovanie v gosudarstvennom upravlenii: opyt, vozmozhnosti i perspektivy // *Problemy prognozirovaniya*. 2020. № 6. S. 46—55.

9. *Kul'kov V.M.* Nacional'naya ekonomicheskaya sistema: identifikaciya v prostranstve mirovyh processov // *Internacional'noe i nacional'noe v ekonomicheskom razviti v XXI v. (v svete ekonomicheskoy teorii): kollektivnaya monografiya / Pod red. A. Porohovskogo, A.*

Sorokina. M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2021.

10. Kul'kov V.M. Novoe dyhanie nacional'noj ekonomiki // Problemy sovremennoj ekonomiki. 2020. № 3 (75). S. 51—55.

11. Kul'kov V.M. O koleyah ekonomicheskogo razvitiya // Problemy sovremennoj ekonomiki. 2018. № 3 (67). S. 48—52.

12. Kul'kov V.M. Parametry issledovaniya i formirovaniya nacional'noj ekonomicheskoy sistemy v Rossii // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2014. № 3. S. 24—31.

13. Meteleva E.R. Strategicheskoe upravlenie razvitiem ekonomicheskikh sistem v usloviyah globalizatsii // Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. T. 26. № 3. S. 426—433.

14. O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda. Ukaz Prezidenta RF ot 21 iyul. 2020 g. №474: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (data obrashcheniya: 22.03.2022).

15. O sisteme upravleniya gosudarstvennymi programmami Rossijskoj Federacii. Postanovlenie pravitel'stva RF ot 26.05.2021 g. № 786: URL: <https://base.garant.ru/400820533/> (data obrashcheniya: 22.03.2022).

16. O strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (data obrashcheniya: 22.03.2022).

17. O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii. Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ (red. ot 31.07.2020): URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (data obrashcheniya: 22.03.2022)

18. Porter M.E. Mezhdunarodnaya konkurenciya. Konkurentnye preimushchestva stran. M.: Al'pina Pabl., 2016.

19. Sajt Centra strategicheskikh razrabotok. Strategiya razvitiya strany 2018—2024: URL: <https://strategy.csr.ru/user/themes/standart/files/csr.compressed.pdf> (data obrashcheniya: 18.01.2022).

20. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 13.02.2019 № 207-r: URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (data obrashcheniya: 22.03.2022).

21. *SHirov A.A.* Problemy vosproizvodstva v sovremennoj rossijskoj ekonomike // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2019. № 2. S. 37—46.

22. *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: metodologiya, strategicheskoe upravlenie, sistemotekhnika: monografiya* / Pod red. S. Sil'vestrova. M.: Rusajns, 2018.

23. *YArechuk N.V.* Puteshestvie po rossijskoj ekonomike: monografiya. M: Tipografiya ООО «Buki Vedi», 2017.

А.А. ГУЛИЕВА

**Социально-экономическая модернизация
в постковидный период***

Аннотация. В предлагаемой статье обозначаются новые возможности и одновременно настоятельная необходимость проведения широкой экономической модернизации и в целом комплексной модернизации общественных отношений и институтов для успешного преодоления последствий кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Кроме того, в постковидный период все дальнейшее социально-экономическое развитие на долгосрочной основе невозможно без всесторонней поддержки инновационно-технологической деятельности со стороны современного государства.

Ключевые слова: экономическая и социальная модернизация, комплексная модернизация на инновационной основе, преодоление последствий кризиса, вызванного пандемией коронавируса, задачи современного социального государства, экономика знаний, поддержка инновационно-технологической деятельности.

Abstract. The article examines new possibilities alongside with acute necessity of wide economic modernization and also complex modernization of public relations and institutions for successful overcoming

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гулиева А.А. Социально-экономическая модернизация в постковидный период // *Философия хозяйства*. 2022. № 3. С. 185—198.

the consequences of economic crisis which was caused by covid-19 epidemic. Besides, in post-covid period all further socio-economic development on a long-range base is really impossible without general support of innovative-technological activities by modern state.

Keywords: economic and social modernization, complex modernization on innovation base, overcoming the consequences of economic crisis caused by covid-19 epidemic, tasks of modern social state, knowledge-based economy, support of innovative-technological activities

УДК 330
ББК 65

Вирус COVID-19, обрушившийся практически на все страны мира в 2020—2021 гг., обострил многие проблемы, которые *уже стояли* перед человеческим сообществом к моменту вспышки этой пандемии. Одновременно коронавирус спровоцировал глобальный экономический кризис. Недаром для характеристики вызванных им потрясений в разных частях света известный российский экономист-международник, академик РАН А.Г. Арбатов использует термин «*ковидный кризис*» [1, 10].

Если следовать логике применения предложенного теоретического термина, мы можем сказать, что по завершении указанного кризиса неизбежно наступает *постковидный период*, в течение которого предстоят не только преодоление последствий вызванного пандемией коронавируса кризиса и восполнение понесенных потерь, но и обеспечение необходимых условий для последующего развития, причем на длительную перспективу. Необходимо учитывать, что, в частности, кризис вовсе не снял с повестки дня императив дальнейшего социально-экономического развития на инновационной основе, очевидность которого стала ясной задолго до появления коронавируса. *Напротив, кризис еще больше усилил значимость такого развития.*

Необходимость преодоления экономических последствий пандемии, стоящая сегодня перед большинством стран мира, никоим образом не отодвигает на второй план и тем более не отменяет важности задачи всеобъемлющей *инновационной модернизации*, которая осознается практически всем человечеством. Удастся ли этого добиться в рамках конкретного национального государства — зависит

от успеха проводимой социально-экономической политики в конкретных условиях. При этом важно подчеркнуть, что одновременно с научно-техническим и технологическим совершенствованием производственного базиса экономики государство должно активизировать именно *социальную* направленность своей политики.

Таким образом, инновационная модернизация касается как собственно экономики, так и всех сторон жизни современного общества, включая совокупность действующих общественных, политических и экономических институтов, и в указанных конкретных условиях становится жизненной необходимостью.

Подобная задача стоит и перед Азербайджанской Республикой. По нашему мнению, комплексная модернизация не только экономики, но и социальных отношений в нашей стране должна включать в себя:

1) качественное совершенствование производственного потенциала и инфраструктуры на основе передовых научно-технических достижений и новых технологий;

2) переход к преимущественно интенсивному — взамен экстенсивного — использованию природных, прежде всего — энергетических, ресурсов нашей страны на основе развития качественно новых возможностей перерабатывающей промышленности;

3) «сквозную» подготовку и необходимую переподготовку высококвалифицированных трудовых ресурсов, соответствующих задачам технико-технологического и социального развития.

Последнее из обозначенных направлений комплексной модернизации выступает своего рода драйвером, локомотивом всех остальных мер. В этой связи целесообразно помнить о том, что уже длительное время многие специалисты называют в качестве главного двигателя прогресса в современном мире именно *экономику знаний*. Подразумевается такой тип экономического развития, который базируется не просто на генерировании передовых достижений науки и техники, но, главное, на самом широком применении их в производстве.

Соответственно, можно сделать обоснованный вывод о том, что специалисты в самых различных сферах экономики и общественной жизни в современных условиях должны обладать не просто *должной* квалификацией, но быть именно

высококвалифицированными, с возможностью организации для них профессиональной переподготовки

Таким образом, главными факторами общественного и экономического прогресса — и это показывает опыт большинства развитых стран — выступают *образование и наука*, вследствие чего основным капиталом этих стран во все большей мере становится интеллект. В современных условиях именно состояние образования и науки по большей части определяет уровень всего духовного и одновременно профессионального развития социума, его интеллектуального потенциала и в целом степень развитости гражданского общества.

Необходимость же преодоления последствий кризиса с дальнейшими перспективами устойчивого роста еще больше усиливает важность использования достижений отечественных науки и образования, организовать которое, с одной стороны, способно, с другой стороны, как раз и призвано современное социально ориентированное государство.

При этом необходимо помнить, что затраты на научную деятельность в современных условиях весьма велики, уровень высоко-развитой науки требует и соответствующего уровня финансирования, т. е. все тех же инвестиций. Столь же важно отметить, что эти инвестиции — в особенности это касается фундаментальной науки — могут не приносить быстрой отдачи: их окупаемость может растянуться на годы. Сегодня осознание этого факта актуально как никогда. Поэтому роль государства в регулировании инвестиционных процессов в областях науки, равно как и оснащенного по последнему слову техники образования, чрезвычайно важна, может быть, больше, чем в каких-либо иных сферах экономики, да и всей общественной жизни.

При выработке подходов к формированию государственной инвестиционно-инновационной политики следует также учитывать не только высшие мировые достижения научно-технического прогресса, но и особенности национальной конкретно-исторической специфики каждой страны, в соединении с которыми только и могут быть максимально эффективно использованы такие достижения. Только с опорой на национально-культурную специфику возможно проведение по-настоящему комплексной инновационной модернизации экономики и общественной жизни.

Если говорить о нашей стране, то задача достижения современным Азербайджаном нового качества образовательной отрасли неотделима от создания гибких механизмов, отвечающих потребностям не только обычной подготовки, но и ускоренной переподготовки высококвалифицированных кадров в технических и гуманитарных областях деятельности. Это, конечно, как уже говорилось, потребует значительного количественного увеличения объемов инвестирования, поскольку внедрение в меняющуюся сферу образования не только новейших технологий, но и самых современных программ и методик подготовки и переподготовки высококвалифицированных специалистов представляется делом весьма затратным [3].

Конечно, сфера образования включает в себя не только систему высшего (и, соответственно, послевузовского) образования, но и — помимо среднего (школьного) — среднего специального образования. Этот массив также требует дополнительных инвестиций с целью придания процессу преподавания в спецшколах и колледжах технически и методически оснащения на уровне самых высоких мировых стандартов.

Здесь следует напомнить о богатых исторических традициях профессионального образования в нашей стране. Так, еще в 1879 г. в Нахичевани было открыто профессиональное училище по подготовке плотников и слесарей, а в 1883 г. в Шеки открылась школа по подготовке мастеров по производству шелка. В советский период профессиональная подготовка в Азербайджане была поставлена на широкую основу. В 1980-е гг. более 100 тыс. учащихся обучались по 300 различным специальностям в 185 профессиональных училищах и техникумах нашей республики [5, 8].

В современных условиях в профессиональных высококвалифицированных кадрах мастеров и техников, а также передовых рабочих специальностях нуждаются как модернизирующаяся промышленность, так и механизированное сельское хозяйство, а также отрасли социальной сферы.

Безусловный приоритет науки и образования в социально-экономической политике сегодняшнего дня никоим образом не умаляет другие функции современного государства. Это, в частности, проявляется в такой деятельности государств, как поддержание и развитие системы социального обеспечения, разнообразных форм социальной защиты, частичного бесплатного образования и общедоступного

здравоохранения, системы социальных льгот для отдельных выделенных категорий населения, различных видов благотворительности и т. п.

В связи со сказанным, необходимо еще раз подчеркнуть, что социальное государство, отражая в своей деятельности объективно достигнутый уровень *социализации* современных производительных сил и общества в целом, усиливает свою регулирующую роль в максимальном сочетании направленности действий частного бизнеса и интересов общества.

Более того, по нашему мнению, можно говорить о наличии не просто регулирования, но своего рода *обратного воздействия* современного государства на область экономических (производственных) отношений. Подобное воздействие предполагает, в том числе, возможность активного влияния на развитие научно-технического прогресса, которое может выражаться в стимулировании корпораций и предпринимательских структур к использованию нововведений, что представляет собой важную составляющую экономической политики, нацеленной на обеспечение устойчивого экономического роста и проведение необходимых модернизационных мероприятий.

Такое воздействие современного государства в полной мере относится и к проблеме организации финансирования инвестирования в решение как непосредственно социальных задач, так и модернизацию всей системы отвечающих за долгосрочное устойчивое развитие институтов. При этом никоим образом нельзя забывать о принципе социальной справедливости. Напротив, в условиях развития социального государства, каковым является Азербайджанская Республика, бесплатное предоставление медицинских и образовательных услуг является составной частью *общей сильной социальной политики*, наряду с такими ее составляющими, как система социальной защиты, обеспечение граждан страны доступными ипотечными кредитами и система строительства и предоставления нуждающимся социального жилья. Последнее в нашей стране осуществляется по линии созданного в 2016 г. Государственного агентства жилищного строительства (ГАЗС).

Все сказанное предполагает неременным условием *не только сохранение, но и расширение области социальных гарантий со стороны государства* в ходе любых модернизационных мероприятий. А значит, мы неизбежно приходим к выводу о необходимости

увеличения государственных расходов на эту отрасль, которые бы и играли долгое время роль *социального гаранта*. Кроме того, необходим постоянный социально-экономический мониторинг соотношения бесплатных и платных услуг населению в отраслях социальной сферы [3].

Последнее тем более необходимо, что ожидающееся повышение уровня жизни населения Азербайджана, которое должно объективно последовать в процессе дальнейшего развития, и в целом увеличение платежеспособных возможностей населения позволяют поставить вопрос о расширении объемов услуг, предоставляемых ведущими отраслями социальной сферы, и соответствующем расширении источников их оплаты. В этой связи следует обратить внимание на проблему увеличения объемов оказываемых населению платных услуг, прежде всего, в области того же образования.

Здесь же необходимо упомянуть и о возможностях расширения платного здравоохранения. Все это, повторим еще раз, абсолютно объективные моменты, поскольку в условиях экономического развития на основе рыночных отношений предоставление *вариативных возможностей* оказания услуг на платной основе предполагается в качестве одного из основных принципов, на которых функционирует социальная сфера.

Отсюда — и усиление роли современного государства как *гаранта сильной социальной политики*, о чем говорилось выше.

При этом очень важно подчеркнуть, что социальные гарантии в течение всего периода проведения модернизационных мероприятий должны действовать на всей территории национального государства независимо от регионально-географических различий между частями этого государства.

Так, если говорить о главных задачах социально-экономической модернизации с точки зрения регионального развития, то необходимо выделить следующие:

1) обеспечение реализации на региональном уровне организационно-правовых, социально-экономических и бюджетно-финансовых принципов общегосударственного развития, направленных на укрепление основ общего экономического, финансового и институционально-правового пространства в рамках единой национальной экономики;

2) поддержание единых общегосударственных стандартов социального развития и социальной защиты населения на территории всех регионов независимо от их конкретных экономических возможностей посредством постепенного выравнивания условий и сглаживания неравномерностей их развития;

3) определение тех регионов и территорий, развитие которых имеет приоритетное значение с точки зрения общеэкономических, а также геополитических интересов государства, с одновременным выделением особо проблемных регионов, нуждающихся в специальной государственной поддержке по линии бюджета и отдельных программ;

4) всестороннее содействие развитию и улучшению экономических возможностей местного самоуправления;

5) обеспечение санитарно-экологической безопасности на территории всех регионов, в том числе путем ликвидации последствий техногенных аварий — в случае их наличия — и загрязнения акватории водоемов.

При этом важно помнить, что при всех особенностях модернизации на региональном уровне эта деятельность проходит в русле общенациональной задачи всестороннего подъема и совершенствования *качества жизни* населения. Именно решению этой задачи, в конечном счете, подчинены такие действия, как:

1) всестороннее повышение общеэкономического потенциала регионов в целях увеличения ресурсов социально-экономического развития;

2) приоритетное внимание решению имеющихся социальных проблем при обеспечении мероприятий по общему ускорению экономического роста;

3) нахождение внутренних резервов поддержки перспективных инвестиционных проектов, способствующих формированию дополнительных условий благоприятности инвестиционного и делового климата на территории региона.

В то же время, говоря об источниках обеспечения социального инвестирования на территории конкретных регионов, следует не забывать и о непосредственно возможностях и роли самого региона. Кстати, эта проблема актуальна не только для Азербайджана, но и для соседних стран, ранее входивших в СССР, и потому изучается специалистами из этих стран. Так, украинский экономист

Е.А. Гречишкина отмечала, что именно регион должен брать на себя ответственность за обеспечение функционирования социальной инфраструктуры [2, 16].

В этой связи одним из ключевых становится вопрос об источниках финансирования комплексных модернизационных мероприятий. Несмотря на непростое положение в системе мировых финансов в целом, связанное с затратами, которые несут многие государства в связи с преодолением последствий пандемии, свободные для инвестирования иностранные капиталы всегда присутствуют; задачей было и остается предоставление им наиболее благоприятных условий для вложений. В связи с этим можно привести пример Сингапура, построившего не только высокоразвитую инновационную экономику, но и мощную социальную сферу практически на основе иностранных инвестиций.

Начиналось с того, что страна, не обладавшая собственными инновационными разработками, смогла сформировать систему, при которой специально созданный государственный фонд первоначально занимался инвестированием в зарубежные венчурные фонды. Далее, уже на втором этапе, опираясь на вложенный в эти фонды капитал и налаженные с помощью его связи в бизнесе ведущих государств, организовывали трансферт самых передовых технологий в свою страну.

Еще одним примером вложения и привлечения иностранных инвестиций внутри страны, причем в значительной мере именно в образование и медицину, является Израиль. В непростой военно-политической обстановке, в которой в течение десятилетий находится эта страна, иностранных инвесторов привлекает исключительно благоприятный инвестиционный климат, а также собственные сильные научно-технологические разработки, которые служат базой для развертывания прибыльных проектов зарубежных владельцев капиталов. Оба эти достижения — результат постоянной стимулирующей политики со стороны государства.

Что касается отечественного бизнеса, то современные экономисты отмечают, что в настоящее время в развитых странах вклад частного бизнеса в финансирование инновационно-технологической деятельности в среднем составляет более 60% от общего объема финансирования [4, 187]. В этой связи важно еще раз подчеркнуть, что именно обеспечение современным государством

заинтересованности бизнеса в выполнении важнейших для общества задач является одной из его основных функций. Можно даже сказать, что в этом вопросе мы наблюдаем пример своего рода *модернизации отношений* между государством, бизнесом и обществом, связанной с решением все тех же важнейших для современного человека задач, включая социальные.

В частности, для привлечения частных инвесторов современное социальное государство обладает таким арсеналом рычагов, как:

- 1) привлечение частного капитала посредством различных финансово-налоговых льгот;
- 2) создание привилегированных условий для бизнес-структур с целью активизации их участия в решении конкретных задач регионального и муниципального социально-экономического развития;
- 3) особая поддержка предприятий малого и среднего бизнеса;
- 4) содействие привлечению различных видов капиталов посредством организации — при необходимости — прогнозных и маркетинговых исследований.

Возьмем для примера ситуации с привлечением такого вида капитала, как венчурный. Специфика венчурных проектов вообще и в сфере высоких технологий в частности предполагает особый подход к их реализации, поскольку позволяет еще на предварительном этапе разработки будущей технологии попытаться оценить не только ее передовые характеристики, но даже вероятный объем будущего рынка использования такой технологии.

Что касается возможностей сочетания различных вариантов и, соответственно, источников финансирования инвестиций в ту же науку, предполагающих усиление роли и объемов частных инвестиций, то крупные корпорации могут содействовать этому посредством, в частности, активизации собственных исследовательских лабораторий, а в ряде случаев — крупных отдельных научных подразделений или целых филиалов. В качестве одной из ведущих тенденций в мировом научно-технологическом развитии особо следует выделить расширение поддержки университетской науки, являющейся, как не раз было отмечено, своего рода ядром современного научно-образовательного комплекса, на долю которого, например, в развитых странах приходится как значительная доля проводимых фундаментальных и прикладных исследований, так и соответствующих открытий.

Помимо этого, на повестке дня в целом ряде передовых развивающихся государств, к числу которых относится и Азербайджанская Республика, стоит качественная модернизация государственного и муниципального управления, предполагающая максимально облегченную и мобильную систему своевременного получения как населением, так и бизнесом качественных государственных услуг. Это, без сомнения, будет способствовать и большей доступности услуг социальной сферы.

Но это — лишь самая первая и далеко не самая сложная задача, которую предстоит решать в сфере управления в процессе комплексной модернизации экономики и социальных отношений в нашей стране. Главное — это то, что модернизация системы управления обеспечивает условия для наиболее эффективной реализации намеченных целей долгосрочного и устойчивого экономического роста и в целом повышения качества жизни населения.

Поэтому, говоря о перспективах развития и реального сектора экономики и отраслей социальной сферы нашей страны, следует еще раз подчеркнуть, что по-настоящему качественное их развитие возможно в контексте общей модернизации всей национальной экономики и общества, включая позитивные изменения во всех сферах жизни, реформу институтов и, разумеется, модернизацию всех секторов промышленности — в первую очередь, на основе достижений научно-технического прогресса и новых технологий.

Огромная, без преувеличения, роль в решении модернизационных задач принадлежит *информационным технологиям*. Вообще этот вид технологий в прямом смысле слова на наших глазах постоянно не просто оказывает влияние, но буквально *изменяет* всю окружающую нас среду — идет ли речь о социально-экономических процессах или о простых бытовых вещах в жизни каждого конкретного индивидуума. Возьмем ли мы реальный сектор экономики или социальную сферу — нет такой отрасли, успешное развитие которой можно было бы представить без масштабного и активного применения информационных технологий.

Возвращаясь к вопросу о *модернизации образования*, необходимо подчеркнуть, что без применения самой развитой системы информационных технологий невозможно решить такую общенациональную задачу, как качественное улучшение и повышение эффективности подготовки, а также должной переподготовки современных

высококвалифицированных специалистов, о чем говорилось ранее. В свою очередь, в соответствии с принципом обратной связи, система образования, аккумулируя мощный интеллектуальный потенциал, в значительной мере выступает генератором создания и еще более прогрессивных информационных технологий нового поколения.

Таким образом, мы можем выделить значение и место мероприятий, проводимых в рамках модернизации, в числе основных факторов, влияющих на обеспечение экономического роста.

Во-первых, это общая модернизация производительных сил, включающая в себя, помимо прочего, подготовку высококвалифицированной рабочей силы и в целом кадров специалистов, отвечающих требованиям современного этапа научно-технического прогресса.

Во-вторых, это эффективно используемые социальные инвестиции как составная часть общей инвестиционной деятельности в национальной экономике.

В-третьих, это стимулирование и развитие потребительского спроса, в свою очередь, во многом зависящего от успеха проведения модернизационных мероприятий в целом.

В-четвертых, это динамика развития всей совокупности элементов социальной инфраструктуры.

В-пятых, это рост производительности труда, который в наши дни приобретает характер инновационного роста.

В-шестых, это эффективность деятельности современного государства как социального государства с набором присущих ему характеристик и всех его основных институтов.

В-седьмых, это совершенствование системы хозяйственно-институциональных отношений в экономике и обществе в целом.

В-восьмых, это инновационное развитие основных отраслей, работающих непосредственно на человека, что означает повышение совокупного уровня его развития как личности и как квалифицированного работника.

Литература

1. *Арбатов А.* Второй фронт глобального противоборства // Независимая газета. Приложение «Дипкурьер». 2022. № 3. 14 февр. С. 10.

2. *Гречишкина Е.А.* Механизм социального инвестирования: региональный аспект // Региональная экономика. Юг России. 2015. № 1 (7). С. 14—21.

3. *Гулиева А.А.* Значение социальных инвестиций для развития национальной экономики // Философия хозяйства. 2017. № 2. С. 145—154.

4. *Скрыль Т.В.* Роль инновационно-технологической деятельности в формировании новой модели развития экономики // Производство, наука и образование России: системный подход / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ИНИР им. Витте, 2018.

5. Azərbaycan Respublikasında peşə təhsili və təliminin inkişafına dair Strateji Yol Xəritəsi. S. 7: URL: [Pesə_təhsili_ve_təliminin_inkisafina_dair_strateji_yol_xə-ritəsi.pdf](https://edu.gov.az/pese-tahsili-ve-teliminin-inkisafina-dair-strateji-yol-xe-ritesi.pdf) (edu.gov.az) (на азерб. яз.) (дата обращения: 22.05.2022).

References

1. *Arbatov A.* The second front of the global confrontation // Independent newspaper. Annex «Diplomatic courier». 2022. № 3. Febr. 14. P. 10.

2. *Grechishkina E.A.* Mechanism of social investment: regional aspect // Regional economy. The South of Russia. 2015. № 1 (7). P. 14—21.

3. *Guliyeva A.A.* The importance of social investments for the development of the national economy // Philosophy of Economy. 2017. No. 2. P. 145—154.

4. *Skryl T.V.* The role of innovative and technological activity in the formation of a new model of economic development // Production, science and education in Russia: a systematic approach / S.D. Bodrunov (ed.). M.: INID named after Witte, 2018.

5. Strategic Roadmap for Vocational Education and Training in Azerbaijan Republic. P. 8: URL: [Pesə_təhsili_ve_təliminin_inkisafina_dair_strateji_yol_xə-ritəsi.pdf](https://edu.gov.az/pese-tahsili-ve-teliminin-inkisafina-dair-strateji-yol-xe-ritesi.pdf) (edu.gov.az) (accessed: 05.22.2022).

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

И.Ю. ФОМИЧЕВ

Формы индивидуального присутствия в социологическом дискурсе*

Аннотация. В настоящей работе исследуются различные формы индивидуального бытия в различных онтологических пространствах — от трактовки индивида в качестве объекта социологического изучения (природно-родового индивида) через традиционное восприятие его как социального субъекта до представления его бытия в дихотомии микрокосма и макрокосма. Также подвергается анализу принципиально новое онтологическое пространство укоренения индивида — виртуальность, в которой он выступает в виде оцифрованного символа.

Ключевые слова: индивид, социальный субъект, индивидуальное бытие, онтологическое пространство, единство микрокосма и макрокосма, виртуальность, социологический дискурс

Abstract. This paper explores various forms of individual existence in various ontological spaces from the interpretation of the individual as an object of sociological study (naturally generic individual) through the traditional perception of him as a social subject to the presentation of his existence in the dichotomy of microcosm and macrocosm. The fundamentally new ontological space of rooting of the individual — virtuality — in which he acts as a digitized symbol, is also subjected to analysis.

Keywords: individual, social subject, individual being, ontological space, unity of microcosm and macrocosm, virtuality, sociological discourse

УДК 327
ББК 65

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Фомичев И.Ю. Формы индивидуального присутствия в социологическом дискурсе // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 201—208.

Процесс социологического исследования имеет смысл тогда, когда в его результате появляются новые или подтверждаются традиционные интерпретации общественных явлений и сущностей. Всегда интересно и полезно эмпирически зафиксировать и теоретически представить вновь возникающие социальные механизмы, особенно те, которые актуализируются как драйверы развития современной социокультуры. Наиболее интересны структуры, открывающие, вновь формирующие новые теоретические поля: гибридизацию общественных, в том числе международных, отношений, разрушающих социум и индивида; бессмысленность множющихся организационно-бюрократических форм; кризис онтологических предположений о человеческой природе, эволюционирующий в разнообразные проблемы согласия и несогласия между полами (главным образом — феминистские перформансы против патриархата); обновление медицинской деонтологии в условиях пандемии COVID-19 и проч.

Обновляются и традиционные аспекты социологической мысли, репрезентирующие, например, новые трактовки базовых категорий и понятий в этой области научного дискурса. В частности, причудливым образом изменяется представление об индивиде в современном социологическом контексте, о формах индивидуального присутствия в реальности. Меняется все — от трактовки индивида в качестве объекта социологического изучения (природно-родового индивида) через традиционное восприятие его как социального субъекта до представления его бытия в дихотомии микрокосма и макрокосма. Возникновение виртуального мира, виртуальной социальности с ее общественными атрибутами — экономикой, политикой, культурой — обусловило формирование научного представления об очень специфическом феномене кибериндивида, участвующего в весьма нетрадиционных межличностных взаимодействиях. Появление такого субъекта существенно раздвигает пределы традиционно мыслимого семантического пространства человеческой экзистенции. Понятно, что все эти воплощения индивида фиксируются, в основном, силой абстракции. Также очевидно, что человек в одно и то же время пребывает во всех этих онтологических кластерах. При этом, все эти измерения человеческого бытия настолько же реальны, насколько реален сам человек в его различных онтологических

ипостасях, которым присущи соответствующие особенности индивидуального бытия.

Прежде всего, выделим индивида, выступающего в качестве объекта социологического исследования. В этом отношении индивид может воплощаться, например, как чисто биологическая целостность, реализующая в своих социальных взаимодействиях нормативность, производную от основоположений естественной необходимости. Индивид в природном измерении максимально объективирован и характеризуется качествами, общим признаком которых можно назвать деперсонифицированность. Можно сказать, что онтологический статус индивида здесь выражается через природную реальность.

Развертывание индивидуального бытия в аспекте его родовых проявлений демонстрирует возрастание степени субъективности и значения индивидуальных поведенческих траекторий субъекта, наряду с другими атрибутивными характеристиками, например, свободой от окружающего мира, осознанием целенаправленной деятельности и др. Эти качества уже отличны от качеств природного субъекта, который, по сути, детерминирован и одновекторно ориентирован биологическими потребностями. Родовое начало проявляется в совместном бытии, в таком развитии отношений, когда индивид реализуется в процессе коммуникации с подобным себе, в детерминации индивидуального бытия интересами рода. Таким образом, человек создает собственную родовую сущность, которая проявляется в органических межсубъектных связях, демонстрирующих их самоценность и единство рода.

Отметим, что социологические исследования, в которых индивид выступает в качестве объекта, достаточно специфичны, ведь проводятся в различных областях знания и связаны, например, с антропологическими научными задачами, PR-акциями, опросами общественного мнения и др. Нередко такое социологическое исследование ограничивается лишь фиксацией тех или иных внешних параметров индивидуальности, что в отдельных случаях оправдано программой (целями и задачами) исполняемого проекта, но в целом ограничивает интерпретационные возможности социолога. Это можно отнести к большинству конкретных социологических исследований,

где субъективность фактически выносится «за скобки» исследовательского внимания.

Наиболее традиционно для социологии восприятие индивида как социального субъекта. В социальном мире сущность человека дуалистична (индивидуальная в единстве с социальной) и все его человеческие качества представлены через призму их социальных значений. Человеческая индивидуальность вписана в структуру общественных отношений личности, в которых последняя проявляет соответствующие ее социальному предназначению — социальной роли и социальному статусу — функции. Будучи надприродной реальностью, человек в социальном мире создает надчеловеческую реальность, автономную по отношению к нему. Тем не менее, субъект в определенной степени оказывается сам ею детерминирован (в духе диалектики взаимообусловленности): социум определяет общественное бытие, точнее инобытие индивида. Реальность индивида в социальном кластере определяется тем, насколько его поведение адекватно общественным потребностям, которые поддерживают развитие социальной целостности. Индивид, как можно допустить, в этом отношении ценен лишь в силу его общественной полезности.

В социальной сфере индивид может интериоризировать определенный набор социальных качеств, образующих то, что мы называем личностью. Через эти качества преодолевается природная и родовая детерминированность человека. В серьезных исследованиях отмечается, что личность — это, прежде всего, духовные и творческие проявления индивида. «Личностны реализующиеся в связи с его деятельностью моральные проявления в поведении индивида и личностно-выраженно через эту деятельность его творчество. Оно личностно потому, что через него реализуются представления субъекта о красоте, гармонии, совершенстве; в научном творчестве — его стремление к истине, то есть творчество личностно через свои духовные цели и определения. Через него достигается самопродуцирование, самосозидание личности в деятельности» [3, 86]. Заметим, что в изучении индивида как социального субъекта использование понятия «личность» более плодотворно, чем употребление популярного термина «актор». Актор, по определению, находится в рамках заданной социальной роли и лишен преобразующего творческого начала,

креативности, авторства своей социальной траектории, в этом смысле он банален.

Немного экзотичным для традиционной социологической мысли выглядит представление индивида в диалектике микрокосма и макрокосма. Тем не менее, уровень развития современной науки репрезентируется через возникновение и становление новых предметных полей научного поиска, одним из которых является астросоциология. В начале XXI в. американский социолог Д. Пасс опубликовал первые работы под общим названием «Определение и релевантность астросоциологии в XXI в.», в которых предпринял попытку концептуализации нового научно-исследовательского направления — астросоциологии [5, 3]. Через некоторое время, вслед за новым термином появился Исследовательский институт астросоциологии, а в отечественной социологии появились первые работы в этом направлении [4]. Проблемное поле этой науки, как предполагается, включает в себя все сущности и явления, касающиеся связей человека и космоса, проявления человеческого в космосе и космического в человеке.

Подтверждается правило, что новое часто оказывается хорошо забытым старым. Безусловный приоритет социально-научного представления вселенского человеческого бытия, прагматично представленного в идее космизма, принадлежит российским исследователям конца XIX — начала XX в., они развивали вечную идею тотальной целостности мира, космического бытия в человеке и человеческого предназначения космоса. Открытие и признание единства человеческого и космического укореняет индивида в его космической сущности и презентует идею мироздания.

Наиболее известны философские и естественно-научные идеи русского космизма содержатся в трудах Ф.Н. Федорова, К.Э. Циолковского, С.Н. Булгакова, В.И. Вернадского. Так, С.Н. Булгаков описывал динамику единства микро- и макрокосма как «превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм» [1, 85], а В.И. Вернадский создал учение о ноосфере как естественной творящей реальности человеческого разума: «...существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно, не принимается во внимание в

представлениях о космосе» [2]. Человек как космический субъект создает «антропосферу», своеобразный антропокосмический кластер индивидуального бытия. Вряд ли кто-нибудь детально представляет ноосферу как объективную реальность, но, приняв идею единства микрокосма и макрокосма, можно вслед за С.Н. Булгаковым понимать виртуального космического («вселенского») индивида как «организм в потенции», трансцендентную потенциальность — антропосферу, преобразующую Хаос в Гармонию.

Индивид в единстве микрокосма и макрокосма — довольно нетрадиционная постановка вопроса для обыденного сознания прошлых веков, сродни космонавту, жителю космического поселения и пр. Еще более занимательна проблема индивидуального бытия в виртуальной реальности, существование которой в последнее время связывают с киберпространством. На самом деле представление о виртуальности существует во многих науках и духовных практиках. Термин «виртуальный» (от латинского «*virtualis*») — возможный, воображаемый — используется в технических теориях, но для данной работы полезнее обратить внимание на его психологическое толкование, где он означает такое состояние сознания индивида, в котором совершаются выход из обыденности, раскрепощенность и творческий поиск. В духовных практиках часто встречается такое экстатическое состояние, описывающее трансцендентный контакт с потусторонними, религиозными, духовными сущностями, например, в индийских религиозных традициях — состояния медитации и нирваны, сопровождающиеся отчуждением от телесности и духовным просветлением.

Иное дело — компьютерная реальность, создаваемая не человеком, а машиной. Виртуальный мир, созданный компьютером, обладает социальной достоверностью, поскольку имеет свою финансовую систему, экономические основы, осуществляет действующие социальные связи, торговлю, развлечения и т. п. При всем при этом этот мир цифровой. Погружаясь в него, индивид деперсонизируется, превращается в аккаунт, знак. В процессе цифровых коммуникаций реализуется контакт символов, в котором невозможно достоверно установить реальность или мнимость источника контента (т. е. невозможно идентифицировать реальность или мнимость цифрового

индивида). Виртуальный мир возникает как миф, формируемый множественными источниками цифровой активности и креативности.

Компьютерная виртуальность репрезентируется симулякрами базовых индивидуальных характеристик — физического состояния, половой принадлежности, счастья, здоровья и т. п. Здесь, в отличие от естественно-физической реальности, нет детерминированности и каузальных связей, навязчивого социального контроля, запретов и ограничений, ответственность неопределенна, размыта. При этом сконструированная под свои собственные приоритеты (если пользоваться выражением Ж. Бодриера) гиперреальность позволяет погружаться в вымышленный мир и пребывать в нем. В научном контексте процесс погружения в придуманность и соответствующие формы бытия получил название субкреации. Эскапизм, бегство в виртуальность, как правило, девальвирует элементы реальной индивидуальной повседневности, наличные социальные ценности, а также постепенно приобретает устойчивую отрицательную коннотацию. Виртуальность как сфера отчужденных сущностей уверенно становится принципиально новым онтологическим пространством укоренения индивида, в котором он выступает в виде оцифрованного символа.

Литература

1. Булгаков С.Н. *Философия хозяйства* // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993.
2. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // *Русский космизм: Антология философской мысли*. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 288—303.
3. Зотов Н.Д. *Личность как субъект нравственной активности*. Томск: Изд-во Томского университета, 1984.
4. Ним Е.Г. Космос как фронтير социологии // *Социологический журнал*. 2018. Т. 24. № 2. С. 8—27.
5. Pass J. Inaugural Essay: The Definition and Relevance of Astrosociology in the Twenty-First Century (P. 1. Theory and Scope). 2004: URL: http://www.astrosociology.org/Library/Iessay/iessay_p.1.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

References

1. *Bulgakov S.N. Filosofiya hozyajstva* // Bulgakov S.N. Soch.: v 2 t. T. 1. M.: Nauka, 1993.
2. *Vernadskij V.I. Avtotrofnost' chelovechestva* // Russkij kosmizm: Antologiya filosofskoj mysli. M.: Pedagogika-Press, 1993. S. 288—303.
3. *Zotov N.D. Lichnost' kak sub'ekt npravstvennoj aktivnosti*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1984.
4. *Nim E.G. Kosmos kak frontir sociologii* // Sociologicheskij zhurnal. 2018. T. 24. № 2. S. 8—27.

Н.П. НЕДЗВЕЦКАЯ, И.И. ПРОСТАКОВ

Виртуальная реальность цифрового социума*

Будущее всегда выглядит иначе, нежели мы способны его себе вообразить.

С. Лем

Аннотация. Цифровая революция открыла новые коммуникационные и информационные возможности для развития человечества. Современное общество уже перешагнуло пределы реального мира в искусственно созданное виртуальное пространство и превратилось в гибридный социум, в котором активно и успешно применяются элементы искусственного интеллекта. Растущая стремительными темпами цифровизация всех жизненных сфер привела к появлению «неочеловека» и формированию нынешнего социума по сетевому принципу. Стремительное развитие социальных сетей, виртуализация реальности, возникновение «метавселенной» предполагает расширение традиционных границ анализа диджитального общества и новой роли индивидуума в нем.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Недзвецкая Н.П., Простаков И.И. Виртуальная реальность цифрового социума // *Философия хозяйства*. 2022. № 3. С. 208—217.

Ключевые слова: диджитализация, социальные сети, искусственный интеллект, гибридное общество, метавселенная.

Abstract. The digital revolution has opened up new communication and information opportunities for the development of mankind. Modern society has already stepped over the limits of the real world into an artificially created virtual space and has turned into a hybrid society in which elements of artificial intelligence are actively and successfully applied. The rapidly growing digitalization of modern life has led to the emergence of a «neo-human» and the formation of modern society according to the network principle. The rapid development of social networks, the virtualization of reality, the emergence of the Metaverse contributes to the expansion of the traditional boundaries of the analysis of digital society and the new role of the individual in it.

Keywords: digitalization, social networks, artificial intelligence, hybrid society, Metaverse.

УДК 316.77

ББК 60.5

Последние два десятилетия человечество переживает стадию тотальной цифровизации: ускоренное развитие и масштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий, быстрое обеспечение интернетом почти всего земного шара, расширение сферы разработки, производства и применения искусственного интеллекта, появление социальных сетей и их широкое распространение. С начала века уровень компьютеризации и информатизации социума начал возрастать никогда ранее невиданными темпами и в последние годы достиг рекордных показателей. За совсем короткий период времени возникли и быстро окрепли новые диджитальные монополии — экосистемы, обладающие доминирующей цифровой властью над всем миром, быстро растущими финансовыми доходами, располагающие колоссальными массивами данных.

В начале 2000-х гг. интернет-пространство было взорвано появлением и молниеносным распространением различных социальных сетей, главными из которых на сегодня являются «Facebook», «Twitter», «Instagram», «Linkedin», «Snapchat», «TikTok» и «Twitch».

Хотя все эти социальные сети схожи по основным своим функциям, тем не менее, каждая из них имеет свою специфику. Например, самая большая по численности участников сеть «Facebook», образованная в 2004 г., предоставляет возможность пересылать короткие сообщения, фотографии и видео, не обязывая своих пользователей создавать «pages» для профессиональной деятельности. Социальная платформа «Instagram» появилась 11 лет назад и является сейчас наиболее распространенным приложением для мобильных устройств. Пользователи «Instagram» применяют свое творчество, чтобы попытаться выделиться или быть замеченными. Социальная сеть «Linkedin», созданная в конце 2002 г. и официально запущенная в 2003 г. для профессионалов, дает своим пользователям уникальную возможность посылать свой CV и личные публикации будущему работодателю. Она может быть полезна тем людям, которые ищут работу или предпочитают поменять место занятости или службы. Социальная сеть «TikTok», запущенная в 2016 г. китайцами, быстро заняла достойное место на международном рынке интернет-сервиса благодаря феноменальной возможности для пользователей пересылать музыкальные видеопоздравления или просто текстовые послания.

Социальные сети открыли безграничные возможности их пользователям не только получать и обмениваться информацией, но и стать авторами этой информации, защитниками или критиками существующего политического и экономического устройства, проповедниками самых разных идей. Социальные сети также являются самой популярной виртуальной сферой поиска новых друзей, спутников жизни и единомышленников. Национальные границы, языковые барьеры, километровые дистанции, религиозные различия и культурные особенности перестали существовать для участников социальных сетей. В октябре 2021 г. более 4,5 млрд чел., что составляет 57% населения Земли, были зарегистрированы в социальных сетях. Причем наибольшее количество пользователей: — 79% — являются европейцами, доля североамериканцев составляет — 74%, в Восточной Азии показатель уже несколько снижается — до 66%, а на африканском континенте он самый немногочисленный — всего 8% населения [6, 7].

В качестве важнейших составляющих цифровой трансформации экономики и общества, построения интеллектуального мира и

ведения цифрового бизнеса специалисты называют развитие инфокоммуникационной технологий инфраструктуры, внедрение технологий G5/ITM-2020, интеллектуальных устройств, решений и технологических инноваций в области искусственного интеллекта, таргетированной рекламы, облачных сервисов, интернета вещей, искусственного интеллекта [2, 73]. Современная работа в области исследований и дальнейших открытий в сфере развития искусственного интеллекта во всем мире относится к числу наиболее приоритетных. В наши дни уже существует опасность изменения самой природы человека, когда проводятся исследования относительно трансформации ДНК человека в цифровой формат и моделирование мозга. Закономерным результатом подобной научно-исследовательской работы ожидается искусственное конструирование всего человеческого организма, что не может не вызывать определенную обеспокоенность [3, 223]. Так, Комитет по этике Министерства обороны Франции разрешил разработку и применение бионических технологий в своей армии. Речь идет о создании и применении специальных препаратов для искусственного повышения выносливости военнослужащих, благодаря которым солдат может долгое время обходиться без сна, что крайне вредно для здоровья, или проведении специальных медицинских операций с целью улучшения слуха. Уже идет процесс создания специальных имплантантов, которые будут вводить в организм военнослужащих микродозы антистрессовых препаратов, а кроме того, воздействовать на работу мозга. Применяя другой вид имплантантов, военное руководство сможет дистанционно контролировать самочувствие солдата и оценивать его психическое состояние.

Отличительной чертой современной стадии диджитализации является массовая виртуализация, последствием которой стали подмена традиционного человеческого общения связями в социальных сетях, а зачастую и вовсе постепенное угасание потребности людей в личных контактах. В этих условиях повсеместно совершенно незаметно произошло постепенное преобразование человеческого общества в сетевой социум с отмиранием вертикальных связей и распространением горизонтальных, в котором наблюдается тенденция медленной дегуманизации. Подобный процесс заключается, на наш взгляд, в утрате человеческого начала, разрушении межличностных

связей и замене «живых» человеческих отношений виртуальным общением посредством интернет-сетей, возрастающей степенью зависимости естественного интеллекта от искусственно созданного. Роботы-гуманоиды и роботы-андроиды становятся все более совершенными и с каждым годом демонстрируют новое применение. Известный физик Микио Каку, ставя вопрос о возможном превосходстве роботов над людьми, опасается: «Мы, тщедушные людишки, будем просто отброшены в сторону как пережиток эволюции» [5, 100]. Однако ученый прогнозирует и другой сценарий, согласно которому роботы будут «дружелюбно» относиться к людям и в будущем прокладывать новые пути на другие планеты с целью их освоения. В этом случае проект И. Маска о переселении миллиона человек на Марс к 2050 г., быть может, действительно будет осуществлен?!

Пока такие миллиардеры, как И. Маск и Дж. Бейзос занимаются освоением и монополизацией космоса, М. Цукерберг углубляется в «колонизацию человеческого сознания» и создание полной монополии на человеческий мозг. Если совсем незначительно перефразировать фразу М. Цукерберга, которую он любит повторять: «Тот, кто контролирует данные, контролирует будущее...», то получится следующее утверждение: тот, кто контролирует данные, контролирует социум. Компания «Facebook», а сейчас уже «Meta», является одной из самых крупных компаний мира по разработке программного обеспечения. «Meta» — это новый проект создателя социальной сети «Facebook». Суть проекта заключается в организации диджитального мира с помощью инструментов дополненной реальности, которую человек легко получает из различных коммуникационно-информационных устройств. Пользователи платформы, по замыслу проекта «Мета», будут жить в цифровой вселенной, где, как и в реальном мире, будет возможно видеться с друзьями, заводить новые знакомства, создавать бизнесы, производить и монетизировать «контент», ходить в церковь, проводить время с семьей, путешествовать по галактике и даже ощущать виртуальные объекты, как будто они настоящие.

Социальная сеть «Facebook» имеет более 2 млрд пользователей и охватывает в 5 раз больше активных пользователей, чем любая другая социальная сеть [8]. Однако этого оказалось недостаточно для полного контроля человеческого разума и поведения, нужен еще

большой рычаг давления, а именно создание привязанности и зависимости у человека к данному сервису. И первым этапом «Facebook» к доминированию на цифровом рынке стала покупка компании «Oculus» за сумму приблизительно в 2 млрд дол. [4]. В последнее время компания «Oculus» контролировала 75% рынка по производству аппаратуры виртуальной реальности [7]. А с помощью правильной рекламной политики и соответствующих финансовых инвестиций эта цифра будет со временем только расти. Но несмотря на это, даже если «Facebook» предоставит открытый доступ к очкам виртуальной реальности, у людей может быстро пропасть интерес к метавселенной. Понимая данный нюанс и преследуя цель максимального контроля личной жизни своих пользователей, «Facebook» пытается подчинить три ключевых сферы, которые дадут доступ к полной и безграничной власти над новым социумом цифрового мира.

Первой сферой является религия. Во время разработки и создания метавселенной «Facebook» регулярно проводил переговоры и встречи с различными религиозными лидерами по всему земному шару. В ходе этих переговоров даже удалось заключить несколько сделок, предоставляющих метавселенной исключительные права на проведение определенных религиозных мероприятий в своем виртуальном пространстве. Подобная тенденция аналогичных переговоров наблюдается уже достаточно длительное время, а именно, с начала 2017 г. Согласно мнению главного операционного директора «Facebook» Ш. Сэнберг, подобная политика необходима для внедрения виртуальной и дополненной реальности для развития инструментов образования, а в дальнейшем для того, чтобы дети смогли лучше осознать свою будущее в метавселенной [4].

Вторая сфера связана с экономическим контролем. Сегодня люди во всем мире все меньше ценят религиозные ценности и духовность. Это было отвергнуто ради новой «религии» — культуры потребления. Современное общество настолько сильно сконцентрировано на потребительской сфере, на приобретении новых материальных благ, что наблюдается стабильный процесс обесценения системы духовных ценностей человечества, которая формировалась на протяжении тысячелетий. Менталитет цифрового социума совершенно иной: как правило, он ни во что не верит, а соответственно, и ничего не боится. Подобное восприятие реальности заставляют людей

отвергать риски и искать постоянный комфорт. В свое время об этой проблеме писал Ф. Ницше, который назвал сверхчеловека «последним человеком». Люди, потерявшие всякую надежду и не приносящие ничего полезного обществу, оставили нам лишь один выбор — путь постоянного потребления и безграничную зависимость от нового контента.

Именно этот бесконечный потребительский спрос и решил монополизировать «Facebook». Например, в метавселенной уже были проведены многочисленные концерты известных поп-исполнителей. Как раз после проведения таких мероприятий инвесторы и крупные бренды начинают скупать места под рекламу в метавселенной. Такие компании, как «Луи Виттон» и «Гуччи», покупают NFT (невзаимозаменяемый токен). Невзаимозаменяемый токен представляет собой криптографический сертификат цифрового объекта с возможностью передавать сертификат через механизм, применяемый в криптовалютах. Сам по себе токен не является подтверждением права на владение цифровым активом в контексте законодательства об авторском праве. NFT не препятствует копированию объекта, но он только закрепляет за владельцем «цифровую фишку», созданную на основе одного из экземпляров цифрового артефакта. Также отсутствуют препятствия для формирования нескольких разных токенов для одного и того же файла. Но если участники соглашаются, что NFT может формировать только реальный владелец и дальнейшая передача NFT происходит при условии передачи соответствующих прав на исходный диджитальный объект, то NFT может выполнять роль маркера, указывающего текущего владельца объекта в метавселенной. Эта политика уже начинает приносить свои плоды. Фирма одежды «Дольче Габбана» продала виртуальное платье за 6 млн дол. и тем самым поставила рекорд в мире моды. Именно из-за такого растущего спроса и предложения уже есть влиятельные предприниматели, которые вкладывают инвестиции в покупку виртуальных магазинов и торговых центров. Пока указанный процесс не достиг глобальных масштабов, предприимчивые люди пытаются занять самые выгодные позиции в центре виртуального мира. По некоторым данным и осторожным оценкам экспертов, стоимость метавселенной М. Цукерберга к 2025 г. достигнет 82 млрд дол. [9]. Тогда, по всей вероятности, в этой ситуации «Facebook» достигнет полной власти и глобального контроля над экономикой своих виртуальных граждан,

устанавливая определенные правила игры и решая, кто имеет право получать частичку прибыли, а кто нет.

Третий блок отвечает за политический контроль. После полного погружения в метавселенную, люди будут себя ощущать исключительными, каждый раз, когда они что-то будут осуществлять в виртуальном мире. Именно этот механизм иллюзионной исключительности жизни будет позволять контролировать воображение и мнение масс. Благодаря постоянному контролю и боязни потерять власть над своими пользователями в метавселенной нет места свободе слова или самовыражению. Цель свободы слова — это защита интересов угнетенных, свобода слова позволяет иметь права указывать на проблему и иметь по этому поводу собственное мнение. Если метавселенная достигнет тотального контроля над массами, то те, кто будет выступать против установленных правил, будут репрессированы.

В новых условиях цифровой эпохи мы обеспокоенно задаемся вопросами о назначении человека и судьбах человечества, о роли науки и развитии знания, о моральных, нравственных и этических устоях современного социума. Возникают все новые дискуссии о месте человека в гибридном мире на стадии Четвертой промышленной революции, когда наблюдается процесс постепенной дегуманизации на фоне стремительной эволюции технического прогресса. Чисто технократическому подходу в рамках развития производительных сил следует противопоставить процесс «софийной модернизации человека», позволяющий сохранить свободный дух человека в нынешнюю эру цифровизации и уделять особое внимание анализу изменения социума на фоне растущего воздействия информационно-коммуникационных технологий и постепенного погружения человека в виртуальный мир. Раскрывая сущность нового «гибридного» общества и исследуя присущие ему черты, следует подчеркнуть необходимость разработки программы гуманизации и социально-ответственного сдерживания расширяющегося тотального контроля населения в условиях растущей цифровизации общества. Вопросу разработки искусственного интеллекта придается первостепенное значение при исследовании «гибридного» социума.

В последние десятилетия мы наблюдаем, как технократическое воздействие на менталитет людей, манипуляция человеческим

сознанием посредством изощренных методов и приемов интернет-сетей ведут к изменению системы общепринятых ценностей прав человека и его свободы. Современный социум, все больше приобретая черты «гибридного общества», изменяет иерархию общепринятых человеческих ценностей и антиценностей, что, в свою очередь, ведет к потере индивидуальности и утрате персонализации, провоцирует рискованные изменения разума и менталитета «неочеловека». Перед мировой цивилизацией стоит дилемма будущего развития: сохранение традиционных гуманистических основ социума или трансгуманистический прорыв с непредсказуемыми для человеческой природы последствиями. Хотелось бы напомнить слова французского философа-просветителя Жана Антуана Никола Кондорсе, рассматривающего развитие исторического процесса как эволюцию именно социального прогресса, который в XVIII в., рассуждая о будущем прогрессе человеческого разума, говорил: «Наблюдение этой исторической картины показывает в видоизменениях человеческого рода, в непрерывном его обновлении, в бесконечности веков путь, по которому он следовал, шаги, которые он сделал, стремясь к истине или счастью. Наблюдения над тем, чем человек был, и над тем, чем он стал в настоящее время, помогут нам найти средства обеспечить и ускорить новые успехи, на которые его природа позволяет ему надеяться» [1, 37].

Литература

1. Кондорсе Ж.А.Н. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соцэкономгиз, 1936.
2. Кузовкова Т.А., Салютин Т.Ю. Мониторинг развития инфокоммуникационной инфраструктуры цифровой экономики России. М.: Горячая линия Телеком, 2021.
3. Недзвецкая Н.П. Социум цифровой эпохи // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 219 — 225.
4. Facebook to Acquire Oculus: URL: <https://about.fb.com/news/2014/03/> (дата обращения: 19.04.2022).
5. Kaku M. Physics of the Future. USA.: Doubleday. 2019. 389 p.
6. Micro Pratique. 2021. No °39H.
7. Oculus-rift / dossier Keyfigures: URL: <https://www.statista.com/topics/2584/> (дата обращения: 05.04.2022).

8. Statista: number-of-monthly-active-facebook-users-worldwide: URL: <https://www.statista.com/statistics/264810/> (дата обращения: 27.03.2022).

9. The Information: URL: <https://www.theinformation.com/articles/what-will-metaverse-be-worth-in-2025-our-guess-is-82-billion> (дата обращения: 15.02.2022).

Reference

1. *Condorcet J.A.N.* Sketch of the historical picture of the progress of the Human Mind. M.: Sotsekonmgiz, 1963. 79 p.

2. *Kuzovkova T.A., Salyutina T.Yu.* Monitoring the development of the infocommunication infrastructure of the digital economy of Russia. M.: Hotline Telecom, 2021. 164 p.

3. *Nedzvetskaya N.P.* Society of Digital Era // Philosophy of Economy. 2019. No. 4. P. 219 — 225.

В.Н. ИВАНОВА, К.И. КОЛТУНОВСКИЙ

Критерии и механизмы формирования инновационного потенциала институциональной среды*

Аннотация. На основе анализа элитарных сообществ, которые являются основными владельцами собственности в стране и занимаются распределением произведенного в ней валового продукта, обоснована определяющая роль элиты в формировании и внутреннем содержании институтов гражданского общества, характеризующих, в свою очередь, особенности институциональной среды и ее инновационный потенциал. Сформулирован и эмпирически обоснован

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Теоретические и методологические основы экономики совместного потребления и возможности ее реализации в РФ» № 20-010-00180 «а».

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Иванова В.Н., Колтуновский К.И. Критерии и механизмы формирования инновационного потенциала институциональной среды // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 217—238.

постулат о взаимосвязи механизмов смены элит с конкретными формами этой среды. Рассмотрены социальные особенности смены политических элит в различных странах и в различные исторические периоды, включая времена Римской империи, империю Тамерлана, Московского княжества, опричнины при Иване Грозном, Октябрьскую революцию 1917 г. и российскую перестройку. Показаны особенности социальных отношений, реформируемых в ходе смены элит, а также предпосылки и механизмы запуска подобной смены с позиций практики инноваций. Обоснованы неизбежность эвристических подходов в регулировании институциональной среды, а также историческая неоднозначность итогов подобного регулирования.

Ключевые слова: экономика совместного потребления, социальные отношения, инновационная деятельность, институциональная среда, коррупция, опричнина, перестройка, частная собственность, элита, Октябрьский переворот, диалектика.

Abstract. Based on the analysis of elite communities, which are the main owners of property in the country and are engaged in the distribution of the gross product produced in it, the determining role of the elite in the formation and internal content of civil society institutions, which, in turn, characterize the features of the institutional environment and its innovative potential, is substantiated. The postulate about the interrelation of the mechanisms of elite change with specific forms of this environment is formulated and empirically substantiated. The social features of the change of the political elite in various countries and in various historical periods are considered, including the Roman Empire, the Empire of Tamerlane, the Moscow Principality, the Oprichnina under Ivan the Terrible, the October Revolution of 1917 and the Russian Perestroika. The features of social relations reformed during the change of elites are shown, as well as the prerequisites and mechanisms for launching such a change from the standpoint of innovation practice. The author substantiates the inevitability of heuristic approaches in the regulation of the institutional environment, as well as the historical ambiguity of the results of such regulation.

Keywords: economy of shared consumption, social relations, innovative activity, institutional environment, corruption, oprichnina, perestroika, private property, elite. October revolution, dialectic.

УДК 316.472:316.613
ББК 60.54

Социальные отношения играют важную роль в реализации любого инновационного проекта в самых различных областях хозяйственной и социальной деятельности общества. Особенно важна эта роль в условиях реализации программы инклюзивного развития, принятой международным сообществом [1]. Поэтому поиск методов регулирования социальных отношений с целью минимизации издержек от социальной конфликтности, а также анализ ранее удачно реализованных практических попыток гармонизации этих отношений всегда остаются актуальными научными проблемами.

В этом отношении интерес представляет экономика совместного потребления (ЭСП). Принципы ведения хозяйства, используемые ЭСП, способствуют укреплению горизонтальных связей в обществе, что, в свою очередь, позволяет людям оптимизировать потребительские расходы и существенно повысить качество жизни [25]. Кроме того, развитие ЭСП в России способствует решению стратегических задач, зафиксированных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», поскольку дает возможность более эффективно использовать имеющиеся ресурсы (имущество, деньги, время) в рамках более тесных социальных взаимодействий [2]. Однако на данный момент, исходя из принципов государственного регулирования, ЭСП находится в «серой зоне».

Свойством сообществ, используемых ЭСП, присуща способность к саморегуляции через социальный самоконтроль и общественно установленную систему социальных санкций. Эти свойства являются более действенными и эффективными, чем те, что обеспечиваются авторитетом и аппаратом принуждения государства. Они повышают социальное взаимодействие, которое основано на доверии, социальном капитале и коллективной эффективности. Но в то же время способствуют взращиванию почвы для потенциальных социальных конфликтов, которые неизбежно приводят к коррупционным деяниям. Более того, чем больше ЭСП будет проникать в общественную жизнь, тем больше традиционных социальных институтов будет вступать с ней в противоречие, что создает богатую почву для

коррупции. Все указанные особенности ЭСП однозначно указывают на необходимость анализа социальных отношений внутри ЭСП как сферы деятельности, в основе которой лежат именно системные социальные инновации [15]. И в качестве первоочередной задачи здесь следует выявить историко-диалектические истоки возникновения конфликтности в социальных отношениях и потенциальных тенденций к инновациям, которые, как ни парадоксально, часто являются и почвой для коррупции.

Примером реализации коррупционных деяний при реализации инновационных проектов может служить валютный кризис в августе 1998 г. в России. Хотя экономистами-аналитиками кризис был предвосхищен заранее, и об этом было доложено правительству РФ и руководству ЦБ, последние пренебрегли прогнозами и «загнали ситуацию в тупик», т. е. переоценили свои возможности, допустив полномасштабный кризис. Здесь налицо завышение риска, граничащее с авантюрой. С целью выхода из кризиса были реализованы сразу два решения — девальвация рубля и объявление дефолта, при этом в подобных условиях хотя бы одного из них было бы достаточно [8]. Иначе говоря, риск был занижен — это ситуация, напоминающая панику. В заключении Временной комиссии СФ решения высших должностных лиц были квалифицированы либо как некомпетентные, либо как сговор, т. е. как коррупционное деяние. Однако первичная причина кроется, видимо, в психической дезадаптации, психологической ущербности субъектов, принимавших важные для страны решения. А уже на фоне такой дезадаптации неизбежно появляется соблазн у отдельных представителей в высшем эшелоне управления ЦБ реализовать коррупционные деяния [3, 233]. Более того, анализ целого ряда работ и исследований по предсказанию валютных кризисов показал, что в некоторых случаях эти кризисы не обусловлены фундаментальными финансовыми причинами [32]. Для объяснения таких случаев признаны необходимыми построение и усовершенствование моделей, учитывающих поведенческие факторы агентов, к которым можно отнести и психическую дезадаптацию, и системную в нашей стране коррупцию [17].

Социальные отношения, в частности, при реализации коллективами исполнителей инновационных проектов можно рассматривать на трех базовых уровнях. На этих же уровнях, естественно,

возможны анализ и корректировка конфликтности в социальных отношениях. Первый уровень — это социальные отношения, формирующиеся на основе личностных поведенческих стратегий индивида, когда такой индивид задает логику конкретных отношений в окружающей его социальной среде. Этот уровень достаточно консервативен, а характерные его особенности обязаны отношениям в семье, где происходило формирование личности индивида, а также специфическим формам социального доминирования в подростковом возрасте. Второй уровень социальных отношений — уровень конкретного коллектива, где социальные отношения формируются на основе целевых ориентиров формального его руководителя. Этот уровень менее консервативен и достаточно легко может регулироваться через смену формального руководителя коллектива (см.: [13]). Что касается третьего уровня, который определяется характером гражданского общества, а точнее, особенностями институциональной среды в этом обществе в целом, то ранее нами были рассмотрены лишь механизмы взаимовлияния прямых и обратных связей в инновационной деятельности [14]. При этом под прямыми связями мы понимали формы и условия воздействия на социальные отношения собственно институциональной средой. Однако сами механизмы, на основе которых формируется конкретная институциональная среда, рассмотрены не были. Попытаемся восполнить данный пробел и сформировать принципиальную модель преобразования одного типа институциональной среды в другой тип, более адекватный текущему состоянию в развитии экономико-социального базиса в обществе. Подобная модель позволит выявить конкретные этапы смены институциональной среды, более детальный анализ которых и дает потенциальную возможность предвосхитить те или иные черты вновь формирующейся институциональной среды, как в ее конечной фазе формирования, так и на промежуточных этапах такого перехода, в том числе и ее коррупционный потенциал. Другими словами, для выявления особенностей институциональной среды необходимо знать предпосылки и историю появления ее конкретного типа.

Ключевой вопрос, возникающий по этому поводу: чем или кем определяется характер институциональной среды или характер гражданского общества конкретной страны? Резонно предположить, что такая среда формируется элитой той самой страны. Здесь нам

потребуется и уточнить само понятие элиты, и хотя бы эмпирически обосновать указанный тезис о ее решающей роли в формировании институтов гражданского общества. При этом для полноценной реализации своих функций «...элите было необходимо иметь: комплекс политических, экономических и силовых рычагов принуждения в виде властных полномочий; непререкаемую легализацию своего статуса потомственной элиты; правовую и историческую легализацию своей собственности; устоявшиеся сословные структуры в составе конкретного государства» [11, 125—126].

Остановимся на самом понятии элита. Однозначного и лаконичного ответа на вопрос: что такое элита? — найти не удалось. Например, родоначальник теории элит, автор концепции циркуляции элит В. Парето трактует элиту как класс, куда входят «те, кто имеют наиболее высокие показатели в своей области деятельности» [22, 308—309]. В то же время Парето относил к элите группу людей, которая управляет обществом и при этом концентрирует в своих руках максимум дохода. Последняя характеристика, на наш взгляд, наиболее важная, поскольку сразу же отсекает возможность считать элитой советскую технократическую элиту, как это делает автор работы [4]. Технократы не могут рассматриваться как управляющая элита в обществе, они могут быть управленцами, но не элитой. Элита самостоятельно определяет тренды развития, а значит, и стратегии управления. То есть реальная элита должна сочетать и функции собственника, и функции хозяйственно-политического управления. И здесь получается, что в СССР вообще не могло быть элиты, а были лишь управленцы, которые строили свою стратегию развития государства не на основе личных интересов, как это делает настоящая элита, а в целях реализации корректируемой во времени идеологической концепции. Если принять такую концепцию для анализа 70-летнего периода советской власти в России, то события Октябрьского переворота 1917 г. и события 1991 г. следует рассматривать как единый процесс по смене элиты, который начался свержением самодержавия, а закончился перестройкой и приватизацией так называемой государственной собственности в пользу вновь создающейся из бывших управленцев уже российской современной элиты. Такое разнесение во времени процесса смены российской элиты с буржуазно-помещичьей на «новорусскую» позволяет более детально рассмотреть

процессы такой смены элиты, обратив внимание на роль отчуждения и присвоения собственности, роль зарубежной элиты, роль народных масс. А самое главное — роль временного управляющего отчужденной собственностью, роль приращения этой собственности в период отчужденности, формы приобретения собственности в новых ее объемах. На основе проведенного анализа по последней смене элиты в России нами была построена принципиальная модель, обобщающая подобные, несомненно, инновационные процессы (рис. 1).

Согласно представлениям В. Парето, постоянные смена и циркуляция элит — это ключ к пониманию исторического движения общества. Такое движение, предопределяя динамику и характер институциональной среды, представляет собой постоянную смену аристократий через их возвышение, расцвет, упадок и в итоге замену новыми представителями в виде привилегированных меньшинств [28]. При этом участие народных масс является результатом маскировки со стороны потенциальной элиты, которая в своей борьбе прикрывается именем народа и вводит в заблуждение непосвященных [27, 234]. Однако, как показывает опыт Октябрьского переворота 1917 г., в России потенциальная элита и сама может серьезно заблуждаться относительно перспектив такой борьбы. И хотя, как правило, циркуляция и смена политической элиты предусматривают лишь ограниченное вовлечение в процессы смены элит народных масс, которое является управляемым и не влечет за собой смену социально-политической системы, в России в 1917 г. все произошло по-другому.

Чтобы выяснить механизмы последней смены элиты в России, необходимо уточнить трактовку термина «элита». Как отмечает О.В. Гаман-Голутвина, «точки зрения на содержание категории “элита” отличаются друг от друга в основном отношением к идеальным принципам рекрутирования элиты и соответствующими аксиологическими установками: одни исследователи полагают, что подлинная элита должна отличаться знатностью своего происхождения; другие причисляют к этой категории самых богатых; третьи, считающие элитарность функцией личных заслуг и достоинств, — наиболее одаренных представителей социума. Адекватность различных интерпретаций обусловлена спецификой той области социального знания, в рамках которой ведется исследование» [6, 97]. Поскольку специфическая область нашего исследования — влияние облика

элиты на функционирование гражданского общества и на социальные отношения, обусловленные конкретными особенностями институциональной среды, — то для нас важным интегральным фактором, обуславливающим властное положение элиты, является ее легитимность.

Рис. 1. Принципиальная модель смены политических элит

В современных моделях элиты априорно как раз подобные вопросы выпадают из рассмотрения. В частности, в работе Е.В. Лазуткиной понятие элиты трактуется так: «элиты, которые существовали и которые существуют ныне, представляют собой конкретно-исторические особые группы, которые являются одним из социальных результатов развития производительных сил общества, определенного способа общественного производства. Не элита порождает

определенное общество, а конкретное историческое общество порождает свой господствующий класс, который, в свою очередь, формирует необходимую элиту» [18, 174]. В подобной трактовке явно отсутствует диалектическая связь между собственно элитой и обществом, ее воспроизводящим, а также влиянием конкретного состава элиты и механизмов ее формирования на функционирование самого этого общества. То есть здесь опущена из рассмотрения неизбежно появляющаяся обратная связь между элитой и обществом на фоне присутствия очевидной прямой связи между обществом и элитой. В качестве параметра обратной связи между элитой и обществом следует рассматривать эффективность элиты в управлении обществом. При этом сама подобная эффективность будет зависеть напрямую от восприятия обществом легитимности элиты.

Уточним здесь важную особенность понятия легитимности в отношении элиты. Поскольку любая политическая элита — это состоятельная социальная группа, то в первую очередь понятие легитимности должно рассматриваться как легитимность собственности, которой такая группа обладает. Но в то же время легитимность собственности предопределяется легитимностью статуса самих собственников. И здесь выявляется своего рода противоречие, что-то типа заколдованного круга. Пока кто-то не имеет собственности — он не может рассчитывать на значительный социальный статус. И в то же время, пока у кого-то нет специфического, «элитарного», социального статуса, он не может легитимно приобрести и впоследствии владеть этой собственностью. Ведь не секрет, что любая значительная собственность имеет, как минимум, сомнительное прошлое в обычном понимании общества, а то и просто полукриминальное происхождение.

Формы и механизмы разрешения на практике в процессе смены элиты этого противоречия в каждой исторической ситуации имеют свои специфические особенности, которые обязательно включают в себя эвристические начала. Для разрешения этого противоречия в рамках элитарных сообществ практикуются самые различные, при этом порой нетривиальные, решения, своего рода социальные инновации. Это может быть и шантаж, и физическое устранение соперников, и семантический подлог, и коллаборационизм, и особые заслуги на военной либо дипломатической службе, и династический брак, и вмешательство иностранных государств и т. п. И именно эти

особенности исторического разрешения противоречия легитимности в итоге и определяют облик институтов того либо иного гражданского общества. А на базе этих институтов как раз и формируется институциональная среда, которая, в свою очередь, определяет характер социальных отношений в этом обществе на всех его уровнях и во всех сферах деятельности, включая и наиболее чувствительную в этом отношении сферу инновационной деятельности.

Таким образом, сформулирован постулат об исторических истоках формирования и динамики институциональной среды через форму разрешения противоречия легитимности элиты. Далее попытаемся на основе эмпирического анализа этот постулат обосновать с привлечением построенной принципиальной модели по смене политических элит, которая представлена на рис. 1.

Начнем с Римской империи. Император Луций Септимий Север (основатель династии Северов), правивший с 193 по 211 г., превративший сенат в декоративный орган и фактически передавший управление империей бюрократическому аппарату, в самом начале своего правления с целью обоснования преемственности с римской императорской династией Антонинов объявил себя приемным сыном Марка Аврелия [16]. Последний после своей смерти был обожествлен, а его правление считается «золотым веком» в античной исторической традиции. Сам же Луций стал императором, подняв мятеж и захватив власть в условиях полномасштабного политического кризиса, охватившего в 190-е гг. Римскую империю. Будучи командиром нескольких римских легионов, он склонил офицеров и солдат трех легионов Верхней Паннонии провозгласить его императором, якобы с целью отомстить за недавнее убийство законного императора Пертинакса, погибшего от рук преторианцев. При этом сам Септимий Север притворно отказывался от предложенной ему власти. Таким образом, захват власти через обман и легитимизация этой власти через подлог неизбежно привели к забюрократизированности институциональной среды в период правления Севера. И, как следствие, фактически к установлению военной диктатуры, созданию новой военной аристократии, которая, пополняясь из низов, обеспечивала империю элитой исполнительной власти [7, 136]. При нем была искоренена коррупция, процветавшая в предшествовавший его правлению период. Из этого следует, что облик новой элиты, сформировавшейся в период правления династии Северов, всецело

соответствовал тем методам, с помощью которых пришел к власти и обеспечил себе легитимность ее первый представитель и основатель — Луций Септимий Север. В то же время указанные методы узурпации императорского трона Луцием берут свое начало в его характере, в успешности его военной карьеры и, в немалой степени, в его происхождении как финикийца (по месту рождения).

Обратимся теперь к Средним векам, к эпохе Тимура (Тамерлана), основателя (около 1370 г.) империи Тимуридов. Если сравнивать его империю с Римской империей времен династии Северов, то сразу бросаются в глаза многочисленные случаи лихоимства (коррупции) со стороны лиц, поставленных им на гражданские должности. Высшие сановники неоднократно наказывались им и в столице империи Самарканде, и в Герате, в Тавризе, в Ширазе. Если Тамерлан пользовался безусловным авторитетом среди своего войска, мог положиться безоговорочно на своих сподвижников, т. е. обладал бесспорной властью, то с собственностью из-за коррумпированности со стороны гражданских управленцев у него были проблемы. Военный авторитет и легитимность власти он приобрел как полководец, а вот легитимность титула хана (до этого его титул был всего лишь «великий эмир») как правителя империи, а значит, и владельца собственности империи ему пришлось реализовать через женитьбу на представительнице клана Чингисхана и принять после этого имя Тимур Гуркани (дословно — «Тимур Зять»). Его жена узурпировала гражданскую управленческую власть и посеяла ростки коррупции благодаря своему привилегированному положению и эксцентричному характеру (см. [20]). И это была плата Тамерлана за приобретенный с помощью династического брака титул хана.

На первый взгляд, может показаться, что династический брак, благодаря которому Тамерлан, родившийся хоть и в знатной, но небогатой семье из монгольского племени барлас, получил титул хана, — банальное решение для приобретения легитимности для уже состоявшегося полководца и властелина. Но это далеко не так. Как и любой брак по расчету, династический брак бывает трудно реализовать, в частности, трудно найти для этого подходящего посредника. Как конкретно Тамерлан организовал свой брак на чингизидке — история умалчивает, но известно, что попытки легализации своего положения им предпринимались задолго до этого. Это решение предопределило состояние социума в дальнейшем не только в империи

Тимуридов при его собственном правлении, но и при правлении его потомков. А это, в свою очередь, есть не что иное, как проявление экстернального эффекта вследствие реализации инновации в виде создания целой империи.

Описанный выше династический брак был реализован с целью легитимизации уже фактически приобретенной власти. Но бывают династические браки, которые целенаправленно осуществляются для приобретения именно власти или соучастия во власти при уже легитимизированном статусе. И это бывает также не просто осуществить, и при этом трудно предвидеть последствия такой легитимизации при становлении элиты в стране, в интересах которой такой брак реализуется. В качестве обоснования такого утверждения обратимся ко времени становления Московской Руси, ко времени правления великого князя Московского Ивана III, т. е. ко второй половине XV в. Речь пойдет о Софье Палеолог, племяннице последнего императора Византии. В 1453 г. после падения Константинополя под турецкими ордами Мехмеда II и гибели императора Константина XI, сестра последнего со своей трехлетней дочкой бежит в Ватикан. Им приходится в обмен на католическое убежище отказаться от православия [19]. Папа Римский заинтересован в утверждении через Софью истинной католической веры во всей Европе, включая Московскую Русь. Поэтому, как только овдовел 27-летний Иван III, ему предложили взять в жены племянницу Византийского императора. До этого короли в Европе отказывались брать византийскую царевну в жены. Видимо, статусных регалий у них у самих хватало, а вот что-то получить для себя в виде собственности через Софью Палеолог было нереально. Софья же была хороша собой, умна и великолепно воспитана. Иван III же из честолюбия желал в то время быть не просто князем, а царем. Так, в 1472 г. Софья и великий князь обвенчались в кремлевском Успенском соборе в Москве. Папский план воздействовать на Ивана III через Софью и убедить его признать унию (объединение двух конфессий — православной и католической) не был реализован. Софья сама приняла православие, как только пересекла границу с Русью. В дальнейшем именно она пристыдила мужа за трусость, когда он готовил дань хану Большой Орды Ахмату, уговорила князя Ивана выйти с войском на реку Угру и сделать окончательный шаг по ликвидации татарского ига. Она же завезла в страну итальянских умельцев, руками которых была построена белокаменная

Москва с Кремлем в итальянском стиле. Двуглавый орел на гербе тогдашней Руси в качестве эмблемы рода Палеологов, появился опять же по ее протекции. Иван же во всем потакал жене и не поддавался на критику и нелюбовь народа к жене-иноземке. При этом Софья отчаянно тайно боролась за русский трон. И уже в 1505 г. правдами и неправдами новым царем на Руси станет сын Софьи, Василий III, будущий отец Ивана IV (Грозного), из рода Рюриковичей и одновременно из рода Палеологов, династии императоров, правивших Византией на протяжении более двух столетий. При этом все мастерство византийских интриг и римского коварства, возвращаемых тысячелетием, было реализовано при царском дворе в Москве. Так, уже изначально при наличии у Софьи Палеолог наследственного статуса принцессы византийской, она далеко не простым путем получила (но уже больше для своих потомков) царскую власть и собственность, сформировав, таким образом, свою элитарную группу в Московском княжестве, которая во многом предопределила в дальнейшем и его политику, и его культуру. Данный династический брак во многом способствовал во время правления великого князя Московского Ивана III (Ивана Великого) объединению русских земель вокруг Москвы, превращению ее в центр единого Русского государства. Именно поэтому он получил прозвище «собирателя земли русской» и именовался государем всея Руси. Он также титуловался царем в некоторых документах, а в иностранных источниках именовался даже императором [31, 56]. При этом вновь сформированная при Иване III и при непосредственном участии его супруги Софьи политическая и управленческая элита как несомненное инновационное преобразование предопределила облик новой институциональной среды в Русском государстве. В частности, был принят свод законов государства в виде Судебника, заложены основы поместной системы землепользования. И все это было осуществлено без насилия над собственным народом [10]. Его же сын Василий III не только закрепился в статусе (пока не официальном) царя всея Руси, но и впервые на международном уровне приобрел титул императора в соответствии с договором от 1514 г. с императором Священной Римской империи Максимилианом I [26, 62]. А это уже является принадлежностью к элите европейских монархов. Таким образом, династический брак, заключенный Иваном III с Софьей Палеолог, позволил вывести статус элитарности великих московских князей на международный уровень. И с

тех пор он уже не менялся на протяжении более 400 лет. Однако упорство, с которым Софья протолкнула в наследники российского престола именно своего сына, привело к существенному расколу в боярской среде, отголоски которого впоследствии пришлось с лихвой ощутить во время своего правления ее внуку — царю Ивану IV (Грозному). Этот первичный раскол впоследствии привел к необходимости сменить боярскую политическую элиту в России на элиту дворянскую, в частности, через опричнину [5]. При этом в период опричнины впервые было реализовано сосредоточение собственности, отобранной у боярства, в управлении монарха для последующей раздачи ее новой дворянской элите. Это был как бы банк земельных наделов, хотя и принадлежащий Ивану Грозному, но фактически представлявший собой резервную собственность для будущей новой дворянской многочисленной элиты [21]. Аналогично в качестве подобной резервной собственности для новой элиты и была, по сути, вся общенародная собственность в период существования Советской России.

В качестве форм и механизмов становления политической элиты в России в период правления дома Романовых характерен пример появления в составе значимого дворянства рода Фонвизиных. Его родоначальник, рыцарь Ливонского ордена Бернхард Вольдемар фон Визен, во время Ливонской войны вместе с тремя сыновьями попал в плен к Ивану Грозному и перешел к нему на службу в иноземное войско. Он относился к германскому дворянскому сословию и имел титул барона [29]. Впоследствии одному из его сыновей — Денису Петровичу (точнее, Берндотовичу или Бернхардовичу — в разных источниках по-разному) Фонвизину — была пожалована в 1619 г. в соответствии с царской грамотой Михаила Федоровича Романова вотчина в Галичском уезде Костромской губернии, а значит, и дворянское звание. Его заслуга заключалась в успешном отражении штурма осажденной поляками Москвы осенью 1618 г. в качестве одного из московских воевод. Он командовал тогда тремя ротами бельских немцев, которые в критический момент, когда поляки уже захватили Арбатские ворота Белого города, пришел на выручку и отбил в самый критический момент штурм наседавших поляков. Впоследствии из этого рода вышли и государственные деятели (московский губернатор, самарский воевода, несколько тайных советников), и декабрист, и драматург, и первый директор Московского

университета [30]. В своей же вотчине Денис Петрович построил усадьбу Кокорюкино, остававшуюся родовым поместьем Фонвизиных вплоть до Октябрьского переворота 1917 г. (именно в этом поместье уже в 1860-е гг. родилась прапрабабка одного из авторов настоящей работы Анна, в замужестве носившая фамилию Голубевой). Род Фонвизиных существует до сих пор, а его представители в настоящее время носят более двух десятков различных фамилий.

Как было отмечено, последняя смена политической элиты в России заняла более 70 лет. Началась она в 1917 г. с Октябрьского переворота и закончилась перестройкой в начале 1990-х гг. Причина смены элиты в основном была в перенаселении тогдашней России представителями крестьянства в европейской ее части. К 1917 г. было около 40 млн человек, которые уже не могли прокормиться на своих земельных наделах. Нужно было срочно переводить сельское население в городское с тем, чтобы расширить возможности его трудоустройства на промышленных предприятиях. Но таких предприятий не могло быть в достаточном количестве без индустриализации, которая и была реализована в 1920—1930 гг. [12]. Но смена элиты предполагает изъятие собственности у старой элиты и ее передачу новой. И здесь возникают проблемы — единовременно изъять-то собственность можно, но вот ее передачу новым владельцам так быстро не реализовать. Поэтому процесс передачи собственности растягивается на значительный период. И ее надо как-то легализовать, хотя бы чисто внешне. Исторически собственность была объявлена общенародной, и управленческие функции, которые ранее выполняла элита, были переданы партийно-бюрократическому аппарату. Последний реализовывал их через принуждение, вплоть до открытого террора, так как других методов в условиях отсутствия элиты быть не могло.

Экономически подход через принуждение был и является более эффективным методом управления страной, но менее устойчивым из-за эрозии потенциала принуждения. Ведь бюрократия со временем стремится закрепиться в наследственной форме, что вынуждает проводить ее периодическую замену в виде политических чисток. А именно, для этих целей со временем не хватает кадров — они сами идеологически начинают разлагаться и тяготеть к той самой бюрократии. Поэтому в России в начале 1990-х и произошли события, связанные со становлением новой элиты, которая выросла из

партийной бюрократии, и уже на основе экономических реформ приобрела наряду с былым ее статусом еще и собственность. Однако это было сделано через семантический подлог, когда общенародную собственность назвали собственностью государственной и провели ее приватизацию. В итоге новая политическая элита в России не обладает необходимой для успешного управления страной легитимностью. И именно поэтому слабая легитимность приводит к недоверию народных масс к правительству и, как следствие, к высокому коррупционному потенциалу в самом социуме.

Особенности сегодняшней политической элиты Китая также тесно связаны с потенциалом принуждения при управлении страной. Но если в России такой потенциал был уже полностью израсходован к началу перестройки, то в Китае его еще хватило, чтобы в период волнений, охвативших Китай в период, аналогичный российской перестройке, жестко подавить и с немалыми при этом жертвами движение против тогдашнего партийного руководства. В итоге сейчас в Китае управление страной осуществляется теми же методами принуждения со стороны партийного руководства в отношении всех представителей бизнеса [9]. Что касается конфуцианской идеологии, оправдывающей якобы наличие представителей более разумной и более ответственной прослойки населения, которая и должна руководить страной [24], то, на наш взгляд, это не более, чем фиговый листок в сегодняшнем политическом истеблишменте Китая.

Итак, выдвинут и эмпирически обоснован постулат об определяющей роли исторически детерминированного метода разрешения противоречия «статус—собственность» при смене политических элит. При этом форма разрешения указанного противоречия предопределяет уровень легитимности новой элиты, который, в свою очередь, ответствен за содержание и свойства вновь формируемой институциональной среды, в частности, за ее инновационный потенциал.

Литература

1. Авдокушин Е.Ф., Братищева Е.Н., Иванова В.Н. Разработка стратегий инклюзивного развития экономики России в условиях смены мировых рентных приоритетов: монография / Под ред. Е.Ф. Авдокушина. М.: РУСАЙНС, 2020.

2. *Белоконев С.Ю., Дудин М.Н., Хоконов А.А.* Влияние совместного потребления и сетевых информационных технологий на социальные процессы // Экономика, предпринимательство и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 445—462.
3. *Братищева Е.Н., Иванова В.Н.* Взаимосвязь и цикличность инвестиционных и инновационных рисков в условиях инклюзивного развития // Управление финансовыми рисками. 2021. № 3 (67). С. 224—237.
4. *Волосов Е.Н.* Столичная технократическая элита 1960—1980-х годов: сибирские эпизоды биографии // Вестник КГПУ имени В.П. Астафьева. 2011. № 3 (21). С. 202—207.
5. Все об опричнине Ивана Грозного: причины, этапы, итоги: URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/wiki-istoriya-oprichnina-ivana-groznogo> (дата обращения: 13.09.2021).
6. *Гаман-Голутвина О.В.* Политическая элита: определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97—103.
7. *Грант М.* Римские императоры. Биографический справочник правителей Римской империи. М.: Терра — Книжный клуб, 1998.
8. Заключение Временной комиссии, созданной в соответствии с постановлением Совета Федерации ФС РФ от 15.10.1998 г. № 447-СФ, по расследованию причин, обстоятельств и последствий решений от 17 августа 1998 года.
9. *Зуенко И.* Подчиниться или уйти: как Компартия Китая поставила бизнес перед сложным выбором: URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/437307-podchinit'sya-ili-uyti-kak-kompartiya-kitaya-postavila-biznes-pered-slozhnym> (дата обращения: 25.08.2021).
10. Иван III Васильевич. Князь Московский: URL: <https://biographe.ru/politiki/ivan-3/> (дата обращения: 13.09.2021).
11. *Иванов Н.А., Иванов А.А.* Проблемы единства и патриотизма в современных политических условиях РФ // Россия в игре: страна и мир: монография по итогам международной научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия» (эконом. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, 5—7 декабря 2018 г.) / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. Ростов н/Д; Таганрог: Изд. Южного федерального ун-та, 2019. С. 125—133.

12. *Иванов С.В., Щербаков А.* Гибель Империи. Миф о промышленном развитии при царе: URL: <https://zen.yandex.ru/media/russianengineering/gibel-imperii-mif-o-promyshlennom-razvitii-pri-care-611528a0e8aa254e277e2ff6> (дата обращения: 15.08.2021).
13. *Иванова В.Н.* Цикличность типов институциональной логики как метод регулирования социальных отношений в малых неоднородных группах // *Философия хозяйства*. 2022. № 2. С. 230—254.
14. *Иванова В. Н., Колтуновский К.И.* Воздействие цифровой экономики на инновационные риски в традиционных отраслях и в сфере совместного потребления // *Управление финансовыми рисками*. 2020. № 3 (63). С. 200—209.
15. *Иванова В.Н., Колтуновский К.И.* Экономика совместного потребления как сфера инновационной деятельности // *Философия хозяйства*. 2021. № 1 (133). С. 41—55.
16. *Кочнева А.* Финикийцы — императоры Рима: URL: <https://zen.yandex.ru/media/anhar/finikiicy-imperatory-rima-6106a30d49aa541e4a5410cc> (дата обращения: 24.08.2021).
17. *Кузьминов Я.И.* Тезисы о коррупции: URL: https://www.hse.ru/data/2012/11/26/1301609583/1999_in-vest_klimat_Kouzmanov.pdf (дата обращения: 12.07.2021).
18. *Лазуткина Е.В.* Некоторые вопросы теории элиты Вильфредо Парето и современность // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева*. 2014. № 2 (28). С. 171—175.
19. *Лукинский А.* Софья Палеолог: как одна женщина подняла Россию с колен. Главные факты о знаменитой жене князя Ивана III: URL: <https://zen.yandex.ru/media/rubez/sofia-paleolog-kak-odna-jen-scina-podniala-rossiiu-s-kolen-glavnye-fakty-o-znamenitoy-jene-kniazia-ivana-iii-610a8ef5e60aff0d8914ef57> (дата обращения: 22.08.2021).
20. *Мазикина Л.* Царицы половины Азии: Как женщины из семьи Тамерлана делали политику: URL: <https://kulturologia.ru/blogs/300518/39140/> (дата обращения: 17.08.2021).
21. *Опричнина Ивана Грозного 1565—1572 годов*: URL: <https://istoriarusi.ru/car/oprichnina-ivana-groznogo-kratko.html> (дата обращения: 13.09.2021).

22. *Парето В.* Компендиум по общей социологии (Пер. изд.: Pareto V. Compendio di sociologia generale / A cura di G. Farina. Firenze: Barbera, 1920). М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

23. *Парфенов Л.* Дагестанская коррупция: URL: <https://zen.yandex.ru/media/parfenov/dagestanskaia-korrupciia-60adfe3fbb525d42646f168e> (дата обращения: 14.08.2021).

24. Путин на Валдае: модель капитализма, смертность от коронавируса и цена на газ: URL: <https://ruspolitnews.ru/utrennij-mardan-22-10-2021.html> (дата обращения: 24.10.2021).

25. *Серегина В.В., Середина М.Н.* Современные тенденции развития экономики совместного потребления (шеринг-экономики) в России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 11 (ноябрь): URL: <http://e-koncept.ru/2019/194060.htm>.

26. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 5. Договоры России с европейскими и азиатскими государствами (1326—1584).

27. *Тавадов Г.Т.* Политология: учебное пособие. М.: Фаир-пресс, 2000.

28. Теория политических элит: URL: https://studwood.ru/1068051/politologiya/teoriya_politicheskikh_elit (дата обращения: 24.02.2021).

29. Фонвизины дворяне. История русских родов: URL: <https://russianfamily.ru/fonvizin/> (дата обращения: 24.02.2021).

30. Фонвизины. Родословие: URL: http://oldmikk.ru/Page3_let_december_drevo1.html (дата обращения: 24.02.2021).

31. *Хорошкевич А.Л.* Россия и Московия: Из истории политико-географической терминологии // Acta Baltico-slavica. 1976. Т. X.

32. *Flood R., Marion N.* Speculative Attacks: Fundamentals and Self-Fulfilling Prophecies // NBER Working Paper. 1996. No. 5789.

References

1. *Avdokushin E.F., Bratishcheva E.N., Ivanova V.N.* Razrabotka strategij inklyuzivnogo razvitiya ekonomiki Rossii v usloviyah smeny mirovyyh rentnyh prioritetov: monografiya / Pod red. E.F. Avdokushina. М.: RUSAJNS, 2020. 358 s.

2. Belokonev S.YU., Dudin M.N., Hokonov A.A. Vliyanie sovmestnogo potrebleniya i setevykh informacionnykh tekhnologij na social'nye processy // *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. 2019. T. 9. № 4. S. 445—462.
3. Bratishcheva E.N., Ivanova V.N. Vzaimosvyaz' i ciklichnost' investicionnykh i innovacionnykh riskov v usloviyah inklyuzivnogo razvitiya // *Upravlenie finansovymi riskami*. 2021. № 3 (67). S. 224—237.
4. Volosov E.N. Stolichnaya tekhnokraticeskaya elita 1960—1980-h godov: sibirskie epizody biografii // *Vestnik KGPU imeni V.P. Astaf'eva*. 2011. № 3 (21). S. 202—207.
5. Vse ob oprichnine Ivana Groznogo: prichiny, etapy, itogi: URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/wiki-istoriya-oprichnina-ivana-groznogo> (data obrashcheniya: 13.09.2021).
6. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskaya elita: opredelenie osnovnykh ponyatij elitologii // *Polis*. 2000. № 3. S. 97—103.
7. Grant M. Rimskie imperatory. Biograficheskij spravocnik pravitelej Rimskoj imperii. M.: Terra — Knizhnyj klub, 1998. 400 s.
8. Zaklyuchenie Vremennoj komissii, sozdannoj v sootvetstvii s postanovleniem Soveta Federacii FS RF ot 15.10.1998 g. № 447-SF, po rassledovaniyu prichin, obstoyatel'stv i posledstvij reshenij ot 17 avgusta 1998 goda.
9. Zuenko I. Podchinit'sya ili uyti: kak Kompartiya Kitaya postavila biznes pered slozhnym vyborom: URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/437307-podchinit'sya-ili-uyti-kak-kompartiya-kitaya-postavila-biznes-pered-slozhnym> (data obrashcheniya: 25.08.2021).
10. Ivan III Vasil'evich. Knyaz' Moskovskij: URL: <https://biographe.ru/politiki/ivan-3/> (data obrashcheniya: 13.09.2021).
11. Ivanov N.A., Ivanov A.A. Problemy edinstva i patriotizma v sovremennykh politicheskikh usloviyah RF // *Rossiya v igre: strana i mir: monografiya po itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossijskij mittel'shpil': ekonomika, tekhnogenez, geostrategiya»* (ekonom. f-t MGU im. M.V. Lomonosova, g. Moskva, 5—7 dekabrya 2018 g.) / Pod red. YU.M. Osipova, A.YU. Arhipova, E.S. Zotovoj. Rostov n/D; Taganrog: Izd. YUzhnogo federal'nogo un-ta, 2019. 292 s. S. 125—133.
12. Ivanov S.V., SHCHerbakov A. Gibel' Imperii. Mif o promyshlennom razvitii pri care: URL: <https://zen.yandex.ru/media/>

russianengineering/gibel-imperii-mif-o-promyshlennom-razvitii-pri-care-611528a0e8aa254e277e2ff6 (data obrashcheniya: 15.08.2021).

13. *Ivanova V.N.* Ciklichnost' tipov institucional'noj logiki kak metod regulirovaniya social'nyh otnoshenij v mal'nyh neodnorodnyh grup-pah // *Filosofiya hozyajstva*. 2022. № 2. S. 230—254.

14. *Ivanova V. N., Koltunovskij K.I.* Vozdejstvie cifrovoj ekonomiki na innovacionnye riski v tradicionnyh otraslyah i v sfere sovmestnogo potrebleniya // *Upravlenie finansovymi riskami*. 2020. № 3 (63). S. 200—209.

15. *Ivanova V.N., Koltunovskij K.I.* Ekonomika sovmestnogo po-trebleniya kak sfera innovacionnoj deyatel'nosti // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 1 (133). S. 41—55.

16. *Kochneva A.* Finikiicy — imperatory Rima: URL: <https://zen.yandex.ru/media/anhar/finikiicy-imperatory-rima-6106a30d49aa541e4a5410cc> (data obrashcheniya: 24.08.2021).

17. *Kuz'minov YA.I.* Tezisy o korruptcii: URL: https://www.hse.ru/data/2012/11/26/1301609583/1999_in-vest_klimat_Kouzmanov.pdf (data obrashcheniya: 12.07.2021).

18. *Lazutkina E.V.* Nekotorye voprosy teorii elity Vil'fredo Pareto i sovremennost' // *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagog-icheskogo universiteta imeni V.P. Astaf'eva*. 2014. № 2 (28). S. 171—175.

19. *Lukinskij A.* Sof'ya Paleolog: kak odna zhenshchina podnyala Rossiyu s kolen. Glavnye fakty o znamenitoj zhene knyazya Ivana III: URL: <https://zen.yandex.ru/media/rubez/sofia-paleolog-kak-odna-jen-scina-podniala-rossiiu-s-kolen-glavnye-fakty-o-znamenitoi-jene-kniazia-ivana-iii-610a8ef5e60aff0d8914ef57> (data obrashcheniya: 22.08.2021).

20. *Mazikina L.* Caricy poloviny Azii: Kak zhenshchiny iz sem'i Tamerlana delali politiku: URL: <https://kulturolo-gia.ru/blogs/300518/39140/> (data obrashcheniya: 17.08.2021).

21. Oprichnina Ivana Groznogo 1565—1572 godov: URL: <https://istoriarusi.ru/car/oprichnina-ivana-groznogo-kratko.html> (data obrashcheniya: 13.09.2021).

22. *Pareto V.* Compendium po obshchej sociologii (Per. izd.: Pa-reto V. Compendio di sociologia generale / A cura di G. Farina. Firenze: Barbera, 1920). M.: Izd. dom GU VSHE, 2008. 511 s.

23. *Parfenov L.* Dagestanskaya korrupciya: URL: <https://zen.yandex.ru/media/parfenov/dagestanskaia-korrupciia-60adfe3fbb525d42646f168e> (data obrashcheniya: 14.08.2021).
24. Putin na Valdaе: model' kapitalizma, smertnost' ot koronovirusa i cena na gaz: URL: <https://ruspolitnews.ru/utrennij-mardan-22-10-2021.html> (data obrashcheniya: 24.10.2021).
25. *Seregina V.V., Seredina M.N.* Sovremennye tendencii razvitiya ekonomiki sovmestnogo potrebleniya (shering-ekonomiki) v Rossii // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». 2019. № 11 (noyabr'): URL: <http://e-koncept.ru/2019/194060.htm>.
26. Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov. CH. 5. Dogovory Rossii s evropejskimi i aziatskimi gosudarstvami (1326—1584).
27. *Tavadov G.T.* Politologiya: uchebnoe posobie. M.: Fair-press, 2000. 416 s.
28. Teoriya politicheskikh elit: URL: https://studwood.ru/1068051/politologiya/teoriya_politicheskikh_elit (data obrashcheniya: 24.02.2021).
29. Fonviziny dvoryane. Istoriya russkikh rodov: URL: <https://russianfamily.ru/fonvizin/> (data obrashcheniya: 24.02.2021).
30. Fonviziny. Rodoslovie: URL: http://oldmikk.ru/Page3_let_december_drevo1.html (data obrashcheniya: 24.02.2021).
31. *Horoshkevich A.L.* Rossiya i Moskoviya: Iz istorii politiko-geograficheskoy terminologii // Acta Baltico-slavica. 1976. T. X.

Г.С. ШИРОКАЛОВА

Историческая правда о СССР: от кого и для кого?*

Аннотация. Историческая память во все времена является объектом манипуляции со стороны акторов, имеющих политические, юридические, финансовые, информационные ресурсы. Сосредоточенные в руках государства или власть имущих социальных групп,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Широкалова Г.С. Историческая правда о СССР: от кого и для кого? // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 238—252.

они конструируют образ прошлого, соответствующий их тактическим или стратегическим целям. Цель автора статьи на основе исследований разных социологических центров доказать, что негативный образ советского прошлого и его ярчайших представителей, формировавшийся с целью разрушения Советского Союза, был воспринят значительной частью населения России во всех возрастных группах. Ориентация на патриотизм, провозглашенный национальной идеей при президенте Путине, и символизирующийся Победой в Великой Отечественной войне, не привела к консолидации общества по нескольким причинам. Назовем две. Во-первых, патриотизм, как и национальная идея, объединяет граждан страны в том случае, если они соответствуют политике, ориентированной на достижение будущего, отвечающего потребностям большинства. Не сводимые к вербальной формуле они невозможны в асолидарном обществе. Национальная идея, опрокинутая в прошлое, не может быть символом для поколений, которые уже условиями социального старта обречены на неравное будущее. Во-вторых, сакральность образа Победы и «отрыв» ее от истории СССР в целом разрушается до сих пор, хотя и в не столь явной форме.

Ключевые слова: историческая память, историческая правда, социальные группы, социологические исследования.

Abstract. Historical memory has always been the object of manipulation by actors with political, legal, financial, and information resources. Concentrated in the hands of the state or in the hands of powerful social groups, they construct an image of the past that corresponds to their tactical or strategic goals. The aim of the author of the article, based on the research of various sociological centers, is to prove that the negative image of the Soviet past and its brightest representatives, formed with the aim of destroying the Soviet Union, was perceived by a significant part of the Russian population in all age groups. The focus on patriotism, proclaimed a national idea under President Putin, and symbolized by Victory in the Great Patriotic War, did not lead to the consolidation of society for several reasons. Let's name two. Firstly, patriotism, like the national idea, unites the citizens of the country if they comply with a policy focused on achieving a future that meets the needs of the majority. They cannot be reduced to a verbal formula in an asolidar society. The national idea, overturned into the past, cannot be a symbol for generations who are already doomed

to an unequal future by the conditions of a social start. Secondly, the sacredness of the image of Victory and its «separation» from the history of the USSR as a whole is still being destroyed, although in a less explicit form.

Keywords: historical memory, historical truth, social groups, sociological research.

Историческая правда: от кого? Исторический модернизм объективен, а, следовательно, «историческая правда» имеет ангажированное содержание, реконструируемое в зависимости от потребностей социального актора относительно общества или социальной группы. Как справедливо заметил С.В. Синяков, в XX в. «идея историзма была чрезмерно расширена и сведена к прагматическим функциям. Изучение прошлого стало рассматриваться не как самоцель, а как средство для решения современных политических задач» [16, 144]. И средство оказалось весьма эффективным.

Россияне стали свидетелями и участниками изменения трактовки истории своей страны, так в СМИ тиражировалась с разными вариантами фраза: «Лучше бы нас немцы завоевали. Мы бы баварское пиво пили», до внесения в 2021 г. в УК РФ и КоАП РФ наказания за публичное унижение чести и достоинства ветеранов, совершенное через СМИ или интернет штрафами от 2 до 5 млн р., а максимальным лишением свободы до 5 лет. «Государственная правда» считается официальной и предназначена для граждан данной страны и зарубежной общественности: изменения, которые были внесены в КоАП РФ и УК РФ, ужесточающие наказание, были рекомендованы как модельные для стран ОДКБ и СНГ [6].

Официальное представление о советском прошлом формируется государственными институтами в соответствии с позицией первых лиц страны. Об отрицательном отношении к разрушению СССР неоднократно говорил В.В. Путин, начиная с выступления в 2005 г. перед Федеральным собранием, когда он заявил, что «разрушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории. Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию» [13].

В 2016 г. им была дана более объемная оценка: «...развал Советского Союза — это общенациональная трагедия огромного масштаба. Я думаю, что рядовые граждане бывшего Советского Союза и граждане постсоветского пространства, стран СНГ, рядовые граждане, ничего от этого не выиграли — наоборот, люди столкнулись с огромным количеством проблем <...> Есть и определенные плюсы в том состоянии, в котором мы находимся. Я думаю, что от такого размежевания выиграли в основном элиты, так называемые, и часть, такая националистически настроенная часть, в этих республиках» [9]. Прокомментируем: диалектика, как известно, вездесуща: националисты и элиты действительно выиграли, но не этот ли «плюс» стал причиной спецоперации на Украине, еще одного идеологического раскола в России и напряженности между странами СНГ?

Тема утраты Россией территорий и живущего на ней населения стала постоянным рефреном в выступлениях В.В. Путина. На встрече со школьниками во Всероссийском детском центре «Океан» во Владивостоке 1 сентября 2021 г. президент заявил, что если бы не революция 1917 г. и крушение Советского Союза у нас, по оценкам некоторых специалистов, население составляло бы 500 млн человек [3]. Эта цифра широко использовалась для доказательства масштаба преступлений СССР против собственного народа с конца 1980-х гг., при этом игнорировался тот факт, что прогноз дан Д.И. Менделеевым в начале XX в., до Первой мировой войны, и с оговоркой, что *среднее количество родов* останется 7—9 на одну крестьянскую женщину, а медицина сделает большие успехи...

Решающей же причиной крушения СССР президент объявил октябрь 1917 г.: «Октябрьская революция, без всяких сомнений, — это крупнейшее событие мировой истории, надо к этому относиться именно так, это было прологом к огромной внутригосударственной трагедии <...> в результате которой миллионы людей погибли, многие сотни тысяч остались без родного дома, на чужбине оказались и так далее <...> Вы знаете, даже сейчас уже считают задним числом, что бы было, если бы не было этого раскола, если бы не было гражданской войны, какими темпами в 1914 г. развивалась Россия. Темпы роста экономики России были выше мировых <...> в 1914 г. <...> Поэтому если бы такая тенденция сохранялась, то, знаете, в политике нет сослагательного наклонения, но точно можно сказать, что мощь Российского государства была бы просто огромной, просто

огромной» [4]. И здесь не обойтись без уточнений о сослагательности: ВВП аграрной страны, где 85% составляют крестьяне, зависит от урожая, поэтому в России, где большая часть сельскохозяйственных земель находится в зоне рискованного земледелия, надо брать для анализа большие временные периоды. Показательно и то, что, отодвигая в начало XX в. причины разрушения СССР, президент никогда не упоминает знаковые фигуры конца XX — начала XXI в.: Горбачева, Ельцина, Кравчука, Шушкевича и их идеологическую обслугу.

Закономерно, что опираясь на информационную базу, подготовленную идеологами соответствующей ориентации, президент поддержал идею увековечивания памяти участников белогвардейского сопротивления. Кстати, памятники им, включая тех, кто поддерживал Гитлера, как генерал Краснов, начиная с 2003 г., уже возводятся в России [10]. Согласно закону единства противоположностей «примирения сторон» не получилось. Не случайна актуализация сайтов с песнями о Белой армии, в которых комиссары ведут в кабинеты «девочек» поручиков голицыных...

В этих условиях «законодательные акты о наказании за искажение исторической правды о Второй мировой войне несут политические риски, поскольку сформированы социально активные сообщества, заинтересованные в «перелицовке истории» под стратегические цели и имеющие серьезную финансовую и информационную поддержку, в том числе зарубежную. В качестве примера приведем выступление 15 апреля 2022 г. на конференции «Тревожное общество и (не)возможности солидарности», проведенной в Санкт-Петербурге, руководителя фракции «Яблоко» в Законодательном собрании Санкт-Петербурга, члена Комиссии по образованию, культуре и науке А.В. Шишлова, в котором одной из главных причин современной политической ситуации названо отсутствие должной негативной оценки сталинизма.

Мнение о передовых позициях Российской империи положено в основу оценки народного хозяйства и политики Советского Союза в целом, на что интернет-сообщество отзывается резкой критикой. Особенно показательной была реакция на выступление В.В. Путина в Государственной Думе 8 мая 2012 г.: в кризис: «...мы “упали” больше, чем многие страны <...> Из-за того, что у нас односторонняя экономика <...> Да она 70 лет так складывалась. Потому что все, что

мы производили <...> было никому не нужно, потому что наши га-лоши никто не покупал, кроме как африканцы, которые должны были по горячему песку ходить <...> У нас была оборонка — классная, сильная, и мы ею гордимся до сих пор. Мы благодарны нашим дедам и нашим отцам за то, что они создали после Великой Отечественной войны такую оборонку <...> Но товары народного потребления... Где они были? Их не было» [12]. Возмущившись «калошами», оппоненты около 20 сайтов в интернете игнорировали, что в выступлении упоминалось о передовых достижениях СССР в области вооружений, и построили комментарии на доказательствах технических преимуществ нашей страны, что свидетельствует о приоритетных ценностях обсуждавших [15]. Но спор, возникший в Думе, заставил и государственные каналы обращаться к достижениям СССР в военной сфере.

Историческая правда: для кого? Нельзя исключать роли народной памяти, корректирующей представление об исторических эпохах в зависимости от нескольких факторов. Выделим из них два, на первый взгляд самостоятельных, но фактически взаимообусловленных: присутствие в информационном пространстве (прежде всего, в повседневном, неофициальном) представителей поколений, живших в «конструируемый период», и сравнительный уровень удовлетворения в прошлом и настоящем витальных, социальных, духовных потребностей той или иной социальной группой. Но поколения участников событий и очевидцев уходят, а пораженные информационной войной поколения остаются... Надежды на «Бессмертный полк» и сайты о Великой Отечественной войне, на которых собираются сведения об ее участниках, как на звено, цементирующее связь государства и народа, преувеличены. Самоидентификация человека как члена большой семьи (культ предков) не тождественна самоидентификации его же как гражданина страны, в которой человек живет в данное время. Наглядное подтверждение этому факту — шествие «Бессмертного полка» в странах с многочисленными диаспорами мигрантов из СССР и России.

Тиражируемые СМИ идеологические установки за последние десятилетия создали информационный фон, который фиксируется в результатах социологических исследований. В соответствии с законами психологической войны основной упор был сделан на создание негативных образов граждан Советского Союза. Эмоциональное отношение к реальным или вымышленным поступкам героев

вытесняло или затемняло их вклад в развитие страны. Об эффективности такой стратегии свидетельствуют данные исследования ВЦИОМ и РБК «30 лет без СССР», проведенные в декабре 2021 г. Отвечая на открытый вопрос, героями советской эпохи назвали: Ю.А. Гагарина (41% респондентов), Г.К. Жукова (22%), И.В. Сталина (20%). Значительны колебания по возрасту: среди 18- и 24-летних Гагарина и Сталина как героя выбрали 21%, В.И. Ленина — до 15%; в этой же возрастной группе 19% выбрали Сталина отрицательным героем, а Ленина — 8%, при средней по выборке, соответственно, 11% и 4%. Почти четверть респондентов затруднились с ответом.

На основе данных ВЦИОМ, можно сделать вывод, что попытки формирования единой для всех идеологии патриотизма через актуализацию памяти о Великой Отечественной войне не ликвидировало заданный в предыдущие десятилетия ценностный разрыв в оценках советского прошлого:

- 1) практически для четверти населения (34% из 18- и 24-летних) среди деятелей советской эпохи нет героических личностей;
- 2) 40% респондентов (51% среди 25- и 34-летних) не могли назвать никого, кто бы вызывал у них негативные эмоции, антипатию;
- 3) даже среди тех, кому 60 и более, 23% не называли «героев», 39% «антигероев» плюс к ним каждый десятый написал ответ «нет таких» [5].

Диаметрально противоположное отношение к историческим личностям и безразличие к этим вопросам означают, что информационный поток с конца 1980-х, подстроенный под нужды политического момента, сформировал «идеологическое тесто» среди всех возрастных групп. Реальность такова, что «для индивида выгоднее не сопротивляться господствующей идеологии, а принять ее, хотя бы только внешне. Если внешнее принятие оказывается достаточно длительным, то создаваемый им когнитивный диссонанс разрешается через изменение установок, то есть, внутреннее принятие господствующей идеологии» [1, 9]. «Рукопожатность» важна в среде профессионального, личного общения: потребность в уважении окружающих тесно связана с потребностью самоуважения, а обе они базовые для человека, живущего в обществе.

В продолжение темы о последствиях тотальной критики патриотизма как идеологии с конца 1980-х до начала 2000-х гг. приведем данные мониторингового исследования ученых РАНХиГС в 30 регионах РФ: Победой в Великой Отечественной войне 1941—1945 г. гордились в 2001 г. 23,2%, в 2015 г. — 22,2%. Ничем не гордились в 2015 г. — 22,7%. В целом же учеными был зафиксирован не менее широкий разброс мнений об историческом прошлом страны, чем в предыдущем исследовании. Увеличение разнообразия мотивов интереса к истории (желание расширить свой кругозор возникло у 56,5%; потребность узнать и понять корни своей страны и своего народа ощутили 46,9%; треть респондентов (14,8%) обнаружили стремление найти в истории ответы на злободневные вопросы, увлеченность собственн историей и т. д.), на наш взгляд, приведет лишь к росту версий «исторической правды», поскольку информационное поле не структурировано. Многочисленный исторический фальсификат, с которым сталкиваются россияне, интересующиеся «великими людьми российской истории» (55,1%), становлением и развитием российского государства (50,8%), событиями военной истории (36,4%) и др. увеличивает «зону поражения» в информационной войне поколений. Тем не понятнее причины, по которым авторы исследования считают современную историческую память показателем консолидации российского общества [14].

Мы считаем бездоказательным утверждение В.В. Пациорковского, что «в конституционных поправках, и в действиях властей в период самоизоляции просматривается обратное движение к социалистическим распределительным отношениям» [11, 93], поскольку коррупция, как и доля живущих за чертой бедности в РФ, увеличивается, что является результатом и фактором дальнейшего социального расслоения [18, 119].

По нашему мнению, результаты социологических исследований должны настораживать, а не успокаивать политиков, поскольку формула «делать жизнь с кого», по сути, есть установка на определенную стратегию личного поведения в повседневной жизни и в экстремальных ситуациях, которыми богато современное общество риска. Для доказательства данной взаимосвязи приведем результаты нашего масштабного исследования исторической памяти, проведенного Российским обществом социологов в 2020 г. [10]. Не случайна критическая самооценка своего поколения: 56,4% считают, что

сегодня тех, кто добровольно пошел бы на фронт в случае войны будет меньше, чем во времена Великой Отечественной; 12,3% выбрали ответ «больше». По этому же поводу напомним поговорку: «Скажи мне кто твой друг, и я скажу, кто ты» (табл. 1).

Таблица 1

**Поведение друзей в случае начала войны
в процентном соотношении от опрошенных**

	%
Стали бы ждать повестки из военкомата	33,6
Сразу бы добровольно пошли на фронт	20,8
Постарались бы уехать из страны	18,0
Постарались бы найти работу, с которой не берут в армию	16,4
Не могу отвечать за других	1,5
Затрудняюсь ответить	6,0

«Отеческие гробы» для молодежи, как свидетельствуют многочисленные исследования, не являются «якорем в родной гавани». Из наших респондентов после получения образования в России планируют жить и работать 41,6%, 33,9% будут ориентироваться на «хорошую работу», 11,4% ориентируются на выезд из страны; остальные пока колеблются. И это до начала спецоперации на Украине.

Критическое отношение к отечеству приводит к росту толерантности по отношению к другим странам. Все более распространенным становится внешнеэмоциональное отношение к пересмотру молодежи совместной истории. Приведем ответы студентов на вопрос о том, как Россия должна реагировать на снос памятников советским войнам: 48% ответили, что «страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным. Россия не должна вмешиваться», 22,8% — «нужно сокращать сотрудничество с этими странами», 11,1% — за последние годы открыты архивы, стали известны многие факты, которые заставили пересмотреть роль СССР во Второй мировой войне и послевоенное время; 5,4% — «это расплата за ошибки СССР в послевоенное время»; 7,6% — «мне лично все равно».

Таблица 2

**Мнения студентов о событиях второй мировой войны,
в процентном соотношении от опрошенных**

	Отвер- гаю	Спорно, но об- сужда- емо	Можно согла- ситься
В войне виновны и Германия, и СССР	40,1	43,9	16,1
Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. НЕ было неожиданным	30,1	35,6	34,2
Помощь фашистам («Лесные братья», «Бандеровцы» и т.д.) можно оправдать борьбой против советского строя, сталинизма, за независимость Украины, стран Прибалтики и др.	38,8	45,8	15,4
Освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944—1945 гг. было оккупацией	35,8	50,8	13,4
Осквернение могил и снесение памятников советским воинам и полководцам в ряде стран — это декоммунизация (борьба с наследием СССР)	37,6	30,0	32,4

Многовариантность истории нашла отражение и в оценках причин Второй мировой войны, входа советских войск в страны Прибалтики и Восточной Европы, в отношении к воинским соединениям, созданным из населения оккупированных территорий, осквернению могил советских воинов за рубежом (табл. 2).

Многофакторность убеждений, в конечном счете, приводит к коллаборационизму в критической для страны ситуации. Мы разделяем мнение Е. Глотовой, что цель фальсификации истории всегда связана с геополитической борьбой и находится в русле общемировой тенденции пересмотра исторических фактов [2].

Заключение. Приведенные данные дают основания для вывода, что многочисленные интерпретации прошлого,

использованные в ходе асимметричной войны с «глубинной Россией», позволили решить поставленные в политической борьбе против СССР отечественными и зарубежными акторами задачи: СССР уничтожен. «Идет процесс передела мировой власти, и не только страновой, но и внутристрановой и надстрановой, процесс формирования планетарной власти. Наблюдается попытка установления контроля и над отдельным человеком, и над всем человечеством со стороны избранных клубов мировых элит, воплощающих свои замыслы будущего мирового порядка и мирового господства» [7, 240]. В этих условиях исторический фальсификат, замешанный на интересах малой социальной группы, закрепленный 13 статьёй Конституции, провозглашающей идеологическое многообразие и «запрет на государственную или обязательную идеологию», в конечном счете, стал угрозой для суверенитета самой страны, поскольку дает основание для самооправдания любой позиции. Имущественное и социальное неравенство дополняется «идеологическим тестом», из которого можно слепить любую историю, под заказ Запада. «Звание “иностранный агент” редко кого останавливает, когда речь идет о лично значимой системе ценностей» или *желаемом статусе* [17, 31].

Сегодня в СМИ часто повторяют, что НАТО будет вести войну до последнего украинского солдата. Но цель НАТО гораздо масштабней — война до последнего российского солдата. Иностранный капитал не устраивает то, что он всего лишь сособственник ресурсов России. Быть полным собственником гораздо надежнее. И фальсификация истории СССР — хороший помощник для достижения этой цели.

Литература

1. Бабич Н.С., Батыков И.В. Механизм самоорганизации ложного сознания // Современная цивилизация, капитализм и социальная справедливость: (к 150-летию со дня рождения В. И. Ленина): Сб. тезисов конференции / Под ред. В. Козловского, Е. Недосека. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 9—11.

2. Без срока давности: в МГЮА прошел круглый стол по сохранению уроков Великой Отечественной войны: URL:<https://msal.ru/news/bez-sroka-davnosti-v-mgyua-proshel-kruglyy->

stol-po-sokhraneniyu-urokov-velikoy-otechestvennoy-voyny-/ (дата обращения: 29.12.2021).

3. Встреча со школьниками: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66554> (дата обращения: 27.12.2021).

4. Встреча с представителями общественности Крыма и Севастополя 18 марта 2020 г.: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63021> (дата обращения: 03.01.2022).

5. ВЦИОМ. Новости: Память об СССР: Гагарин против Горбачева: URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-orbacheva?utm_medium=email&utm_source=UniSender&utm_campaign=264632906 (дата обращения: 29.12.2021).

6. Как законы защитят ветеранов Великой Отечественной войны: URL: <http://duma.gov.ru/news/50992/> (дата обращения: 29.12.2021).

7. Ковалев С.Г. Миропорядок Второй мировой: опыт СССР для современной России // Философия хозяйства. 2020. № 5 (131). С. 223—241.

8. «Спасибо прадеду за Победу...» Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / Под общ. ред. Ю. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020.

9. Ответы Владимира Путина на вопросы во время встречи с доверенными лицами. 12 февраля 2004 г.: URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24817> (дата обращения: 29.12.2021).

10. Памятные места и памятники, связанные с Белой Гвардией: URL: <https://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=980&t=137048> (дата обращения: 02.01.2022)

11. Пациорковский В.В. Социальная справедливость — основа общественного согласия в современном обществе // Современная цивилизация, капитализм и социальная справедливость: (к 150-летию со дня рождения В. И. Ленина): Сб. тезисов конференции / Под ред. В. Козловского, Е. Недосека. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 92—94.

12. Пленарное заседание Государственной Думы: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15266>. (дата обращения: 02.01.2022).

13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005: URL: [http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088/) (дата обращения: 29.12.2021).

14. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Алешина В.А. Препринт. Научный доклад по материалам отчета НИР «Историческая память как фактор консолидации российского общества». Москва. 2015: URL: <https://docplayer.com/53430819-Istoricheskaya-pamyat-kak-faktor-konsolidacii-rossiyskogo-obshchestva.html> (дата обращения: 28.12.2021).

15. Путин В.В. «В СССР делали только галоши»: URL: <https://vk.com/club147157289> (дата обращения: 04.01.2022).

16. Синяков С.В. Концепция историзма наизнанку // *Философия хозяйства*. 2021. № 3 (135). С. 142—160.

17. Широкалова Г.С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма // *Вестник Института социологии*. 2021. Т. 12. № 2. С. 19—35.

18. Широкалова Г.С. Коррупция как философия смысла // Сборник материалов научно-практической конференции «Организация противодействия коррупции на региональном уровне: опыт, состояние, перспективы», 1—3 декабря 2020 г. / Под ред. А. Иванова. Н. Новгород: НГЛУ, 2020. С. 115—122.

References

1. Babich N.S. Batykov I.V. The mechanism of self-organization of false consciousness // *Modern civilization, capitalism and social justice: (to the 150-th anniversary of the birth of V. I. Lenin): Sat. conference abstracts* / Ed. by V. Kozlovsky, E. Nedoseka. St. Petersburg: Intersocis, 2020. P. 9—11.

2. No statute of limitations: Moscow State Law Academy hosted a round table on preserving the lessons of the Great Patriotic War: URL: <https://msal.ru/news/bez-sroka-davnosti-v-mgyua-proshel-kruglyy-stol-po-sokhraneniyu-urokov-velikoy-otechestvennoy-voyny-/> (date of access: 29.12.2021).

3. Meeting with schoolchildren: URL: <http://krem-lin.ru/events/president/news/66554> (date of access: 12.27.2021).

4. Meeting with representatives of the public of Crimea and Sevastopol on March 18, 2020: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63021> (date of access: 01.03.2022).

5. VCIOM. News: Memory of the USSR: Gagarin vs. Gorbachev: URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-orbacheva?utm_medium=email&utm_source=UniSender&utm_campaign=264632906 (date of access: 29.12.2021).

6. How laws will protect veterans of the Great Patriotic War: URL: <http://duma.gov.ru/news/50992/> (date of access: 29.12.2021).

7. Kovalev S.G. The world order of the Second World War: the experience of the USSR for modern Russia // *Philosophy of economy*. 2020. No. 5 (131). S. 223—241.

8. All-Russian study of the ROS «What do we know about the Great Patriotic War...» is the fourth stage of the project, which was launched in 2005 / Ed. by Yu. Vishnevsky. Yekaterinburg: Publishing House Ural. unta, 2020.

9. Vladimir Putin's answers to questions during a meeting with authorized representatives. February 12, 2004: URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24817> (date of access: 29.12.2021).

10. Memorable places and monuments associated with the White Guard: URL: <https://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=980&t=137048> (Date of access: 01.02.2022)

11. Patsiorkovsky V.V. Social justice — the basis of public consent in modern society // *Modern civilization, capitalism and social justice: (to the 150-th anniversary of the birth of V. I. Lenin): Sat. abstracts of the conference* / Ed. by V. Kozlovsky, E. Nedoseka. St. Petersburg: Intersocis, 2020. S. 92—94.

12. Plenary session of the State Duma: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15266>. 05/08/12 (date of access: 01.02.2022).

13. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of April 25, 2005: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088/ (date of access: 29.12.2021).

14. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V., Aleshina V.A. Preprint. Scientific report based on the materials of the research report «Historical memory as a factor in the consolidation of Russian society» Moscow. 2015: URL: <https://docplayer.com/53430819-Istoricheskaya-pamyat->

kak-faktor-konsolidacii-rossiyskogo-obshchestva.html (Accessed: 28.12.2021).

15. *Putin V.V.* «In the USSR, only galoshes were made»: URL: <https://vk.com/club147157289> (date of access: 01.04.2022).

16. *Sinyakov S.V.* The concept of historicism inside out // *Philosophy of economy*. 2021. No. 3 (135). P. 142—160.

17. *Shirokalova G.S.* Historical memory of the Great Patriotic War: causes of pluralism // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2021. V. 12. No. 2. P. 19—35.

18. *Shirokalova G.S.* Corruption as a philosophy of meaning // Collection of materials of the scientific and practical conference «Organization of combating corruption at the regional level: experience, state, prospects"», December 1—3, 2020 / Ed. by A. Ivanov. N. Novgorod: NGLU, 2020. P. 115—122.

IV

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ, Е.С. ЗОТОВА

Философия хозяйства: уникальность и традиция*

Аннотация. Философия хозяйства С.Н. Булгакова и Ю.М. Осипова — уникальное творение русского мира, не имеющее аналогов в истории мировой и отечественной мысли. В то же время философия хозяйства есть возрождение и продолжение, казалось бы, уже навсегда утраченной славянской ведической традиции. Философия хозяйства — основание, идеология и методология русского социализма, живая, реальная и полноценная социалистическая альтернатива технотронного социума.

Ключевые слова: философия хозяйства, Россия, ведизм, социализм.

Abstract. S.N. Bulgakov's and Yu.M. Osipov's philosophy of the economy is a unique creation of the Russian world which has no analogues in the history of world and domestic thought. At the same time, it seems, philosophy of economy is a revival and continuation of the forever lost slavic veda tradition. Philosophy of economy is the basis, ideology and methodology of the Russian socialism, it is a living, real and fully fledged alternative to a coming technotronic society.

Keywords: philosophy of economy, Russia, vedism, socialism.

УДК 87.6

ББК 65в

*Отклик на дискуссию, состоявшуюся 9 и 21 сентября 2021 г. на международном научном симпозиуме «Философия хозяйства как целостное мировоззрение» (экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, онлайн-формат).

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б., Зотова Е.С. Философия хозяйства: уникальность и традиция // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 255—270.

Философия хозяйства — уникальный феномен русского мира, всплывший яркой звездой в творениях С.Н. Булгакова¹ и Ю.М. Осипова². В то же время она представляет собой преображение, продолжение какой-то общей традиции, ибо во всяком феномене таятся в свернутом виде начало, середина, конец и... продолжение. Явных предтеч философии хозяйства в истории науки не видно. Значит, в ней проявляется и действует какая-то незарегистрированная наукой традиция. Какая именно?

Речь, видимо, может идти лишь о ведической традиции, которая наиболее полно сохранилась в Индии. Все философские школы Индии, вся ее устойчивая социокультурная идентичность питаются смысловыми ресурсами ведической традиции. Среди священных текстов мудрости, изложенной в «Ригведе», «Яджурведе» и «Самаведе», особое место занимает «Атхарваведа», в которой обобщен и представлен древнейший хозяйственный опыт, охватывающий все сферы человеческого мира.

В «Атхарваведе» содержится первый сакральный проект хозяйствования, в котором и посредством которого осуществляется жизнь людей. Домашний очаг служит центром, источником и способом хозяйственного устройства человеческого мира. А огонь служит метафизической константой, смысловыми деньгами хозяйства и мудрости, существуя в невидимых и видимых небесных и земных обликах [3, 36—39].

Веды представляют вечную мудрость, которая является не только знанием-копией, но и знанием-оригиналом, исходной и высшей формой объективной реальности. В начале были абсолютная мудрость и ее живой орган — философия хозяйства. Это первознание обладает креативными способностями, выявляя в себе посредством

¹ С.Н. Булгаков полагал, что «проблемой философии хозяйства отвертывается в ней (в истории философии. — *Н.Ш., Е.З.*) новая, неисписанная еще страница» [1, 308].

² «Философия хозяйства — особое знание, не являющееся частью ни философии как таковой, ни экономики как таковой, хотя и выходящее на философию и экономику, в них участвующие. Философия хозяйства дает знание, которое не дает ни философия, ни экономика, и обогащает при этом как философию, так и экономику. Философия хозяйства есть одновременно и философия бытия, и философия жизни, и философия человека, и философия природы, и... разная другая философия» [5, 648].

хозяйства богов, миры, людей, их культуру. Все предметное, идеальное многообразие человеческого мира есть проявление первичной хозяйственной мудрости. И человек познает мир потому, что во всех его предметных формах есть элементы воплощенной в них хозяйственной мудрости. В познании человек встречается с таящимися в предметах смыслами, или, как сказал бы Гегель, со своими понятиями. Ведическая мудрость действует и посредством хозяйствования, осозная свою знаниевую реальность в хозяйственной мудрости.

Ленинский принцип, гласящий о том, что человеческое сознание не только отражает объективный мир, но и творит его [3, 194], выражает основную идею ведизма: сознание отражает и творит объективный мир лишь потому, что сам этот объективный мир есть откровение абсолютной мудрости, которая делает возможным отражение и творчество сознания.

Ведическая мудрость есть у всех народов, была ведическая мудрость и в Древней Руси. Она не может не быть, ибо без нее невозможно русский этнос. Носителями этой мудрости были волхвы — самые загадочные и трагические фигуры в истории человечества. И в составе этой мудрости законное место занимала философия хозяйства, несущая в себе творческий макет устройства русского бытия. В ходе христианского крещения Руси волхвы беспощадно истреблялись, даже память о них старались уничтожить³. Но что жизнью взято раз, даже рок не в силах отнять у нас!

Эта мудрость волхвов сохранилась в русском фольклоре, в творениях А.С. Пушкина, но главным образом она сохранилась в *хозяйственной нави* русского сознания, передавая свою хозяйственно-смысловую эстафету через цепь поколений, оглашая в роковые мгновения свои императивы через откровения сознания, которое хранит в

³ Гонение, уничтожение волхвов, замалчивание их мудрости — самая трагическая, темная и позорная страница христианства, вернее того института и той идеологии, которые именуют себя христианскими. Волхвы прокляли христианство, предсказав, что оно само погибнет от своего «коня», т. е. от своей церкви, насаждающей веру несправедливыми, античеловеческими и антихристианскими средствами. В Библии волхвы прошли через все заслоны римских спецслужб и принесли младенцу Христу золото, ладан и мирру. Но этого добра хватало в тогдашнем древнем мире. Волхвы, видимо, принесли еще какой-то неизвестный и скрываемый от нас дар. Вообще, миссия волхвов в их путешествии на Ближний Восток загадочна.

себе мудрость волхвов, давая откровения в периоды реальных угроз его смысловому бытию. Не случайно философия хозяйства С.Н. Булгакова появилась накануне 1917 г., а философия хозяйства Ю.М. Осипова — в период карнавально-криминальной революции 1990-х гг.

Прямо восстановить ведическую мудрость невозможно, ибо эта мудрость не создана людьми, а бытует вечно, и она *сама решает, когда, кому, каким способом и в какой форме* открыться человеческому миру. Она сама находит пророков, выражающих ее императивы посредством объективного откровения в экстремальных ситуациях, вынуждающих сознание вводить в своем идеальном мире чрезвычайное положение, т. е. прибегать к откровению, которое вызывает о помощи к человеческому миру.

Ю.М. Осипов продолжил творческое дело вечной традиции, в которой действует наидревнейшая ведическая мудрость, она же для Руси-России — софийная, софиасофская мудрость. Эта ведическая мудрость лежит в основе всех народных, национальных традиций⁴. Золотые самородки этой древней мудрости рассыпаны в богатейших смысловых источниках русского фольклора. Типичный образец, алгоритм этой мудрости: «Пойди туда, не зная, куда, принеси то, не зная, что».

Вот небольшой перечень принципов ведической мудрости, работающей в смысловом пространстве древнерусского фольклора.

Есть что-то, но не знаю, что есть; нет чего-то, но не знаю, чего нет.

Обладай тем, не зная, чем, потеряй то, не зная, что.

Ищи то, не зная, что, иди к тому, что ищет тебя.

Ищи то и там, не зная, что и где, найди то и там, не зная, что и где.

Пойди туда, не зная, куда, не ходи туда, зная, куда.

Сделай то, не зная, что, не делай того, не зная, чего.

⁴ В сакральном плане эта мудрость дана изначально как Бог-Троица, который был затем утерян, его искала вся дохристианская история и нашли вновь во Христе, чтобы затем снова — уже осознано и бездумно — его отвергнуть, заменяя христианство суррогатами культур, институтов, цивилизаций, технологий.

Отдай то и тому, не зная, что и кому, возьми то и у того, не зная, что и у кого.

Получи сполна, не зная, за что, возьми то, не зная, что.

Пойми то, не зная, что, не понимай того, что ясно знаешь и видишь.

Объясни необъяснимое, пойми непознаваемое, познай незнание.

Невозможно все знать, но нужно знать то, что может все знать.

Страдай до конца, не зная, зачем и почему, радуйся тому, не зная, чему и почему.

Вытерпи все и узнаешь кое-что, не терпи ничего, и тебе откроется ничто⁵.

Эти «парадоксы» ведической мудрости выполняют в мыслящем сознании человека функцию, аналогичную функции икса в математике, позволяя адекватно понимать и разрешать бытийно-жизненные уравнения. Остается загадкой, как, руководствуясь такими неопределенными принципами, волхвы и вдохновляемые ими вожди достигали своих целей.

Творения Ю.М. Осипова представляют возрожденную и обновленную ведическую мудрость, развивая ее до уровня философии хозяйства, софиасофской метафизики и полилектической методологии. Все тексты Ю.М. Осипова построены на этих загадочных алгоритмах и матрицах волхвовской мудрости, требующей в известном видеть постоянную работу неизвестного, а в неизвестном видеть сражения известного за выход в бытие. Отсюда трудность в понимании этих текстов, ибо они содержат в себе коэффициент неизвестности, икса, которым нужно уметь пользоваться и за пределами математики. Отсюда и недоумение в отношении к философии хозяйства: и признать ее не могут, ибо она выходит за пределы научных сетей, но и отрицать ее невозможно, ибо она превращает любую научную и партийную критику в самокритику, в метод своего смыслового обогащения.

Софийный контекст философии хозяйства обеспечивает безопасность сознания и разума, которые вне этого контекста попадают

⁵ Религиозные кодексы жизни, запретов лишь частично выражают дорегиозные формы ведической мудрости.

в некую инфермальную центрифугу, теряя способность понимания. Философия хозяйства есть «невидимая рука», которую на рынке заметил, но не понял А. Смит. Невидимая рука есть во всех событиях бытия-истории. И нужно учитывать ее роль в спасении (гибели тоже) людей во всех экстремальных ситуациях даже неведомо для них. В опасных ситуациях, у «дикий бездны на краю», люди спасаются посредством невидимой руки философии хозяйства, сохраняющей в себе минимум жизненных средств и мудрости.

Ю.М. Осипов творит в контексте ведической мудрости волхвов. В его трудах намечены суровые горизонты, телеология и эсхатология человеческого мира России, Европы, США. И он знает, что технократы и лукавые власти погибнут от своих «коней», т. е. от властного монотеизма, в котором сокрыты змеи и бумеранги возмездия. Сегодня Россия внешне замерла, оцепенела, а внутри нее кипят «страсти», идет напряженная работа идеального мира. И нужен человек, который призван выражать это творческое кипение ноосферы России.

Волхвовская мудрость (недоступная для западных экспертов) могла появиться только в России, так как сама Россия есть воплощенная ведическая парадигма. Она идет, не зная, куда и зачем, целиком доверив свою судьбу Софии Премудрости, которая освещает ей путь откровениями философии хозяйства. Россия идет в мир Иной, основанный на правде, мере и справедливости, избегая тупиков материального одичания и абстрактного зла цивилизации. Они идут всегда и вместе — Россия и София — та и эта мудрость, им не грозит никакая беда, пока они творят единую правду.

Презентацией волховской мудрости может служить философская миниатюра А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге».

Князю Олегу волхв предсказал серию побед и гибель от своего коня, но не указал, где, когда, как, в какой ситуации он погибнет, т. е. он представил жизнь князя в контексте мудрости волхвов: «Пойди туда...».

Князь был воин и вещий правитель, но он не знал волховской мудрости. Он не умел руководствоваться столь неопределенным принципом, а стремился к максимальной определенности. Поэтому он поверил предсказанию волхва о гибели от своего коня и решил

исправить жизнь свою по мерке рассудочной точности. Руководствуясь точным принципом, князь стал жертвой неопределенности, в которой его ожидала змея возмездия.

Видимо, князю нужно было более прилежно исполнять свой властный долг, не пытаясь уйти от судьбы, приняв ее как свою правду, и тогда он ушел бы на покой естественным путем. Без каких-либо принципов действовать невозможно, но, и став рабом принципов, практика заходит в летальный тупик. Нужно руководствоваться в меру неопределенными принципами, не сковывающими импровизацию, которая сильнее любого прогноза, ибо в ней действуют творящие силы самой судьбы. Волхвовская мудрость апеллирует к импровизации, в которой полнее всего реализуется предопределение человека — служить ведической мудрости, умножать ее богатства. И тогда она подскажет выход из земного лабиринта в мир смысловых разрешений идеальности.

Князь действовал в рамках парадигмы судьбы, не ведая, что есть еще Иной путь, на котором планы людей, их долг и свобода могут отчасти соответствовать решениям судьбы, т. е. решениям Великой Неизвестности, работающей в качестве Великого Икса. Формой проявления этого абсолютного Икса служит Иное. Суть и смыслы Иного не переводятся на язык рассудочных категорий, уходят из их сетей, следуя своей внутренней импровизации. Иное все время находится в изменениях, в каждом абзаце текстов Ю.М. Осипова проявляя свои неисчерпаемые смыслы и облики.

Помимо антиномии: «Конь погубит князя, и конь спасет князя», есть еще иные варианты: «Конь погибнет, спасая князя, и князь погибнет от своего рассудочного расчета». Но князь не учел эти варианты Иного пути. Ю.М. Осипов сохранил метафизическую честь мундира «Иное».

Нужно было коня не на пенсию отправлять, а в сражения идти с ним, не уклоняясь от своей судьбы. Нужно было «дружить» с конем своим до «конца». Не доверяя верному другу — коню — и презирая прорицание волхва, князь сам вынес себе роковой приговор: «Кудесник, ты лживый, безумный старик! Презреть бы твое предсказанье!». И когда князь усомнился в предсказании волхва и решил осмотреть кости своего коня, змея его настигла.

Волхв знал, что князь — человек военный (кшатрий), и поэтому его сознание обусловлено профессиональным и социальным статусом княжеского звания. Ему нужны точные принципы для своих деяний. Волхв же был личностью (брахманом), свободной от уз профессионализма и социальности, находясь в согласии с «волей небесной».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен».

Потому волхвы, вырабатывая смысло-целевые ориентиры для жизни в неопределенных изменениях, работают с неясными принципами мудрости, приходя через эту неопределенность к точным выводам в земной жизни, как, например: «Пойди туда...».

Волхв предвидел, что князь попытается избежать гибели, а тем самым ускорит развязку узла в нити своей судьбы. В определенном аспекте можно сказать, что именно волхв стал причиной гибели князя, утаив антиномию своего предсказания, скрытое в нем... проклятие. Ведь если бы князь не встретил волхва, не получил бы предсказания, остался бы верным своему коню, более совершенно исполняя свой княжеский долг, то судьба дала бы ему шанс уйти из мира после исчерпания им своих полномочий, или после убеждения в том, что для людей железного и пластмассового века героизм не нужен, раздражает их и они избавляются от него. Ну, а другой конь все же будет конем, и, согласно предсказанию, он тоже будет грозить гибелью своего князя.

Волхвы же дают не точные и строгие предсказания-предписания, а «информацию к размышлению» с целью активизировать импровизацию и свободу воли для жаждущих предсказаний. Любой прогноз по своей сути игнорирует спонтанные реакции импровизации и свободы воли, ограничивая всевозможностей бытия и человека, не учитывает невозможностей, которые реализуются посредством этих дочерей ведической мудрости. В бытии-истории всегда реализуется то, чего никто не желает, а все прогнозы сбываются с точностью почти наоборот. И горе жаждущим предсказаний, ибо они

станут их исполнителями и жертвами. Невозможно спасти тех, кто желает быть спасенным от своей судьбы «на халяву» предсказаний.

В ситуации выбора, когда налево пойдешь — женатому быть, направо пойдешь — богатому быть, прямо пойдешь — голову потеряешь, богатыри, русские витязи выбирали самый опасный путь, грозящей им гибелью. Выбирали и... побеждали, зная, что труса пуля (или — змея) всегда найдет. Князь не был трусом, но неосознанно следовал в данном случае стереотипу, становясь жертвой волхвовой мудрости, в которой принцип неопределенности завершается точными и адекватными выводами, а действие согласно максимально определенному, точному и строгому принципу неизбежно заводит в тупики неопределенности и летального хаоса.

Волхвы и витязи побеждали, вступая в неравное сражение с inferнальными чудовищами, пытаясь одолеть смерть, обратить гибель, против самой себя, как-то решая ту же проблему, которую решал богочеловек Христос — «смертию смерть поправ». И, кажется, что у них был другой, неведомый нам вариант решения «проблемы бессмертия и смерти». И только это неравное противостояние «злу самого зла» делало их богатырями, витязями. И они ушли не в Аид, и не на небо, а на время ушли в будущее, оставаясь живыми в фольклорной и хозяйственной памяти сознания, указав людям, что нужно бороться не только с орудиями смерти — войнами, болезнями, но и с самой смертью.

Волхвы знали даже о своей гибели, но не стремились ее предотвратить, следуя воле небесной, которой они обладали в наибольшей мере. Видимо, они-то проклинали христианство в Руси-России, зная, что его ожидает печальная участь от своего коня («церкви»). Поэтому они обрели бессмертье в хозяйстве, в самом сознании, в котором их мудрость обрела звучание и для тех, кто еще не рожден. А действия князя служат примером того, как не нужно относиться даже к точнейшим прогнозам.

Волхвовский разум гласит, что не только человек с помощью мудрости ищет свои пути, но и эта мудрость утверждает себя посредством хозяйства вопреки своеволию людей. Эта мудрость требует в переплетении путей, в хаосе противоречий находить путь Иной. В

данном случае «инопутие» представляет особый путь между строгим, точным прогнозом и свободным волеизъявлением сознания, путь принятия своего долга и следования ему.

Поэтому в философии хозяйства императивы прошлого говорят языком неизбежного будущего. И чем больше человеческий мир подходит к своему концу, делая уже ставки на последние мгновения, тем сильнее заявляет о себе мудрость его первых оснований, тем сильнее становится императив инобытия. Есть начала и концы, первые и последние, но есть и Иные — величественные и достойные. В полилектике единоречий Иного преодолевается дуализм начал и концов, первых и последних элементов.

Абсолютно невозможно и невероятно, что в творчестве Ю.М. Осипова вновь зажгла свой факел волхвовская мудрость, которая, казалось, стала уже недоступной современному человеку. Но у мудрости свои виды на жительство. Да и Россия — страна, в которой невозможное и невероятное только и могут воплотить свои замыслы и проекты. Ю.М. Осипов принял эту эстафету мудрости, осветил и освятил ее факелом новый смысловой мир, осознающий себя посредством философии хозяйства и софиасофии.

Невероятно, но сие свершилось. Далекая-далекая, недоступная нам исходная мудрость, действующая в богах, мирах, людях, сотворившая предметное многообразие бытия, вновь становится самой актуальной и действенной силой нынешнего дня, создав, опираясь на идеальный детерминизм бытия, свой смысловой контекст, свое смысловое пространство, свои смысловые координаты. Хотя подлинное значение этого нового миротворного начала современный человеческий мир не вполне сознает, а потому почти не использует для решения своих проблем весь спасительный конструктив софийной идеи, софийной мудрости волхвов.

Волхвы включали в свою гносеологию коэффициент неизвестности и непознаваемости. А люди, руководствуясь определенными принципами, попадают постоянно в неопределенные, неопределимые и неразрешимые ситуации. Ведическая мудрость волхвов признает, что наряду с бытием («да») и небытием («нет»), между знанием и незнанием, познаваемостью и непознаваемостью есть Иное, «знание незнания», познаваемая и познающая непознаваемость, не-

что вроде Икса в математике. Икс — не число, не ноль, но и не отрицание числа, а его инобытие, иное, скрывающее в себе любое число и ноль, работающее с тайнами, с непознаваемостью, со «знанием самого незнания».

Недоверие к философии хозяйства, сомнение в мудрости ее смысловых откровений тоже могут грозить нам гибелью от своих же успехов, когда мы полностью теряем чувство бдительности и опасности, забывая о том, что победа может смениться внезапным поражением, вершина — падением, а наши «кони» и «коньки» вынуждены служить судьбе.

Осипов создал новый целостный эталон понимания как альтернативу цифровым и виртуально-компьютерным эталонам понимания. Отчасти понимаемыми становятся предметные и человеческие миры, когда в них выявляется хозяйственная субстанция, служащая их перводвигателем. Россия познаваема через признание ее непознаваемости и посредством *ее познающей непознаваемости*. В философии хозяйства непознаваемость и неизвестность доминируют, и с этими иксами нужно учиться работать, ибо ее тройка может внезапно «понести».

В канун трагического излома русского этноса в 1917 г. эта ведическая мудрость открылась С.Н. Булгакову в форме философии хозяйства. Сигнал этой мудрости он принял и оставил нам его расшифровку: «Держитесь мудрости и не отрывайтесь от хозяйства, и только так можете продлить повесть дней своих» [1].

Философия хозяйства представляет уникальный и, пожалуй, единственный выход социума из летальных тупиков экономизма и технологизма, позитивизма и постмодернизма. Философия хозяйства — это мудрость в качестве творчески-бытийного органа, посредством которого достигается оптимальное в земных условиях устройство человеческого мира. Жить — значит хозяйствовать, быть хозяином, мудрым властителем, творцом повести дней своих. В философии хозяйства мудрость выступает в качестве хозяйствования, а хозяйство в качестве мудрости. Неразделимость мудрости и хозяйства предотвращает деградацию хозяйства в экономику, а философии — в убогий, суицидный позитивизм и постмодернизм, которые умертвляют философию и оскорбляют мудрость, отрицая метафизику человечности, а с ней — и самого человека.

Философия хозяйства выявляет перспективу развития и преобразования экономики в творческие структуры хозяйствования. А прибыль в экономике неизбежно порождает убыль природы и человечности, что в итоге ведет к летальному самоотрицанию экономики. Попытки решить экологические и гуманитарные проблемы посредством экономизма, который неизбежно порождает эти проблемы, невозможно, как невозможно пожар потушить бензином. Философия хозяйства спасает позитив экономики, создавая контекст экологической, inferнальной и гуманитарной безопасности интеллектуальной и практической деятельности людей.

Игнорирование философии хозяйства как творческого и субстанционального основания социализма стало одной из причин его кризиса. Философия хозяйства содержит в себе правду русского социализма, соединяя в себе «коммунизм природы» (С.Н. Булгаков) с «коммунизмом истории».

Философия хозяйства и опирающаяся на нее софиасофия суть метафизика, изучающая действие смысловых агентов невидимого мира в видимых событиях и реалиях. В этом плане они охраняют ящик Пандоры, т. е. выявляют на передних рубежах глобальные опасные факторы человечности, познания и практики.

Философия хозяйства есть уникальное целостное мировоззрение, основными вопросами которого являются мудрость, соотношение софийности и хозяйствования во всех изучаемых предметах.

Философия хозяйства есть целостная методология, выступающая в форме полилектики, которая, унаследовав весь позитив монолектики, диалектики и триалектики, рассматривает любой изучаемый предмет как светило правды, испускающее смысловые лучи внутрь себя и вовне. От массы уловленных лучей зависит ценность исследования. Философия хозяйства открывает смысловую целину.

Ю.М. Осипов преодолел страх русских перед своей рускостью, которая заговорила в его творчестве своими собственными наречиями, неведомыми даже для образованного класса, избегая при этом нигилистического уничижения и тщеславного национализма. Россию боялись не только русофобы-профессионалы, но и некое число самих русских. И эта глубинная русофобия проявляется в том, что будущее России, решения русских проблем ищутся в Европе, в США,

в Китае, где угодно, но только не в самой России. Из этой бессознательной русофобии и формируются кадры для пятой колонны «друзей» России.

Персонификацией и первой говорящей ослицей этой русофобии является В.С. Печерин (1807—1885), пытавшийся придать ей и поэтическую форму:

«Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтожения!»⁶.

Антропологические корни русофобии осознанно представляет ее вторая говорящая ослица, Смердяков, открыто заявивший: «Я всю Россию ненавижу». Какова же причина подобной патологии? Смердяков объясняет, что он не хотел рождаться, а его, вопреки его воле, все же породили. И виновата в этом Россия! Русофобия имеет и генетически-инфернальные корни, выражая антагонизм мира здешнего, слепого, и мира Иного, зрячего.

В философии хозяйства выражается смысловое волеизъявление русской ментальности, самой русскости. И в том, что эти чисто русские духовные творения пока не признаются научными сообществами, есть благо для них: они могут спокойно развиваться, не вступая в дезинформационную войну с западными толкователями. *А пока философия хозяйства представляет засадный смысловой полк России, ожидая сигнала от Великой Неизвестности накануне великой и последней битвы с технотронной инквизицией, в которой цивилизация находит свой конец.*

Сегодня намечается крупнейший в истории разрыв и переход от эпохи цивилизаций к эпохе социализма⁷. Тотальный кризис охва-

⁶ Гнусные, омерзительные и непотребные звуки. Россию-то наш Герострат ненавидел, но свое имение в России любил и следил за правильным и своевременным получением с него доходов.

⁷ Остается справедливой оценка цивилизации Ф. Энгельсом: «Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого дня до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида было ее единственной, определяющей целью... С появлением рабства, достигшего при цивилизации своего наивысшего

тил не просто капитализм, который социализм может и должен приручить для своего блага, а кризис охватил саму цивилизацию, исчерпавшую ресурсы своего абстрагирующего омертвления природы и человечности. Все институты и структуры цивилизация отвергли продуктивную, смыслообразующую идеальность, превратившись в отчужденные воплощения далеких от жизни индивидов абстракций.

И снова в полный рост встала единственная реальная перспектива социализма, представляющего более высокую и более безопасную организацию человеческого мира. Россия будет вынуждена на пути движения к самой себе облечься в форму своего внутреннего, т. е. русского социализма, который представляет ее нормальное состояние. Сама Россия есть абсолютный социализм, соответствующий своему понятию, своей идее.

Сегодня западная цивилизация бросила в бой против социализма последние ресурсы своей абстрактности — искусственный интеллект, цифровизацию, пытаясь посредством технологической (виртуальной) абстрактности перейти к технотронной цивилизации, не видя в ней явного демона самоотрицания. В цивилизации постоянно и угрожающе растет абстрактность всех организационных форм человеческого мира при одновременной катастрофической убыли живых, плодоносящих сил идеальности.

Технократия и трансгуманизм заверяют, что у технотронной цивилизации нет и не может быть никаких альтернатив. Как будто

развития, имущий класс господствует непосредственно при помощи всеобщего избирательного права» [4, 175]. Налоги «были совершенно не известны родовому обществу... С развитием цивилизации даже и налогов недостаточно; государство выдает векселя на будущее, делает займы, государственные долги» [4, 171]. О. Шпенглер, Н.А. Бердяев, А. Тойнби видели в цивилизации деградацию, а не форму прогрессивного движения. Вот суждение современника: «Суть цивилизации заключается в нарастающем отчуждении от природы, в нарушении и почти полном прекращении возврата живой органики в создающую ее почву, в агроэкономическом разрушении симбиоза с нашей живой пульсирующей планетой; в разрушении ритмов мира, жизненного уклада народа, в его деградации в гражданское общество свободных от природы, бесплодных духовно и физически, гордых своим самосознанием горожан-индивидуумов» [6, 14]. Суть цивилизации проясняют порождаемые ею войны [6, 17]. Странно после такой научной аксиоматики в оценке цивилизации читать работы о русской или советской цивилизации, о стремлении к цивилизованности, т. е. к рабству. Нет и нет, и Россия, и СССР бытовали (и будут бытовать!) как альтернативы цивилизации.

китайский социализм, «приютивший» в себе капитал, не говорит сам за себя. Капитализм не совпадает с обществом, хотя он использует его как средство своего, как ему кажется, бесконечного роста. Настало время использовать капитал в качестве созидательного средства общества. И социализм призван не уничтожить, а превратить его из самоцели в средство социума.

Но главной альтернативой любого варианта эволюции является полуисторическая Россия. А сегодня в России есть философия хозяйства и софизм — верные смысловые навигаторы в устроении человеческого мира на основе социальной правды, меры и справедливости. Эти объективно-идеальные топосы выражают императивы Великой Неизвестности, Софии, богов, бытия, истории, личностной идентичности человека.

Проект человеческого мира, развитый в философии хозяйства, является альтернативой не только технотронной цивилизации⁸, но альтернативой цивилизации вообще, представляя идею вечного социализма, который будет использовать все институты и технологии во благо людей, а не людей превращать в средства технотронного и виртуального смертоносного кощеева лабиринта. Но вечное утверждает себя через апокалиптические разрывы времени, грозящие разрушением человечности.

Возвращение ведической мудрости, ее философии хозяйства, частично уже воплощенной в социализме, неизбежно и неотвратимо, ибо этот вопрос решает и решила сама софийная мудрость ведизма. И не Россия выбирает ведическую мудрость, философию хозяйства и социализм, а эти идеально-жизненные топосы сами выбрали Россию для воплощения своих лучших проектов. России оставлена лишь свобода выбора форм прощания со своим формационным и цивилизационным прошлым, форм работы во благо социализма, который приведет ее в мир ведической мудрости.

Решения сложных и опасных проблем современного русского бытия невозможны без опоры на его ведическую мудрость, сохраняющую Россию вопреки нашествиям антирусского мора. Россия не

⁸ Цивилизация стала сегодня проклятием человечества, собирая в себе все природные и антропологические отбросы и перверсии истории, став конвейером, превращающим природу и экзистенцию человеческую в мусор и в отходы.

распалась в очередном катаклизме, пройдя исцеление мертвой водой. Философия хозяйства и социализм — живая вода ведической мудрости, ставшей Россией. Ведическая мудрость не решит всех проблем духовной и техно-практической жизни русского бытия, но и без нее эти проблемы неразрешимы. Только возрожденная и обновленная хозяйственная мудрость страны приумножит благу мощь народов России

Литература

1. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993.
2. Древнеиндийская философия (начальный период). М.: Сочэкгиз, 1963.
3. Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 29 т. Т. 29. М., 1969.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М.: Политиздат, 1961.
5. Осипов Ю.М. Время философии хозяйства. М.: Экономист, 2003.
6. Пшеницын И.В. Бессмертие души как совместный народно-хозяйственный процесс // Философия хозяйства. 2021. № 3.

References

1. Bulgakov S.N. Soch.: V 2 t. T. 1. M.: Nauka, 1993.
2. Drevneindijskaya filosofiya (nachal'nyj period). M.: Sochekgiz, 1963.
3. Lenin V.I. Filosofskie tetradi // Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: V 29 t. T. 29. M., 1969.
4. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 21. M.: Politizdat, 1961.
5. Osipov YU.M. Vremya filosofii hozyajstva. M.: Ekonomist, 2003.
6. Pshenicyn I.V. Bessmertie dushi kak sovместnyj narodnohozyajstvennyj process // Filosofiya hozyajstva. 2021. № 3.

А.Н. БАЛАНОВ

**Цифровизация в области литературы.
Способы издания книги: новые возможности***

Аннотация. Без сомнений, одной из важнейших составляющих культурной жизни человека на протяжении долгих веков являлась литература, а ее физическим выражением — книга. Но под влиянием цифровизации и литература, и книга все больше изменяются. В статье рассматриваются положительные и отрицательные стороны этих изменений, а также новые модели взаимодействия автора, издателя и читателя, ставшие возможными благодаря развитию информационных технологий.

Ключевые слова: цифровизация, электронная книга, автор, читатель, коллаборативный разум.

Abstract. Undoubtedly, one of the most important components of human cultural life for many centuries has been literature, and its physical expression is a book. But under the influence of digitalization, both literature and the book are changing more and more. This article examines the positive and negative aspects of these changes, as well as new models of interaction between the author, publisher and reader, made possible by the development of information technology.

Keywords: digitalization, electronic book, author, reader, collaborative mind.

УДК 002, 003, 004
ББК 60.0

*Отклик на дискуссию, состоявшуюся 21—22 октября 2020 г. в онлайнформате на заседании секции «Интегрирующая будущность: экономика с цифрой или цифра без экономики» в рамках тематического направления «Экономика и цифра: философско-хозяйственный подход» Ломоносовских чтений — 2020.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Баланов А.Н. Цифровизация в области литературы. Способы издания книги: новые возможности // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 271—275.

Литература издавна занимала важное место в культурной жизни общества и, разумеется, претерпела множество изменений в связи с его развитием и эволюцией. Часть из них была связана с созданием собственно книги. С момента появления процесс книгоиздания весьма трансформировался, преобразилась и сама книга. Задолго до возникновения привычной для современного человека конструкции книги из множества скрепленных между собой страниц тексты писались на глиняных табличках, свитках пергамента или папируса, бересте. Постепенно книга приобрела привычную нам форму, но все равно значительно отличалась от современной: текст написан от руки, а обложка часто украшена драгоценными металлами и камнями. В XV в. появляется книгопечатание, к XIX в. оно становится все более механизированным [1]. Но технологии не останавливаются и продолжают развиваться. В 1970-х гг. начинается процесс цифровизации книги, в результате чего возникает ее новая форма — электронная. Родоначальником ее считается Майкл Харт, студент Иллинойского университета. В 1971 г. он получил доступ к одной из ЭВМ и решил перевести в электронный формат самые известные тексты мировой литературы, первым из которых стала «Декларация независимости» [5].

Появление электронных книг вызвало большое количество обсуждений о преимуществах и недостатках новой цифровой формы.

Несомненным достоинством электронного формата является доступность книги. Причем под доступностью подразумеваются следующие аспекты. Во-первых, покупку электронной книги можно произвести мгновенно через интернет-магазин, занимающийся их реализацией. Во-вторых, тираж электронной книги (в форме изданий сетевого распространения) не ограничен, и купить ее сможет любой желающий, не создавая дефицита.

Еще одним преимуществом цифровой книги является ее компактность. Смартфон или ридер (устройство для чтения электронных книг) способны вместить в себя целую библиотеку [4].

В статье Д.А. Золотарева и Т.В. Белико «Сравнительный анализ особенностей восприятия текста на бумажном носителе и в интерактивной среде» выделяются следующие преимущества электронного формата: возможность свободного изменения текста; воз-

возможность нелинейного повествования за счет гиперссылок; возможность дополнения визуальной информации аудио и интерактивными эффектами [2].

В той же статье авторы говорят о том, что данные преимущества одновременно являются и проблемой электронного текста, поскольку он «существенно проигрывает печатным изданиям по психологическому комфорту и удобству на уровне простого манипулирования» [2]. Кроме того, при чтении электронных книг мы лишены эстетического восприятия самой книги, тактильных, обонятельных ощущений от бумаги и книгопечатной краски [4].

Но перечисленными фактами воздействие цифровизации на книгоиздание не ограничивается. Информационные технологии меняют не только физическое воплощение книги, но и роли людей, которые имеют к ней непосредственное отношение: автора, издателя и читателя.

Долгое время автор был полностью зависим от издателя, ведь без последнего книга не могла выйти в свет. Благодаря цифровизации, автору сегодня не обязательно посылать рукопись в издательство, а потом в течение нескольких месяцев ждать ответа, опубликуют ли его произведение. Вместо этого он может обратиться на специальную площадку для публикации электронных книг. В России такими площадками, например, являются «ЛитРес» и «Ridero». Автор решает, будет ли он самостоятельно заниматься оформлением внешнего вида своей книги, корректурой, редактурой или же наймет специалистов в данных областях, которых опять же может найти сам или же воспользоваться услугами издательской площадки. Таким образом, влияние издателя на автора минимизируется.

До сих пор мы говорили об уже готовой книге, но цифровизация дала авторам еще одну возможность: написание книги в режиме онлайн. Конечно, и раньше произведения выпускались по частям, например, в литературных журналах. Но современные технологии серьезно изменили этот процесс. Существуют онлайн-площадки, позволяющие автору публиковать свое произведение по мере написания частей. Одной из таких площадок является уже упомянутый нами «ЛитРес». Особенность данного вида публикации заключается во взаимодействии автора и его аудитории, которая способна дать

быстрый комментарий на выпущенный текст и повлиять на дальнейшее развитие произведения. Еще более ярким примером такого типа отношений между автором и читателем является «Книга фанфиков». Из самого названия ясно, что данный сайт изначально предназначался для написания фанфиков — историй, созданных по мотивам различных произведений. Кроме собственно фанфиков, на данном сайте публикуются и оригинальные произведения. Как правило, автор выкладывает одну главу, получает отзывы читателей и пишет следующую. При таком положении вещей читатель становится полноправным участником процесса написания книги, высказывая в комментариях пожелания автору, которые тот учтет и воплотит в жизнь, если посчитает нужным. Кроме того, читатели добровольно берут на себя функции редакторов и корректоров, указывая автору на ошибки и неточности в его произведении, а также исправляя данные проблемы при наличии доступа. Здесь мы сталкиваемся с феноменом коллаборативного разума, о котором говорит К. Костюк в статье «Формирование экосистемы электронной книги и трансформации книжного рынка»: «Коллаборативный разум — одна из фундаментальных особенностей новой экосистемы электронной книги: ибо она объединяет воедино не только создание книги, но и ее использование. Если раньше те, кто создавал книгу, ее “не читали”, подходили сугубо с точки зрения коммерческого и производственного интереса, то теперь невозможно провести грань, где завершается процесс создания книги и начинается процесс ее потребления, где одно сообщество идентифицирует себя исключительно как авторское, а другое — как читательское» [3].

Цифровизация уже весьма повлияла на мир литературы и книгоиздания, но процессы изменения роли автора, издателя, читателя не останавливаются, а продолжают активно расшатывать традиционную систему. В связи с этим в будущем предстоит решить множество вопросов, связанных с удобством восприятия электронного текста и регулированием правовых отношений в интернет-пространстве.

Литература

1. *Говоров А.А., Куприянова Т.Г.* История книги: Учебник для вузов: URL: <https://history.wikireading.ru/304694> (дата обращения: 01.05.2021).

2. *Золотарев Д.А., Белико Т.В.* Сравнительный анализ особенностей восприятия текста на бумажном носителе и в интерактивной среде // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 2: URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2011/2011_2_215_220.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

3. *Костюк К.* Формирование экосистемы электронной книги и трансформация книжного рынка // Pro-Books.ru. 2013: URL: <http://pro-books.ru/sitearticles/13550> (дата обращения: 01.05.2021).

4. *Маркова К.В.* Электронная книга как современный культурный феномен // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6/1: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-kniga-kak-sovremennyy-kulturnyy-fenomen/viewer> (дата обращения: 04.05.2021).

5. *Шнайдер А.* Краткая история электронных книг // Publish: URL: https://www.publish.ru/articles/201010_15518698 (дата обращения: 01.05.2021).

References

1. *Govorov A.A., Kupriyanova T.G.* Istoriya knigi: Uchebnik dlya vuzov: URL: <https://history.wikireading.ru/304694> (data obrashche-niya: 01.05.2021).

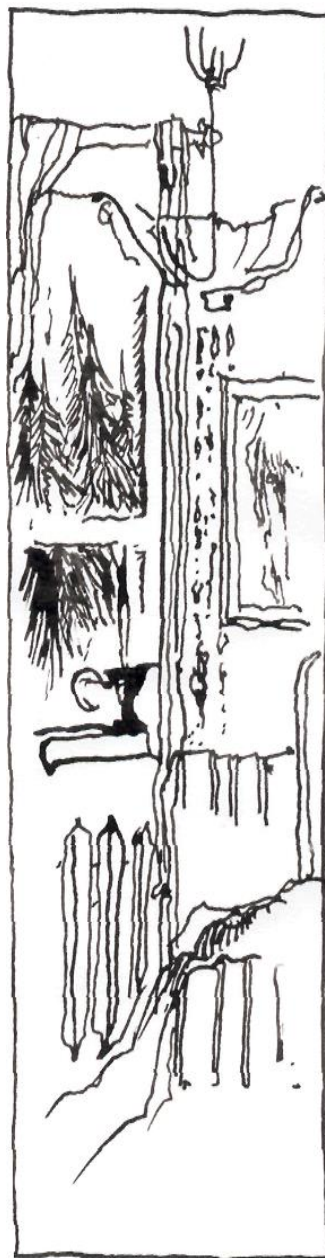
2. *Zolotarev D.A., Beliko T.V.* Sravnitel'nyj analiz oso-bennostej vospriyatiya teksta na bumazhnom nositele i v interak-tivnoj srede // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2011. Т. 13. № 2: URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izves-tia/2011/2011_2_215_220.pdf (data obrashcheniya: 01.05.2021).

3. *Kostyuk K.* Formirovanie ekosistemy elektronnoj kni-gi i trans-formaciya knizhnogo rynka // Pro-Books.ru. 2013: URL: <http://pro-books.ru/sitearticles/13550> (data obrashcheniya: 01.05.2021).

4. *Markova K.V.* Elektronnaya kniga kak sovremennyy kul'-turnyj fenomen // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2016. Т. 8. № 6/1: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-kniga-kak-sovremennyy-kulturnyy-fenomen/viewer> (data obrashcheniya: 04.05.2021).

5. *SHnajder A.* Kratkaya istoriya elektronnyh knig // Publish: URL: https://www.publish.ru/articles/201010_15518698 (data obrashche-niya: 01.05.2021).

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

* * *

18—20 апреля 2022 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась ежегодная научная конференция — Ломоносовские чтения — 2022 на тему: «Наука и искусство экономической политики в кризисных условиях». В рамках тематического направления «Экономика и цифра: философско-хозяйственный подход» прошла работа секции «Экономический дирижизм под знаком экстраординарных перемен: концепты и механизмы» (руководитель — д.э.н, профессор Ю.М. Осипов), на которой выступил 21 человек: доктора наук Ю.М. Осипов, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), А.В. Кузнецов, С.Г. Ковалев (СПб.), В.В. Чекмарёв (Кострома), Н.А. Шапиро (СПб.); кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), С.С. Мерзляков, Н.П. Недзвецкая, Е.А. Починкова (Новороссийск), Г.В. Фадейчева, Е.Х. Хабибуллина, Е.В. Шелкопляс (Иваново), Т.Ю. Яковец; научный сотрудник Т.С. Сухина, докторант Н.Н. Керимова (Азербайджан, Баку), аспирант В.И. Тимонина, соискатель ученой степени к.э.н. А.И. Сироткина.

* * *

Т.С. СУХИНА

**Экономический дирижизм под знаком
экстраординарных перемен***

Аннотация. Представлен обзор работы секции «Экономический дирижизм под знаком экстраординарных перемен: концепты и механизмы» в рамках экономической секции Ломоносовских чтений — 2022 «Наука и искусство экономической политики в кризисных условиях», состоявшейся на экономическом факультете МГУ

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Экономический дирижизм под знаком экстраординарных перемен // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 279—293.

18—19 апреля 2022 г. На секции состоялось всестороннее обсуждение актуальных вопросов изменения внутриэкономической политики России в связи с переформатированием международных экономических отношений.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономический дирижизм, экономика, общество, кризис, экстраординарные перемены.

Abstract. Presents the review of the session «Economic dirigisme under the sign of extraordinary changes: concepts and mechanisms» within the economic section of Lomonosov Readings—2022 «The Science and Art of Economic Policy in Crisis Conditions», which was held at the Faculty of Economics of Moscow State University on April 18—19, 2022 is presented. The session included a comprehensive discussion of topical issues of changing the domestic economic policy of Russia in connection with the reformatting of international economic relations.

Keywords: philosophy of economy, economic dirigisme, economy, society, crisis, extraordinary changes

УДК 330
ББК 65

В апреле 2022 г. в рамках работы экономической секции «Наука и искусство экономической политики в кризисных условиях» состоялись 4 сессионных заседания секции «Экономический дирижизм под знаком экстраординарных перемен: концепты и механизмы» под руководством заведующего лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ д.э.н., профессора Ю.М. Осипова в режиме онлайн в формате видеоконференции.

Цель работы сессии: философско-хозяйственное осмысление целоположенного экономического дирижизма в настоящий исторический момент: концепты и механизмы. На секции состоялось всестороннее обсуждение актуальных вопросов изменения внутриэкономической политики России в связи с переформатированием международных экономических отношений.

Открыл заседание руководитель секции д.э.н., профессор Ю.М. Осипов. «К экономике я подхожу как философ хозяйства, по-

нимая под экономикой обусловленное, опосредованное, обслуживаемое и управляемое *стоимостью* — идеальной, не покидающей сферы сознания, *трансцендентной субстанцией*, в реальной явленности выраженной в деньгах и ценах, когда деньги оценены, а цены оденежены, однако субстанцией как управляемой человеком, ее активным агентом, так и человеком, уже как пассивным агентом, управляющей, что происходит так или иначе в процессе *организации самоорганизации*, как и *самоорганизации организации*.

Что мы имеем сегодня, когда стоимость, а с ней и вся экономика на полном просторе, когда они не так хозяйственны, как внешнехозяйственны, нехозяйственны и даже антихозяйственны, когда они мало что оторваны от реального хозяйства, так еще и изрядно самовольны и относительно хозяйства катастрофно избыточны? Не что иное, как *тотально-хаосный кризис экономики как экономики*, за которым следует и *тотально-хаосный кризис хозяйства* с его небывалой избыточностью, искусственностью, виртуальностью, надуманностью, произвольностью, неуверенностью, расстройством, даже и растерянностью.

Это не что иное, как *общий апокалиптический кризис* (экономики прежде всего, но и хозяйства тоже), особенность которого в том, что из него нет ни стихийного автоматического, ни волевого управленческого выхода, а возможен лишь долговременно преобразенский исход с участием, как правило, войны, конечно же, вполне себе мировой, при этом и межмировой, пока на глазах как бы гибридной с региональными горячими точками, а затем, возможно, уже и вкупе со всемирным Армагеддоном (с выходом либо в совершенно новый, уже и остаточный, мир, либо же в полное небытие).

Вот так: бесподобный тотальный кризис — насильственное переустройство мира и его выход в новый мир с риском выскочить и в полное небытие.

Особая роль в такой ситуации принадлежит управленческому феномену — *дирижизму*, хоть и не предотвратившему указанный выше кризис, даже, наоборот, поучаствовавшему в его возникновении, но все-таки остающемуся единственной надеждой на осознанный антикризис, однако в каком-либо подвластном дирижизму пространстве вроде России — достаточно большом и разнообразном, в

основе самодостаточном, но при этом и локализованном, хоть и не вполне закрытом.

Экономический дирижизм — не новость, он всегда был и есть, хоть и в разных формах и реализациях вплоть до тотально плановых, как это было прежде всего в сталинском СССР.

Есть нам, о чем поговорить, вот и давайте поговорим!» — предложил в заключение Ю.М. Осипов.

Д.э.н. **А.В. Кузнецов** (Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва) в своем выступлении «Антироссийский гамбит Запада: концептуализация глобальной роли России с позиции философии хозяйства» подчеркнул, что с 1991 г. мир пребывает в состоянии системного застоя, что выражается в отсутствии прорывных достижений во всех сферах жизни социума. Главная причина системной деградации заключается в безальтернативном принятии миром западной модели развития, основу которой составляет последовательная замена реальных, естественных, природных ценностей виртуальными, фиктивными, искусственными симулякрами. Заблудившись в бесконечных лабиринтах технотронного пространства (в котором якобы не существует социальных иерархий, поведенческих табу и моральных ограничений), человек отдалился от реальности и постепенно превращается в бездушную и управляемую машину. В данной связи России в очередной раз в истории предстоит сделать экзистенциальный выбор — либо продолжить интегрироваться в самоубийственную матрицу западного образа жизни, либо попытаться высвободить сознание из ловушки искусственных ценностей цифровой глобализации и попытаться выстроить собственную альтернативную модель мироустройства, соответствующую ее цивилизационному генотипу, заключил А.В. Кузнецов.

Д.э.н., профессор **В.В. Чекмарев** (руководитель Костромского регионального отделения Петровской академии наук и искусств) в докладе «Новое экономическое бытие как общепространственное» пришел к выводу, что «сейчас Россия переживает новый судьбоносный момент, более опасный и острый, чем в середине XVI в. и в начале XX в. Нужен гиперболоид противостояния биоцифровизации. Только духовное усилие пусть не каждого, но энного процента населения — модального типа личности — является необходимым усло-

вием разрушения строящегося Постзападом биоцифрового концлагеря. Капитализм умирает, но нужно исходно подсесть тот строй, который идет ему на смену. В мире этого строя ни России, ни русским, ни людям вообще места не предусмотрено. Безопасность должна быть выше экономической выгоды!».

В выступлении к.э.н., доцента **Г.В. Фадейчевой** (Академия труда и социальных отношений, Москва) были рассмотрены «концептуальные аспекты исследования процесса становления системы потребностей в условиях экстраординарных перемен». Отмечено, что система общественных потребностей исторически прошла путь от потребностей хозяйства к системе потребностей экономики как особой специфической формы хозяйства, при этом особо был подчеркнут примат общественных потребностей над потребностями индивида. Обосновано, что в систему общественных потребностей хозяйства включаются потребности, обеспечивающие само существование и функционирование процесса общественного воспроизводства в данном социуме и в данный период времени, важнейшая роль среди которых отводится потребности в национальной безопасности. «Исследование современной системы общественных потребностей выдвигает перед отечественной обществоведческой наукой ряд важных концептуальных задач, среди которых: определение места человека — работника, человека — управленца и человека — продукта природы в новых условиях; исследование вектора общественного развития, корректировка его и формирование модели общественного развития; формирование новой культуры потребления, в том числе — культуры использования свободного времени; переход на новый уровень социальной ответственности и социального партнерства», — подчеркнула Г.В. Фадейчева.

В выступлении «Современная экономическая реальность в условиях геополитического кризиса» к.э.н. **Н.П. Недзвецкая** (экономический факультет МГУ) отметила, что «наряду с интенсивным развитием стратегически важнейших областей экономики, определяющих дальнейшую эволюцию цифровизации, следует обратить особое внимание на стимулирование среднего и мелкого бизнеса, распространение стартапов и сохранение высококвалифицированных IT-специалистов для дальнейшего расширения сетевой экономики в России. Решение сложнейших задач преобразования экономики, ее

производственного потенциала в соответствии с требованиями цифровизации невозможно представить в отрыве от активного научного вклада российских ученых и IT-специалистов, чей труд должен быть соответственно высоко оценен и вознагражден. С целью внедрения наукоемких технологий в производственные процессы следует обратить особенно пристальное внимание на стимулирование развития фундаментальных исследований. Несмотря на изменившуюся ситуацию в российско-европейских политических и экономических отношениях, традиционным союзником на долгосрочную перспективу для России должен оставаться европейский блок. Сегодняшние антироссийские экономические санкции со стороны Европейского союза являются последствиями политических баталий и будут ограничены во времени, а многовековой опыт экономической, научно-технической и культурной-образовательной интеграции России и стран Западной и Восточной Европы является мощной платформой для сохранения и дальнейшего развития всего спектра международных отношений».

В докладе «От плана ГОЭЛРО к Социальной доктрине» к.э.н. **Т.Ю. Яковец** (Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева (МИСК), Москва) предложила «для реализации идей дирижизма в России разработать концепцию христианского социализма. Его целью должно стать сбережение народа страны, инструменты реализации — индикативный план и социальная доктрина как его часть». Христианский социализм должен выступать в единой связке со всеми социалистическими партиями РФ, заключила Т.Ю. Яковец.

В докладе к.э.н. **Е.Х. Хабибуллиной** (экономический факультет МГУ) «Создание “сильной экономической структуры” как приоритетная цель русского неодирижизма в первой половине XXI в.». были намечены контуры национальной модели государственного регулирования экономики для России. Главной целью русской модели регулирования должно стать создание «сильной экономической структуры» с опорой на осознанное приспособление к фундаментальным особенностям континентального типа хозяйства, присущего России-Евразии, обусловленным его транспортно-географическим положением в отношении к океанической мировой торговле.

По мнению докладчицы, «интенсивное втягивание России в мировую торговлю ведет к двойной транспортной “обездоленности” — и российских продавцов, и покупателей. Россия обрекается на перспективу навсегда оставаться “задворками мирового хозяйства”. Отсюда приоритетность ориентации не столько на мировой рынок, сколько на развитие центров внутренней торговли, на целенаправленное, на уровне централизованного государственного регулирования экономики, создание народнохозяйственного комплекса, в котором приоритет отдается развитию хозяйственного взаимодополнения близлежащих областей. Это позволило бы многократно экономить на транспортных затратах, обеспечивая низкую себестоимость и высокую конкурентоспособность российских товаров на внутреннем рынке».

«Приспособление к своеобразию континентального хозяйства, понимание его фундаментального отличия от “морских” стран, становится условием выживания в условиях полномасштабного геополитического столкновения “океанического” Запада и континентальной России», — заключила Е.Х. Хабибулина.

В докладе «Возвращение экономики к истокам политической экономии (на примере энергетики)» аспирант Финансового университета при Правительстве РФ **В.И. Тимонина** показала, что «теоретическая экономическая наука, когда на практике рыночный механизм экономической конкуренции заменен политическими санкциями, подрывая классические основы рыночной экономики в принципе, снова превращается именно в политическую экономию. Ее субъектом по-прежнему являются хозяйствующие организации различного масштаба и формы собственности, а объектом исследования являются социально-экономические отношения, возникающие между ними на всех типах рынков и во всех рыночных сегментах. Усилилось только давление со стороны многих стран, убеждения и действия которых, направлены на личное обогащение, а не на экономический рост своей страны». И, по мнению В.И. Тимониной, ленинский постулат «политика как концентрированное выражение экономики» не только не потерял актуальности, а напротив, его значение в XXI столетии продолжает усиливаться, определяя собой все тренды развития.

В своем выступлении к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск) отметил, что «изначально, в момент своего возникновения, методология дирижизма 1944—1946 гг. во Франции как методология активного государственного регулирования отправлялась от национализации ряда крупных банков и ведущих отраслей промышленности, формирующих ядро государственного сектора. Отсюда и логика индикативного государственного планирования как избирательной экономической политики, концепции «привилегированных точек» роста (отраслей, корпораций), базирующихся на теориях Ф. Перру. Сам стиль рекомендательного, косвенного, опосредованного государственного регулирования предполагал опору на стратегический, воспроизводственный, целостный макроэкономический приоритет роста и развития в целом».

По мнению В.В. Кашицына, «для сегодняшней России и той степени производственных диспропорций, хаотизации и разбалансированности, которая ей свойственна последние десятилетия, методология дирижизма определенно имеет перспективную ценность, но в краткосрочном плане, очевидно, предполагает использование предварительной подготовительной фазы — своеобразного “Пролога”, в течение которого крайне необходимо жесткое восстановление основных воспроизводственных пропорций и важнейших технологических и макроэкономических цепочек и связей в экономике наряду с опережающей реконструкцией системы государственного управления и формированием центрального оценочно-контролирующего, прогнозирующего, планирующего органа-механизма с существенными ресурсами и полномочиями». Также, с точки зрения В.В. Кашицына, крайне необходима «предваряющая системная вертикально-горизонтальная своеобразная кадровая революция, ибо в противном случае профессионализм, как последние тридцать-сорок лет, не имеет шансов пропитать и замотивировать систему управления, оставаясь и воспроизводясь, как и сегодня, исключительно внизу».

В своем выступлении «Стратегическое хозяйствование в новой реальности» к.э.н. **Е.А. Починкова** (Московский гуманитарно-экономический университет, филиал в Новороссийске) обозначила «идею стратегического хозяйствования в России. В сложившихся условиях цель экономики — продолжить функционировать. Но в

перспективе целью должно стать построение самодостаточного хозяйства. Для этого есть хорошие предпосылки: наличие ключевых ресурсов, существенный масштаб хозяйства, опыт государственного планирования, желание общества производить и развиваться. Для достижения указанной цели требуется развитие технологий, в которых есть отставание от других стран (микроэлектроника, машиностроение, приборостроение, химия). Координация участников может осуществляться как на уровне государства, так и через механизм самоорганизации». Компаниям придется пересмотреть риски, логистику, стратегию работы с учетом новых реалий, заключила Е.А. Починкова.

Выступая в прениях, д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал Волгоградского государственного университета) подчеркнул, что «поиск новой модели хозяйственного развития России, который шел все последние три десятилетия, в настоящее время вступил в решающую стадию, что обусловлено геополитическими сдвигами и стремительным началом новой эпохи глобальных изменений. Многие связывают в организационном плане эти изменения с дирижизмом, в противовес неолиберальной идее. Представляется, что станцию с названием “Дирижизм” мы уже проехали, во всяком случае в России. Впереди нас ожидает станция “Мобилизационная”, с мобилизационной экономикой». И кто раньше в мире это поймет, тот быстрее адаптируется в этом хаосе, заключил М.М. Гузев.

Д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** отметил, что «частное предпринимательство — всегда экономический риск, антрепренизм — предпринимательство государственное — тоже риск, но иной, не экономический, а в общественном секторе, где ответственность выше.

Спецоперация объективно изменяет меру, в которой соотносятся в хозяйстве РФ экономика и общественный сектор. Вызываемые ею увеличение общественного сектора и противоположные сдвиги в экономике создают тенденцию к неустойчивой мере их диалектического единства, дополнительно расшатываемого неслыханными санкциями и вынужденными ответными мерами РФ в адрес недружественных стран. Возникла острая необходимость быстрого принятия мер, препятствующих этим тенденциям. В этих целях верно избрана финансовая составляющая хозяйства, обладающая

наивысшей оперативностью. Требование РФ оплаты в рублях за российские товары оказалось эффективно способствующим соблюдению меры в соотношении экономики и общественного сектора сегодня.

Все понимают: хозяйство инерционно! Как оно поведет себя через 2—3 месяца, когда инерция движения будет исчерпана, а воздействие санкций, наоборот, усилится? Диапазон возможных последствий обширен: от укрепления рубля (1 дол. = 1 р.), вследствие сворачивания экономики, до падения рубля (1 дол. = 200 р.)».

В докладе «Экономический дирижизм как политика воспроизводственной суверенизации РФ» д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) отметил, что «для XX в. характерны не только трансформационные и новые технологические процессы на уровне экономической материи, но и на уровне социального бытия в целом, уровне общественного сознания, целенаправленного конструирования будущего устройства человеческого общества, его возможных состояний. Для этой цели уже используются различные методы социального проектирования как на уровне суверенных обществ, так и на планетарном уровне, применяются методы индикативного планирования, информационные технологии, контроля над общественным сознанием.

Обретение технологической суверенности в высоких технологиях, в основных сферах жизнедеятельности, отраслях реального материального производства, информационной сфере и в возможных будущих технологических укладах важнейшая научно-техническая проблема и практическая задача, стоящая перед страной.

Ликвидация технологического отставания, выход в технологические лидеры реальны при условии мобилизации политической воли, консенсуса, солидаризации интересов элиты и населения, удержания молодежи и специалистов в стране на основе создания высокотехнологичных рабочих мест, достойной оплаты труда, а также применения современных инструментов регулирования воспроизводственных процессов.

Страна не может быть реально самодостаточной, иметь гарантированное светлое бытие и достойное место в мире без создания новой собственной технологической базы своего развития, без изменения модели развития. России в глобальном мире уготована участь

либо полупериферии, либо развитой страны. Шансы для поступательного развития у страны есть».

В выступлении д.э.н., профессора **Н.А. Шапиро** (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург) «О продуктивности медицинской метафоры “доказательная политика” в экономическом дирижизме» речь шла «о современной трансплантации доказательных медицинских практик в экономическое управление (дирижизм) корпораций и государства. Несмотря на то, что медицина была прообразом ряда моделей управления, на что не один раз указывал П. Друкер (1909—2005), прямой перенос концепта и механизма доказательной медицины в область экономической политики невозможен потому, что для рандомизированных испытаний, составляющих ядро доказательной медицины, в обществе нет условий. Нет быстро воспроизводимых “чистых линий” и, соответственно, нет оснований для достоверной оценки регулирующего воздействия (ОРВ)». Однако, по мнению автора, «не следует отказываться от идеи эксперимента и разработки ОРВ. Можно обратиться к работам Я. Тинбергена (1903—1994), чьи идеи по экономической политике второй половины XX в. включали и эксперименты, и оценки воздействия, но остались невостребованными по ряду исторических обстоятельств».

Соискатель степени к.э.н. **А.И. Сироткина** (Финансовый университет при Правительстве РФ) в докладе «Регулирование социально-экономических отношений в турбулентной среде терминальной стадии кризиса капиталистической системы» представила результаты исследования трансформации глобальной капиталистической системы в XXI в.:

- «сложившаяся капиталистическая цивилизация в связи с накопившимися имманентными противоречиями перешла в период системного кризиса, т. е. достигла точки (ряда точек) бифуркации;
- капитализм достиг терминальной стадии своего развития, для которой характерна деконструкция существующей глобальной социально-экономической системы;
- трансформация глобальной капиталистической системы в XXI в. в контексте разворачивающихся глобализационных процессов приводит к становлению и формированию глобального классового

общества, социально-экономической системы неокOLONиализма нового типа;

- субъекты социально-экономических отношений мегауровня (транснациональные корпорации и банки, транснациональные преступные объединения, частные военные и охранные компании, наднациональные структуры) образуют сетевую структуру взаимного владения, которая приобретает доминирующую по отношению к институту национального государства роль и концентрирует права собственности на экономические ресурсы;

- сохранение текущего тренда ведет к встраиванию России в социально-экономическую структуру глобального классового общества, а также систему неокOLONиализма нового типа в качестве объекта эксплуатации».

Директор Института развития человека (Иваново), к.мед.н. **Е.В. Шелкопляс** обратил внимание, что «основная функция элит — определение текущей политической программы действий, отражающей интересы общества. Аристотель описывал цикл существования элит следующей последовательностью: царская власть — тирания — аристократия — олигархия — крайне краткая демократия — охлократия, ведомая демагогом — хаос — единоличная власть, повторение цикла. Лучшей формой власти мыслитель считал “политию”, соединяющую особенности трех исходных форм, при условии, что массы будут просвещенными и ответственными.

Управление обществом требует влияния на сознание граждан, на которое воздействуют авторитеты. Власти целенаправленно формируют у общества иллюзии, ныне именуемые “постправдой”. Примером массовой иллюзии “народовластия” являются выборы “представительной власти”. В конце цикла собственного бытия элиты вырождаются настолько, что начинают обманывать и себя, чтобы избежать крайней тревоги за свое существование. Сегодня представления о безмерно богатой “мировой закулисе”, покупающей по своему усмотрению любых очередных властителей, ставят наблюдателя в тупик. То ли мировая элита прогуляла все, что имела, то ли одряхла вконец, коль власти стали смехотворны (президента США открыто называют “дедом на батарееках”, премьер-министр Великобритании явно злоупотребляет алкоголем и пишет в бульварную газетку не-

приличные стишки о президенте Турции, президентом Украины становится шут (хотя эта роль не отменяема, она имеет пожизненный характер))». В условиях несостоятельности элит повышается социальная активность масс, заключил Е.В. Шелкопляс.

Докторант Азербайджанского государственного экономического университета **Н.Н. Керимова** в выступлении на тему: «Индекс инклюзивного развития: оценка инклюзивности по странам» отметила, что «стремительное возникновение и распространение новых цифровых технологий, появление новых профессий и специальностей, “устаревание” многих традиционных профессий и их вытеснение препятствуют повышению инклюзивности в экономическом росте, т. е. хотя происходящий в странах высокий экономический рост сопровождается резким снижением бедности, тем не менее, данный подход отнюдь не всегда оправдывает себя для роста на душу населения. Это возможно лишь в случае депопуляции или низкого роста населения. Было бы уместно отметить, что на рост неравенства в доходах и расслоения влияют также политическая нестабильность, монополизм и другие факторы. Вложенные в экономику, в частности, в инфраструктуру, инвестиции, играют ключевую роль для роста и развития, так как инвестиции повышают занятость и доходы». Инвестирование инфраструктуры не только придает импульс росту, но и, создавая каждому возможность для пользования ею, служит распределению среди населения преимуществ роста, заключила Н.Н. Керимова.

К.ф.н. **С.С. Мерзляков** (экономический факультет МГУ) в выступлении на тему: «Общие формулы взаимодействия российского общества с IT-сообществом» охарактеризовал первоочередные задачи в данном направлении: найти и указать позитивные и негативные социокультурные качества российских IT-специалистов, которые мешают и помогают быть эффективным инструментом социокультурного развития; определить формат работы с позитивными и, особенно, негативными качествами с целью сглаживания шероховатостей, выделить общие формулы взаимодействия специалистов из сферы IT с обществом в целом. Эти формулы должны быть направлены на снижение отрицательного эффекта негативных социокультурных характеристик специалиста, которые препятствуют IT-

сообществу быть агентом социокультурной модернизации; использование позитивных особенностей в качестве драйвера социокультурной модернизации; формирование позитивного имиджа IT-специалиста как каркасного элемента позитивных изменений в российском обществе.

Научный сотрудник экономического факультета МГУ **Т.С. Сухина** в выступлении на тему: «Российское IT-сообщество: новые вызовы» представила обзор проблем и перспектив, возникших у представителей российского IT-сообщества под воздействием кризиса. Текущая ситуация на рынке отечественного программного обеспечения — это, безусловно, вызов. Он потребует колоссальных вложений денег, времени и людских ресурсов. Возможно ли и насколько необходимо «полное импортозамещение» в IT-сфере и какие дополнительные риски и угрозы несет в себе стремление к нему — вопросы, требующие пристального внимания в сложившейся ситуации.

В заключение **Ю.М. Осипов** подытожил, что приоритетам на сегодня являются: необходимость национально-ориентированного неолибералистского перестроения системы организации российской экономики; исторически обусловленный упор на национальные ресурсы и механизмы; потребная переориентация международных экономических отношений с Запада на Восток; необходимость анти-санкционных мер относительно внешних экономических и научно-технических санкций; необходимость неолибералистского проектирования текущей хозяйственной реальности и достижение предусмотренных параметров с использованием современных цифровых технологий.

Завершая работу секции Ю.М. Осипов отметил, что нарисованная им во вступительном слове «картинка не только не опровергнута в ходе дискуссии, но и подтверждена. Все еще ведомое в ментально-творческом отношении загнивающим на корню Западом (США) человечество, включая и российскую деловую и интеллектуальную элиту, как и нынешнее российское правление, надеются на *нано-электронно-цифровую* революцию, что позволит-де человечеству как бы оторваться от самого себя, перейти в новое — *постчеловеческое* — состояние, найти оставшемуся от человечества постчеловечеству с планетой и космосом подходящую постэкономическую и

даже постхозяйственную сообразность и продолжить свое небренное-де в мироздании существование.

Насколько это верно и исполнимо, пусть каждый судит сам».

Что касается меня, — заметил профессор Осипов, — «то я более всего заинтересован в осознанном преодолении антимирового кризиса посредством движения России и ее общества от навязываемой антимиром нежизни к полнокровной российской жизни через соборную консолидацию страны, обретение допустимой природой и человеком как человеком хозяйственной земно-космической меры, подчинение этой мере экономики вплоть до выведения ее из хозяйства и жизни, разумеется, не избегая охранительно-наступательного участия России в мировой борьбе, не исключая и ее — этой борьбы — военной составляющей.

В общем: непреложное осознание исторической ситуации — неодирижизм уже и весьма крутой, из центра и сверху — консолидация общества — житнетворящая мера — неизбежное внутри России перестроение и вне России борьба за ее суверенитет, — а что еще, кроме, конечно, подчиненного человеку и служащего неодирижизму “искусственного разума”»?

Апокалиптический конец и сам придет, если не противопоставить ему волевую *апокатастатiku*, на что Россия, хочется верить, и нацеливается, не без затрат и потерь очищаясь, сосредоточиваясь и изменяясь».

АНОНСЫ — 2022

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

из цикла

«Россия: земля и люди»

на тему:

***«Россия в разверзшейся реальности — отечественной
и мировой»***

29 июня 2022 г.

(онлайн)

(Совместно с Тамбовским государственным университетом
имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района
Тамбовской области)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2022

Всероссийский научный симпозиум

на тему:

«Государство и хозяйство: неразлучность и мера»

Цивилизованного хозяйства нет без государства (права, денег, инвестиций, пособий, вмешательств, контроля, да мало ли еще чего), но и государства нет без хозяйства вообще и собственно государственного хозяйства. Иное дело — степень огосударствления хозяйства, как и степень охозяйствования государства, тут могут быть разные решения. А вот отделять одно от другого — не более чем постмодернистское безумие! Особенно для (в) России. Безумству безумных не поем мы песню! Обсудим!

Сентябрь-октябрь 2022 г.

(Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на тему:

«Суверенная Россия: экономика, технология, культура»

Хозяйственно (экономически) суверенная и цивилизационно культурно самобытная Россия: мечты и реальность. Либо Россия во всех отношениях суверенная и самобытная страна, еще и по устройству своему имперская, либо никакой России! «Псевдороссийский симулякр» — в действии! Самое главное, ответственное и тяжкое состоит в том, что России таки придется существенно и полномасштабно измениться — перейти от неполноценного пореформенного образа к полноценному постреформенному! Оставшемся в России органично российскому интеллекту (не искусственному, боже упаси!) ничего не остается как твердить и твердить об этом пренеприятнейшем для многих российских-де интеллектуалов моменте — почти с ленинской страстью! Соберемся, поговорим, может, наконец, чего-нибудь и добьемся!

7—9 декабря 2022 г.

(МГУ, экономический факультет)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

АСЛАНОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор химических наук, профессор, химический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*aslanov.38@mail.ru*).

СТОЖКО ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и философии, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия (*d.k.stozhko@mail.ru*).

СТОЖКО КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор, кафедра философии, Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия (*kostskp@mail.ru*).

ОЛЕЙНИКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра экономики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия (*alek.oleinikoff2010@yandex.ru*).

ЧУРИЛИН МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ,

копирайтер, рекламное агентство «Публисис», Москва, Россия (*email:mafiz@yandex.ru*).

ИОХИН ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, отдел экономических исследований, Институт Европы РАН, Москва, Россия (*iokhinan@mail.ru*).

ВАЩЕКИНА ИРИНА ВИКТОРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра информационного права, информатики и математики, Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия (*vaschekina@mail.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь, Москва, Россия (*Dr.roman.sokolov@yandex.ru*).

ХУБИЕВ КАЙСЫН АЗРЕТОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*khubiev48@mail.ru*).

ТЕНЯКОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*itenyakov@mail.ru*),

БИРЮКОВ ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления персоналом, Омская гуманитарная академия, Омск, Россия (*sciencebv@gmail.com*).

ЧИРКОВ МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*mospil@mail.ru*).

ШУМИЛИНА МАРГАРИТА АРКАДЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, директор, Владимирский филиал Российского университета кооперации, Владимир, Россия (*mshumilina@ruc.su*).

НЕФЕДОВА КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, Владимирский филиал Российского университета кооперации, Владимир, Россия (*kseniya-nefedowa@yandex.ru*).

ЧИСТЯКОВ МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ,

научный сотрудник, Владимирский филиал Российского университета кооперации, Владимир, Россия (*shreyatax@mail.ru*).

ВОЛКОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА,

аспирант, кафедра макроэкономической политики и стратегического управления, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*elena-v2810@rambler.ru*).

ГУЛИЕВА АЙСЕЛЬ АЛИДЖАН КЫЗЫ,

кандидат экономических наук, преподаватель, кафедра экономической теории, Азербайджанский государственный экономический университет, Баку, Азербайджан (*aquliyeva5@gmail.com*).

ФОМИЧЕВ ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ,

доктор социологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия (*ifomi@mail.ru*).

НЕДЗВЕЦКАЯ НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА,

кандидат экономических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

ПРОСТАКОВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ,

студент 4-ого курса, международно-правовой факультет, Всероссийская академия внешней торговли, Москва, Россия
(prostakov.igorr@gmail.com).

ИВАНОВА ВЕРА НИКОЛАЕВНА,

специалист по кадровой работе, ООО «Металлургпроект», Москва, Россия
(vn_ivanova@mail.ru).

КОЛТУНОВСКИЙ КИРИЛЛ ИГОРЕВИЧ,

главный метролог, АО «Научно-производственное предприятие “Дельта”», Москва, Россия (fallout5@rambler.ru).

ШИРОКАЛОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА,

доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Приволжский филиал, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; ведущий научный сотрудник, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия (shirokalova@list.ru).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (shylevsk@mail.ru).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (eszotova@mail.ru).

БАЛАНОВ АНТОН НИКОЛАЕВИЧ,

руководитель продукта «ГосУслуги», РТ Лабс, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Москва, Россия (Balanov_Anton@bk.ru).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (tssmsu@mail.ru).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

ASLANOV LEONID ALEKSANDROVICH,

Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chemical Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*aslanov.38@mail.ru*).

STOZHKO DMITRIY KONSTANTINOVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia (*d.k.stozhko@mail.ru*).

STOZHKO KONSTANTIN PETROVICH,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia (*kostskp@mail.ru*).

OLEYNIKOV ALEKSANDR ALEKSEEVICH,

Doctor of Economical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics of St.Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia (*alek.oleinikoff2010@yandex.ru*).

CHURILIN MAXIM YUR'EVICH,

Copywriter, Advertising Agency «Publicis», Moscow, Russia (*email:mafiz@yandex.ru*).

IOKHIN VIKTOR YAKOVLEVICH,

Doctor Of Economis, Professor, Chief Researcher, Department of Economic Research, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (*iokhinan@mail.ru*).

VASHCHEKINA IRINA VICTOROVNA,

Candidate of Economis, Associate Professor, Chair of Information Law, Informatics and Mathematics, Russian State University of Justice, Moscow, Russia (*vaschekina@mail.ru*).

SOKOLOV ROMAN EVGENEVITCH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Private Researcher, Moscow, Russia (*Dr.roman.sokolov@yandex.ru*).

KHUBIEV KAISYN AZRETOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*khubiev48@mail.ru*).

TENYAKOV IVAN MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*itenyakov@mail.ru*),

BIRYUKOV VITALY VASILIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economy and Personnel Management, Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russia (*science-bvv@gmail.com*).

CHIRKOV MAKSIM ANDREEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*mospil@mail.ru*).

SHUMILINA MARGARITA ARKADIEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Director of the Vladimir branch of the Russian University of Cooperation, Vladimir, Russia (*mshumilina@ruc.su*).

NEFEDOVA KSENIA ALEXANDROVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Vladimir branch of the Russian University of Cooperation, Vladimir, Russia (*kseniya-nefedova@yandex.ru*).

CHISTYAKOV MAKSIM SERGEEVICH,

Research Associate, Vladimir branch of the Russian University of Cooperation, Vladimir, Russia (*shreyamax@mail.ru*).

VOLKOVA ELENA YUR'EVNA,

Postgraduate Student, Macroeconomic Policy and Strategic Management Department, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*elena-v2810@rambler.ru*).

GULIYEVA AYSEL ALIJAN,

Candidate of Economics, Lecturer, Department of Economic Theory, Azerbaijan State University of Economics, Baku, Azerbaijan (*aquliyeva5@gmail.com*).

FOMICHEV IGOR YURIEVICH,

Doctor of Sociology, Professor, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia (*ifomi@mail.ru*).

NEDZVETSKAYA NATALIA PAVLOVNA,

Candidate of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

PROSTAKOV IGOR IVANOVICH,

4th year Student, Faculty of International Law, All-Russian Academy of Foreign Trade, Moscow, Russia (*prostakov.igorr@gmail.com*).

IVANOVA VERA NIKOLAYEVNA,

HR Specialist, Limited Liability Company «Metallurgproekt», Moscow, Russia (*vn_ivanova@mail.ru*).

KIRILL IGOREVICH KOLTUNOVSKY,

Chief Metrologist, Delta Scientific and Production Enterprise Joint Stock Company, Moscow, Russia (*fallout5@rambler.ru*).

SHIROKALOVA GALINA SERGEEVNA.

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Researcher, Volga branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher, N.A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia (*shirokalova@list.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

BALANOV ANTON NIKOLAEVICH,

Manager of Product «GosUslugi», RT Labs, Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation, Moscow, Russia (*Balanov_Anton@bk.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация

формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.